

Ф.И. Успенский

История Крестовых Походов.

СПб., 1900-1901

Содержание:

История Крестовых Походов.

1. Обстоятельства Вызвавшие Крестовые Походы.

2. Первый Крестовый Поход.

3. Второй Крестовый Поход.

4. Третий Крестовый Поход.

5. Четвертый Крестовый Поход.

6. Пятый Крестовый Поход.

7. Шестой Крестовый Поход.

Заключение.

---

1. Обстоятельства Вызвавшие Крестовые Походы.

Крестовые походы имеют не только общеисторический интерес, как выражение идей и настроения умов в известный период средневековой истории. По своим мотивам, а равно

по ближайшим последствиям, в особенности же по разнообразным и глубоким влияниям на взаимные отношения Востока к Западу, крестовые походы не лишены специального значения для истории восточноевропейских народов. Составляя весьма важный отдел в западноевропейской истории, крестовые походы обильны внешними фактами и богаты результатами, которые хотя и куплены были весьма дорогой ценой, но могущественно повлияли на духовное развитие европейских народов. Тогда западные европейцы в первый раз большими массами поднялись со своих мест и, познакомившись

с неизвестными им народами и странами, частью усвоили их нравы и учреждения, частью передали им свои понятия и воззрения. На Востоке перед европейцами открылся новый мир с совершенно новыми и чуждыми ему понятиями, образом жизни и политическим устройством. Рассказы и описания виденного и слышанного составили богатую литературу, которая с живым интересом читалась по монастырям и рыцарским замкам. Западные народы вложили в крестовые походы много своих сил, и материальных, и духовных, поэтому нет ничего удивительного, что национальная история французов, немцев, ита-

льянцев и англичан не может не уделять значительного места изложению истории крестовых походов.

Для восточноевропейской — в частности для русской истории — крестовые походы представляют интерес с другой точки зрения, именно с позиции мотивов и результатов крестовых походов. Весьма рельефно выступающий в новой истории антагонизм между западной и восточной Европой, резко выдвигающаяся противоположность интересов и культур романо-германской и греко-славянской — в первый раз обнаружилась в эпоху крестовых походов, а нынешнее политическое и религиозное влияние католических стран на Востоке началами своими восходит к той же эпохе. Религиозная и национальная вражда к мусульманству, одушевлявшая первых крестоносцев и поддерживавшая их в перенесении громадных лишений и потерь, скоро уступила место другим побуждениям, которые однако оказались несколько не слабее первых и продолжали увлекать на Восток новые и новые западные ополчения. Когда первоначальная цель крестоносного движения перестала быть руководящим мотивом, выдвинулись на первое место политические соображения. Не об Иерусалиме и не об освобождении Гроба Господня из рук неверных стали помышлять вожди крестоносцев, а об основании независимых княжений на Востоке, о завоевании Византии, наконец, о торговых преимуществах в областях византийских и мусульманских. Таким образом, с точки зрения восточноевропейской истории эпоха крестовых походов представляет собой любопытнейший эпизод борьбы между Западом и Востоком, борьбы, которая еще не окончилась и поныне и продолжается на наших глазах, соединив разнообразные интересы, как религиозные, так и политические и торговые, в так называемом Восточном вопросе¹. Ввиду указанного крестовые походы и с точки зрения русской истории получают важное значение, как эпизод столкновения двух миров, и поныне разделяющих господство в Европе и Азии, и как вступительная глава в историю Восточного вопроса, в разрешении которого России суждено было принять деятельное участие.

Ближайшие обстоятельства, вызвавшие крестовые походы, до сих пор остаются не вполне ясными. Сильное развитие папской власти, мечтавшей в конце XI в. обратить греков к послушанию римской церкви, глубокое влияние духовенства, подвинувшего западные народы к исполнению воли римского первосвященника, тяжкое экономическое и социальное положение народных масс, привычка к войне и жажда приключений — вот причины, которыми объясняют начало крестовых походов. Решительным и последним побуждением было обращение царя Алексея I Комнина² к папе Урбану II³ в 1094 году с просьбой о помощи против турок-сельджуков⁴. Все эти мотивы, конечно, имели значение при возбуждении первого крестового похода, но ни все вместе, ни каждый в отдельности они недостаточно объясняют принятое крестовыми походами направление и на первых же порах обнаружившиеся недоразумения между крестоносными вождями и византийским правительством. В русской исторической литературе с особенной силой выдвинуто то обстоятельство, что крестовые походы стоят в тесной и внутренней связи с состоянием Византийской империи того времени и что принятое ими направление может быть выяснено из рассмотрения политических условий, в каких находилась тогда Византия.

Само собой разумеется, здесь подразумеваются отношения Византии к мусульманскому миру. К VIII в. мусульмане завладели Азией и Африкой⁵ и утвердились на островах Средиземного моря и в некоторых областях Западной Европы. В 717 г. они осадили столицу восточного христианского мира. Но царь Лев Исавр⁶ успел соединить против магометан большие морские и сухопутные силы и нанес им сильное поражение под Константинополем; это была первая победа христиан, надолго приостановившая победо-

носный напор мусульманского мира и спасающая от порабощения им переднюю Малую Азию. Скоро затем (в 732 г.) магометане потерпели большое поражение от Карла Марте-ла, заставившее их надолго отказаться от попыток новых завоеваний и в Западной Евро-пе⁷. Несмотря на частные успехи магометан на островах Средиземного моря (Крит и Си-цилия), несмотря на опустошения, производимые ими в Италии и Южной Франции, в об-щем в IX и X вв. они уже не были так страшны и победоносны, как ранее. Это отчасти объясняется внутренними явлениями, наблюдаемыми в самом мусульманском мире. Когда ослабел первый религиозный пыл, в магометанской среде начались распри, выра-зившиеся в политическом дроблении халифата и в религиозном сектантстве. Постепенно образовалось три халифата: Багдадский, Египетский или Фатимидский, и Испанский или Омейядский⁸. Багдадский халифат разделился к X в. на множество отдельных княжений; пользуясь его раздробленностью, византийские императоры Никифор Фока и Иоанн Ци-мисхий¹⁰ отняли у него часть Сирии с городом Антиохией и островом Крит⁹. Египетский халифат действовал отдельно от других и направлял свои силы против Сицилии и Южной Франции. Что касается испанских арабов, то они также были заняты внутренними война-ми и борьбой с вестготами¹¹. Магометанство вновь становится опасным для христиан в XI в., и притом как на Востоке, так и на Западе. На Востоке магометане приобрели новых прозелитов в лице туркменов, живших около Каспийского и Аральского морей. Туркме-ны, получившие потом имя турок-сельджуков¹², вторглись в области Багдадского халифа-та, подчинили себе мелких властителей Ирана и Месопотамии и начали принимать дея-тельное участие в делах самого халифата, занимая места приближенных советников и администраторов халифа и составляя его военную силу. Скоро турки-сельджуки перене-сли на себя весь интерес истории магометанского мира. Они завоевали почти всю Малую Азию, образовав могущественный султанат со столицей в Иконию, и угрожали самому Константинополю¹³. Один из крупных эпизодов этой эпохи сосредоточивается на событи-ях 1071 г., когда султан Альп-Арслан одержал блестящую победу над византийскими вой-сками при Манпикерте, в Армении, взяв в плен царя Романа Диогена¹⁴. Это поражение имело важное значение не для одной Византии, но и для всего христианского мира. Для сельджуков теперь открывался свободный путь к Мраморному морю и Босфору, они мог-ли без особенных затруднений осадить Константинополь. Как бы ни были грубы и дики сельджуки, они и тогда уже понимали, что тот план действий, который впоследствии был осуществлен османскими турками¹⁵, мог быть испробован и теперь. Что туркам-сельджу-кам была не чужда мысль о завоевании Константинополя, доказывается нижеследующими фактами.

Говоря о состоянии мусульманского мира накануне крестовых походов, нельзя оставлять без внимания европейских сородичей сельджуков, хорошо известных из рус-ской летописи половцев и печенегов, которые в конце XI в. распространились по Южной Руси и, переходя через Дунай, не раз тревожили Византийскую империю. Не далее, как летом 1088 г., печенеги нанесли Алексею Комнину страшное поражение при Дерстре (Си-листрия), захватили в плен многих знатных византийцев, а самого императора заставили искать спасения в постыдном бегстве. Богатая добыча, доставшаяся печенегам, пробудила алчную зависть в их союзниках — половцах, которые пришли к ним на помощь. Откупив-шись золотом от хищных соседей и подданных (печенеги были уже приняты на византий-скую землю), Алексей однако не мог быть спокоен и за ближайшее будущее, пока печене-ги без страха переходили Балканы и нападали на византийские города Адрианополь и Фи-липпополь, доходя даже до стен столицы. На этот раз опасение усиливалось еще и потому,

что половцы, не получив себе части из византийской добычи, грозили двинуть всю половецкую орду за Дунай, чтобы отомстить печенегам. Правда, половцы в этом отношении могли оказать услугу Византии, но чего было ожидать потом от такого рода слуг и союзников?

В зиму 1089/90 г. печенеги расположились в адрианопольской области, чтобы весной начать свои опустошительные набеги в самое сердце империи. Император занимался обучением войска для предстоящего похода и набором новых отрядов. Лето 1090 г. принесло с собой новые затруднения. Турецкий пират Чаха, воспитанный в Константинополе и хорошо знакомый с положением дел, снарядил собственный флот и составил план действий против Империи с моря, пока печенеги будут отвлекать ее силы с суши. Все лето император провел в походе против печенегов. Чтобы судить об опасности, угрожавшей Константинополю, достаточно сказать, что военные действия сосредоточивались около Чурля, то есть на расстоянии одного дневного перехода от столицы. С наступлением осени война прекращалась, но печенеги не думали возвращаться в свои кочевья, а расположились тут же, почти в виду Константинополя. Зима 1090/91 г. прошла в постоянных схватках, которые, впрочем, не имели решительного значения ни для той, ни для другой стороны. Столица была заперта, из нее не выпускали жителей, потому что за стенами города рыскали печенежские наездники. В трудных обстоятельствах, какие могла помнить Византия из предшествовавшей истории, ее спасала возможность морских отношений. Но теперь Чаха замышлял отрезать для Константинополя и море. Располагая значительным числом кораблей, он сделался полновластным господином Босфора и Мраморного моря. Стало известно, что его послы переговариваются с предводителями печенежской орды и уславливаются об общем плане действий. Вообще, положение империи в 1091 г. представляется в высшей степени беспомощным. Едва ли ранее угрожала ей такая неминуемая и близкая гибель. Император, говорит Анна Комнина¹⁶, видя, что и с моря, и с суши наше положение весьма бедственно... посланиями, отправленными в разные стороны, спешил собрать наемное ополчение. Некоторые из этих грамот назначены были в половецкие вежи¹⁷, другие — к русским князьям; без сомнения, были послания и на Запад, в особенности к друзьям, которые уже доказали раз свое расположение к императору, каков был Роберт, граф Фландрский¹⁸, приславший Алексею вспомогательный отряд. До нашего времени сохранился один экземпляр послания, отправленного Алексеем Комнином к графу Роберту Фландрскому. Вот в главных чертах его содержание: “Святейшая империя христиан греческих сильно утесняется печенегами и турками; они грабят ее ежедневно и отнимают ее области. Убийства и поругания христиан неисчислимы и так страшны для слуха, что способны возмутить самый воздух... Почти вся земля от Иерусалима до Греции, — не исключая и Фракии, — подверглась их нашествию. Остается один Константинополь, но они угрожают в самом скором времени и его отнять у нас, если не подоспеет быстрая помощь верных христиан латинских. Пропонтида¹⁹ уже покрыта двумястами кораблей, которые принуждены были выстроить для своих угнетателей греки. Таким образом, Константинополь подвергнется опасности не только с суши, но и с моря. Я сам, облеченный саном императора, не вижу никакого исхода, не нахожу спасения; и принужден бегать перед лицом турок и печенегов. Итак, именем Бога умоляем вас, спешите на помощь мне и греческим христианам. Мы отдаемся в ваши руки; мы предпочитаем быть под властью ваших латинян, чем под игом язычников. Пусть Константинополь достанется лучше вам, чем туркам и печенегам. Для вас да будет также дорога та святыня, которая украшает город Константинополь, как она дорога для нас... Священные предметы не должны достаться во власть языч-

ников, ибо это будет великая потеря для христиан и их осуждение. Если, сверх ожидания, вас не одушевляет мысль об этих христианских сокровищах, то я напомним вам о бесчисленных богатствах и драгоценностях, которые накоплены в столице нашей. Сокровища одних церквей в Константинополе могут быть достаточны для украшения всех церквей мира. Нечего говорить о той неисчислимой казне, которая скрывается в кладовых прежних императоров и знатных вельмож греческих. Итак, спешите со всем вашим народом, напрягите все усилия, чтобы такие сокровища не достались в руки турок и печенегов. Ибо, кроме того бесконечного числа, которое находится в пределах империи, ожидается ежедневно прибытие новой 60-тысячной толпы. Мы не можем положиться и на те войска, которые у нас остаются, так как и они могут быть соблазнены надеждой общего расхищения. Итак действуйте, пока есть время, дабы христианское царство и, что еще важнее, Гроб Господень не были для вас потеряны, дабы вы могли получить не осуждение, но вечную награду на небеси²⁰. Нет ничего удивительного, что для патриотического чувства греческих писателей того времени прискорбно было вспоминать о тяжелых обстоятельствах, связанных с посылкою на Запад подобных посланий; чувство гордости и сознания собственного достоинства не позволило им приводить содержание грамот, посланных Алексеем Комниным в 1091 г. И вообще, обращение Византийской империи за помощью к латинскому Западу всегда знаменовало крайний упадок нравственных сил в Константинополе и было выражением самого беспомощного состояния. Положение императора Алексея Комнина в зиму 1090/91 г. может быть сравниваемо разве что с последними годами империи, когда османские турки окружили Константинополь со всех сторон и отрезали его от внешних отношений²¹.

Не только в области дипломатической замечается склонность безусловно отдать себя в распоряжение Запада: заведена была речь о церковном разделении Востока и Запада, о мерах к соединению двух церквей²². Обмен посольствами по церковным вопросам началась с 1089 г.; что папа считал возможным дружелюбное разрешение этих вопросов, свидетельствует уже освобождение императора Алексея Комнина от церковного отлучения, которое лежало на нем, как на схизматике. К тому же времени (1091 г.) относится происхождение сочинения Болгарского архиепископа Феофилакта²³ о заблуждениях латинян. Оно написано в весьма миролюбивом духе и приводит к заключению, что ошибки латинян были не так многочисленны, чтобы считать неизбежным разделение церквей. Перечислив обыкновенные отступления западной церкви: опресноки²⁴, пост субботний и безбрачие духовенства, он говорит, что одни из них не заслуживают внимания, другие нуждаются в умеренном исправлении. Только один вопрос не допускает никакой уступки — о прибавке в символе²⁵. Латиняне, продолжает он, могут сослаться на скудость своего языка, и им может быть предоставлено право пользоваться своим способом выражений в беседах и церковных поучениях, но в символе не должна быть допущена никакая неясность, никакое прибавление. Если таким образом западные и восточные богословы могли бы согласиться между собой в вопросе о догмате, тогда греческой церкви, говорит Феофилакт, следовало бы сообразоваться с примером Ап. Павла, который для сущих под законом сам являлся подзаконным и участвовал в жертвах очищения²⁷. Таким образом, и в церковном вопросе Византия склонна была в это время к уступкам. Если не состоялся тогда так желаемый обеими сторонами собор, это произошло от совершенно посторонних обстоятельств, и между прочим оттого, что самому папе Урбану II угрожало низвержение с римского престола (антипапа Климент III)²⁸.

Между тем, воззвание Алексея Комнина на Западе должно было произвести сильное движение. Не без причины, конечно, Первый крестовый поход составил по преимуществу из владетельных князей и рыцарей Франции. Роберт Фриз²⁹, к которому, между прочим, адресовано письмо Алексея Комнина, был авторитетным глашатаем Первого похода именно в среде высших классов; притом и послание императора Алексея совершенно ясно и определенно ставило вопрос о цели похода, то есть именно так, что могло возбудить самые заманчивые надежды феодальных рыцарей: берите империю и Константинополь, богатств найдете вы много; пусть все будет ваше, лишь бы не доставалось печенегам и туркам. Гроб же Господень и Иерусалим, оскверняемый неверными, был достаточным знаменем для верующих в простоте сердца, среди которых действовали другие проповедники, между которыми особенной известностью пользовался Петр Пустынник³⁰. Не забудем и того, что в первом походе участвуют сын Роберта Фриза и два его племянника, а также немало близких родственников. Первый крестовый поход, таким образом, состоялся бы и помимо папы и имел бы тогда совершенно иное значение и несколько другие цели. Но в октябре 1093 г. умер Роберт Фриз, чем замедлился ход начавшегося в рыцарстве движения. В латинских летописях того времени сохранились некоторые указания, что уже в 1092 г. были речи о крестовом походе, было движение умов в этом направлении.

Пока на Западе происходили переговоры и составлялись соображения, скорому осуществлению которых помешала смерть Роберта Фриза, император Алексей Комнин не только успел пережить мучительные минуты отчаяния, внушившие ему малодушное послание, но и устранить опасность, которая угрожала его империи. На весну 1091 г. Чаха приготавливал высадку в Галлиполи, сюда же потянулась печенежская орда, но его отвлекли от своевременного прибытия к месту сбора греческие морские силы, а потом он был убит никейским султаном. 40 тысяч половцев под предводительством Тугоркана и Боняка³¹ и отряд русского князя Василька Ростиславича³² содействовали тому, что печенеги были уничтожены 29 апреля 1091 г. Половецкие предводители Тугоркан и Боняк оказали громадную услугу Византии. Печенежская орда была ими уничтожена, остатки ее не могли уже возбуждать опасений, напротив, в качестве легких разведочных отрядов они с пользой служили в византийском войске. Не будь на службе императора этих печенежских конников, ему не так легко было бы тревожить крестоносные отряды неожиданными нападениями, заставляя их держаться в тесном строю и не расходиться по окрестностям для грабежа мирного населения. С победой над печенегами Алексею перестала угрожать опасность соединения азиатских и европейских турок (печенеги и турки-сельджуки — одного происхождения); раздробленные и враждующие между собой малоазиатские княжества турок-сельджуков были для Алексея совсем не так опасны, как норманнское нашествие, как набег печенежский, или как остроумный и дальновидный замысел пирата Чахи. Но к 1092 г. Алексей был уже свободен от томительного страха за судьбу империи, а на Западе только еще знакомились с содержанием его послания и собирались в поход, который имел определенную цель — спасти византийскую империю от печенегов и сельджуков. Здесь, конечно, следует искать причину к объяснению взаимных недоразумений и горьких обвинений, которые направлялись крестоносцами против византийцев и наоборот. К крайнему изумлению крестоносцев, печенеги и турки оказывались на службе императора и всего чувствительнее вредили им быстрыми набегами; византийский император не только не сдавал им города и не унижался, но еще требовал себе ленной присяги и договаривался о городах, которые крестоносцы завоюют у турок. Но нужно помнить, что не меньше изумлены были движением крестоносного ополчения и византийцы: они утвер-

ждают, что это движение на Восток было вызвано не их просьбами, а произошло самостоятельно и угрожало пагубными последствиями для греческой империи.

Примечания

1 *Восточный вопрос*: так в дипломатии и исторической литературе называется комплекс международных противоречий конца XVIII — начала XX вв., связанный с кризисом Османской империи и борьбой великих европейских держав за раздел ее владений.

2 *Алексей I Комнин* (1048-1118) — византийский император с 1081 г., основатель династии Комнинов.

3 *Урбан II* — см. прим. 1 к гл. 2.

4 *Турки* (правильней: *тюрки-сельджуки*) — орда кочевых тюрок-огузов, получившая имя своего предводителя Сельджука. Первоначально сельджуки кочевали в районе Сыр-Дарьи, потом переместились в Хорасан, где в 1038 г. создали собственный султанат; меньше чем за двадцать лет захватили обширные территории Западного Ирана, Азербайджана и Ирака, включая Багдад. Багдадский халиф признал сельджукидского султана “царем Запада и Востока.” К концу века их владения включали уже часть Малой Азии.

5 *К VIII в. мусульмане завладели Азией и Африкой и утвердились на островах Средиземного моря и в некоторых областях Западной Европы.* — К VIII в. арабы (единственные проводники исламизации в то время) в Азии, кроме Аравийского полуострова, владели Сирией, Арменией, Азербайджаном, Ираном и частью территории современного Афганистана; в Африке — Египтом, Ливией и Триполитанией. Первые европейские завоевания (на Пиренейском полуострове) были сделаны ими уже в начале VIII в.

6 *Император Лев Исавр* — Лев III Исаврийский, византийский император (717-741). Активно оборонял страну от арабов, выдержав их осаду Константинополя в 717 г. с суши и моря и разбив арабские войска благодаря “греческому огню.” Победа императора при Акроине в 740 г. положила конец завоеваниям Омейядов в восточной части империи.

7 *Карл Мартелл* (“Молот,” ок. 688-741) — франкский майордом, фактический правитель Франкского государства в 715-741 гг., сын майордома Пипина Геристальского. В знаменитой битве при Пуатье в октябре 732 г., командуя объединенными войсками франков, сумел разбить арабские войска под командованием Абдар-Рахмана и остановить их продвижение в Европу, после чего арабы отошли к Пиренеям.

8 *Три халифата: Багдадский, Египетский, или Фатимидов, и Кордовский, или Омейядов.* — Еще в IX в. халифат Аббасидов, который назывался также Багдадским, разбился на ряд меньших, практически независимых феодальных владений. В 909 г. от него отделился халифат Фатимидов, первоначально находившийся в Ифрикии, на территории современного Туниса (а не в Египте), позже завоевавший всю Северную Африку, а во второй половине XI в. действительно сохранивший лишь Египет. Кордовский халифат Омейядов в 929 г. образовался из Кордовского эмирата, созданного в 756 г. на Пиренейском полуострове Омейядом Абдар-Рахманом I, бежавшим туда после захвата Аббасидами власти в Арабском халифате и уничтожения ими прежней династии Омейядов.

9 Арабы захватили Крит в 823 г., а Сицилию — в 875 г.

10 *Никифор Фока и Иоанн Цимисхий*: в правление энергичных византийских императоров Никифора II Фоки (963-969) и Иоанна I Цимисхия (969-976) Византия добилась внушительных побед в Болгарии и Сирии, вновь вернув Крит и Кипр (963) и укрепив свое влияние в Европе и на Востоке.

11 *Вестготы*: говорить о них практически не приходится с 711 г., когда погибло Вестготское королевство, поглощенное арабами. Лишь часть вестготов, укrywшихся в горах Астурии на севере Испании, образовала в 718 г. Астурийское королевство и положила начало Реконкисте. Во второй половине XI в. христианские государства Испании, воспользовавшись пресечением династии Омейядов, сумели распространить свою власть на Толедо и Мадрид, но уже в 1086 г. потерпели поражение при Салаке.

12 *Туркмены, получившие имя тюрок-сельджуков...* — точнее было бы наоборот: сельджуки, а если брать шире — огузы, стали одной из составляющих туркменской нации.

13 Собственно *Конийский* (Иконийский) *султанат* возник в 1077 г., выделившись из Сельджукского государства. До его распада в начале XIV в. здесь правила ветвь династии Сельджукидов.

14 *Султан Алп-Арслан... взял в плен императора Романа Диогена* — второй султан-сельджукид Алп-Арслан (1063-1072), завоевав Армению в 1071 г., разбил и взял в плен византийского императора Романа IV Диогена (1067-1071) в битве при Манцикерте (Маназкерте), после чего сельджуки заняли почти всю Малую Азию, а затем Сирию и Палестину. Поражение византийцев было вызвано изменой Андроника Дуки, который после возвращения императора из плена заставил его отречься от престола, а затем умертвил.

15 ...*тот план действий, который впоследствии был осуществлен османскими турками.* — Имеется в виду захват Константинополя турками-османами в 1453 г.

16 *Анна Комнина* (1083-1148) — дочь императора Византии Алексея I и Ирины, жена Никифора Вриенния. Умная, честолюбивая и талантливая, претендовала на корону после смерти отца в 1118 г. Овдовев, в 1147 г. удалилась в монастырь. Написанная ею история ее отца “Алексиада” содержит интереснейшие подробности о крестоносном движении и принадлежит к лучшим историческим сочинениям византийцев.

17 *Половецкие вежи*: так в русских летописях называли половецкие полевые укрепления, а также ханские шатры.

18 *Роберт, граф Фландрский* — Роберт I Фриз, граф Фландрии (ок. 1013-1093). В юности строил проекты завоевания Византийской империи с группой нормандских рыцарей. Был женат на Гертруде, графине Фрисландской (Голландской). Его брат Балдуин VI перед смертью доверил ему своего сына Арнульфа III и регентство над Фландрией; потом вдова Балдуина Рихильда это оспорила. В состоявшейся в 1071 г. битве с ее сторонниками, в числе которых были войска короля Филиппа I Французского, Роберт одержал победу. Гибель Арнульфа III в этом сражении позволила Роберту стать графом. В 1085 г. совершил паломничество в Святую Землю.

19 *Пропонтида* — древнегреческое название Мраморного моря.

20 Подлинность этого письма, от которого сохранилось несколько латинских копий, но не греческий текст, вызывает большие сомнения. Подавляющее большинство историков считает его пропагандистской фальшивкой, направленной на то, чтобы, соблазнив рыцарей сокровищами Константинополя, побудить их отправиться в поход на Восток. Вместе с тем ряд исследователей допускает, что Алексей действительно в момент обострения печенежской угрозы направлял какие-то письма о помощи западным князьям.

21 *С последними годами империи, когда османские турки окружили Константинополь...* — см. прим. 15.

22 Раскол христианской церкви на западную и восточную произошел в 1054 г. в Константинополе, где легат папы Льва IX кардинал Гумберт и патриарх Константинопольский Михаил Кируларий предали друг друга анафеме.

23 *Феофилакт* — Феофилакт Болгарский (первая пол. XI в. — после 1126), византийский богослов и писатель. Принадлежал к высшей духовной знати, был вхож ко двору императора Михаила VII. В 1088-1089 гг. возглавил Охридское архиепископство. Из его сочинений наиболее известно толкование Священного Писания.

24 *Опресноки* — пресный хлеб, который употребляет римско-католическая церковь для совершения таинства евхаристии (в православии для этого используется квасной хлеб).

25 *Прибавка в символе*: имеется в виду “филиокве,” добавление к христианскому символу веры, принятое на Толедском соборе в 589 г., в соответствии с которым Св. Дух исходит от Бога-Отца и Бога-Сына, а не только от Бога-Отца, как прежде. Греко-византийская церковь не приняла этого добавления.

27 *Греческой церкви... следовало бы сообразовываться с примером апостола Павла, который для сущих под законом сам являлся подзаконным и участвовал в жертвах очищения.* — Имеется в виду эпизод из “Деяний апостолов” (21): апостол Павел, прибыв в Иерусалим, по совету пресвитеров выполнил иудейский обряд очищения, чтобы показать населению, что он соблюдает закон Моисея.

28 *Антипапа Климент III*: настоящее его имя — Виберто. Он был архиепископом Равеннским; в 1080 г. император Генрих IV при поддержке части епископов назначил его папой в противовес Григорию VII. После смерти Григория в 1085 г., при Викторе III и Урбане II, продолжал контролировать некоторые районы Рима. В конце концов был изгнан оттуда населением, укрылся в одной из крепостей близ Равенны и умер там в 1100 г.

29 *Роберт Фриз* — см. прим. 9.

30 *Петр Пустынный* — Петр из Амьена (ок. 1050-1115), один из организаторов первого крестового похода. По свидетельству ряда хронистов, в 1090 г. совершил паломничество в Иерусалим, где встретился с патриархом и получил от него письмо к папе с просьбой об освобождении Гроба Господня. По его утверждениям, к этой встрече его побудил сам Господь, явившийся ему во сне. После взятия Иерусалима в 1099 г. вернулся во Францию, где основал августинский монастырь, в сане настоятеля которого и умер.

31 *Тугоркан и Боняк* — половецкие ханы (кон. X-нач. XI в.). Боняк был прозван русскими летописцами “шелудивым хищником” за частые нападения на Киевскую Русь (с 1096 г.).

32 *Василько Ростиславич* — князь Тербовольский (ум. 1124 г.), сын Ростислава Владимировича, князя Тмутараканского, правнук Ярослава Мудрого. Известен как союзник половцев против печенегов и Польши.

2. Первый Крестовый Поход.

Движение в пользу крестовых походов было уже довольно заметно в рыцарских замках и в деревнях, когда в нем принял непосредственное участие папа Урбан II¹. Можно даже думать, что первый крестовый поход осуществился бы и без знаменитой Клермонской речи, как это показывает ход событий. В марте 1095 г. папа Урбан II присутствовал на соборе в Пьяченце, где решались вопросы церковного благочиния — о строгости монашеской жизни, о мире Божиим и прочее, и где церковный авторитет обнаружился в некоторых мерах по отношению к германскому императору и французскому королю. Говорят, что в конце собрания была высказана мысль о крестовом походе. Летом того же года папа был в южной Франции, 18 ноября состоялся собор в Клермоне. Действия этого собора далеко не отличаются характером военных решений, напротив, ограничиваются церковной сферой. Здесь снова были выдвинуты церковные вопросы: о прекращении феоды², о мире Божиим³, произнесено отлучение от церкви короля Филиппа⁴. В конце заседания папа произнес ту речь, с которой обыкновенно начинают историю первого крестового похода. Но о содержании этой речи, сказанной под открытым небом, ибо огромное стечение народа не могло поместиться ни в одном городском здании, нельзя составить точного представления. Правда, речь эта передана тремя писателями Первого похода⁵, которые сами присутствовали на соборе и были свидетелями всего происходившего, но содержание речи у всех передано по памяти, со значительными личными вставками и такими отличиями в изложении, которые способны внушить мысль, что все они передают не одну речь, а разные. Само собой разумеется, если бы речь Урбана II действительно имела официальное значение, то она должна была бы сохраниться в каком-нибудь акте, а не в случайном изложении писателей. Точно так же и по отношению к организации крестового похода роль Урбана II сводится к самым незначительным мероприятиям. Правда, он обещал принять под защиту церкви имущество тех, кто отправится в крестовый поход, возобновил распоряжение о прекращении внутренних войн, поручил епископу Адемару⁶ произнести отпущение грехов для всех присутствовавших на соборе, но этим в сущности и ограничивалось участие папы в деле такой важности для всего европейского человечества, как организации крестового похода. Нужно было иметь мало политического такта и совсем не понимать готовящихся событий, чтобы оставаться до такой степени безучастным к организации и направлению похода, в котором за отсутствием церковного руководства должны были получить место настроения, несогласные с интересами церкви.

Если таким образом папе Урбану и его Клермонской речи нельзя приписывать решающего значения в деле Первого крестового похода, то остается рассмотреть составные элементы, в которых составила крестоносная армия, и в них поискать разгадки движения.

В Первом крестовом походе прежде всего выступает на первый план народное движение, оно шло впереди и, по всей вероятности, вызвало движение высших классов. Во главе воодушевленных проповедников, неотразимо действовавших на простой народ, предание ставит Петра Пустынника, или Амьенского. Теперь уже доказано, что сага о Петре Амьенском не имеет фактической достоверности, ибо стало известно, что он не был в Иерусалиме и что рассказ о его видении в храме Гроба Господня есть позднейший вымысел. Тем не менее, участие Петра и подобных ему лиц, красноречиво обращавшихся к массам простого народа с проповедью о борьбе с неверными, более всего содействовало тому, что идея крестового похода стала популярной в народных массах.

Петр Пустынник проповедовал о походе в северной Франции; вокруг него собралось множество народа с полным доверием к нему, как пророку Божию. В то же время некто Вальтер из рыцарского сословия⁷, по прозвищу Готшалк (Нищий), собрал массы народа в других местах⁸. К концу зимы он уже имел до 15 тысяч. Готшалк сначала действовал вместе с Петром, потом отделился от него и сам собрал огромную толпу из франков, швабов и лотарингцев. Проходя через Германию, эти толпы нападали на сельских жителей, производили грабеж и вообще не хотели соблюдать приказаний своих малоуважаемых вождей. В прирейнских городах Трире, Майнце, Шпейере и Вормсе толпы крестоносцев напали на евреев, многих перебили и разграбили их имущество. Означенные вожди и их сподвижники, выступившие в поход весной 1096 г., стояли во главе хотя и многочисленного, но самого жалкого сброда, к которому принадлежали преступники, беглые крестьяне и не ужившиеся в монастырях монахи. Эти первые крестоносные толпы не имели с собой ни запасов, ни обоза, не признавали никакой дисциплины и позволяли себе невообразимые насилия на пути, оставляя по себе самую дурную память. С подобными нестройными массами в первый раз знакомятся греки и турки-сельджуки и по ним составляют понятие о целях, средствах и силах крестоносцев.

Когда крестоносное ополчение приблизилось к границам Венгрии, там уже знали, с кем приходится иметь дело, и приняли меры предосторожности. Король Каломан⁹ стоял с войском на границе и поджидал крестоносцев. Он соглашался не только пропустить их, но и снабдить съестными припасами, если они не будут позволять себе насилий и беспорядков. Первая толпа, пришедшая в Венгрию, имела во главе Готшалка. Здесь она услышала, что другой отряд, предводимый графом Эмиконом Лейнинген¹⁰, был почти весь уничтожен в Чехии князем Брячиславом¹¹. Тогда ополчение Готшалка, считая своим долгом отомстить за своих собратьев, начало опустошать страну, по которой оно проходило. Каломан напал на крестоносцев и одним ударом решил участь всего отряда. Позже этой же дорогой прошли толпы, предводимые Петром и Вальтером. Наученные опытом, они прошли через Венгрию в должном порядке и без особенных приключений. Но на границе Болгарии их ждал враждебный прием. Петр проходил через Болгарию как через неприятельскую землю и, весьма ослабленный, добрался до границ Византийской империи. Численность крестоносцев, после всех потерь, доходила до 180 тысяч.

Когда ополчение Петра достигло границы Византийской империи, царь Алексей Комнин послал навстречу ему послов и обещал снабжать Петра всеми продовольственными средствами, если он без замедления поспешит к Константинополю. На местах остановок крестоносцы действительно находили припасы, и греческое население относилось к ним с доверчивостью и не разбегалось при их появлении. Только на два дня Петр остановился в Адрианополе и 1 августа 1096 г. прибыл к столице. Здесь к нему присоединились остатки отряда Вальтера, императорские чиновники указали им место остановки и расположения. Император отнесся к этой крестоносной толпе со всей гуманностью и состраданием. Он уговаривал Петра переждать на европейском берегу пролива, пока подойдут рыцарские отряды, ибо плохо вооруженная толпа, каково было почти 200-тысячное войско Петра, не в состоянии сражаться с турками. Призвав к себе Петра и расспросив его, император понял, что он имеет дело с мечтателем, совершенно не знакомым с принятыми им на себя обязанностями предводителя. Алексей, однако, выразил полное расположение к Петру, сделал ему подарок, приказал раздать деньги и припасы его отряду и просил лишь соблюдать порядок и не допускать насильственных действий. Крестоносцы бродили по городу, удивлялись роскоши и богатствам; беднякам нельзя было брать за деньги все, что

им нравилось, и они начали брать силой. Последовали неизбежные столкновения с полицией, пожары и опустошения. Благочестивые крестоносцы стали жаловаться, что их против воли удерживают на европейском берегу и не позволяют вступить в борьбу с врагами креста Христова. Что оставалось делать византийскому правительству? Не без удовольствия оно вняло ропоту толпы и дало ей возможность перебраться на азиатский берег. Здесь при Еленополе, на северо-западе от Nikeи, крестоносцы расположились лагерем. На неприятельской земле, в виду турок-сельджуков, владения которых простирались тогда почти до самого берега моря, крестоносцам нужно было держаться со всей осторожностью и в полном подчинении одному вождю. Но Петр не сумел сохранить своего влияния: толпы расплылись по окрестностям, грабили селения и опустошали страну, одной удалось даже близ Nikeи одержать верх над турецким отрядом¹². С кичением и самонадеянностью удалцы рассказывали в лагере о своих подвигах; составила́сь другая толпа охотников, пожелавшая повторить набег. Все это делалось помимо Петра Пустынника, против его советов и предостережений. С огорчением он оставил лагерь крестоносцев и возвратился в Константинополь поджидать рыцарских ополчений. Затем все крестоносное войско постигла самая жалкая участь. Между тем как толпа охотников, запертая в одном укреплении, была уничтожена турками, в Еленопольском лагере был распущен ложный слух, что Nikeя взята крестоносцами. Все пожелали участвовать в добыче и шумно, без всякого порядка, снялись с лагеря. Путь лежал по гористой местности, которую заняли турки. Нестройная и беспорядочная толпа крестоносцев была перебита в один день, немногие спаслись бегством к Босфору и перевезены на греческих лодках в Константинополь. Это было в первых числах октября 1096 г.

Рассказанные события составляют введение в Первый крестовый поход. Большинство участвовавших в этих событиях были люди, которые не возвышались до политических целей и соображений и действовали только под влиянием фанатического чувства; насилия и убийства, совершенные ими в тех странах, через которые они проходили, стремясь к своей цели — в Венгрии, Болгарии и Константинополе, казались им вполне благочестивыми подвигами, непосредственно относившимися к делу. Несчастный опыт, сделанный первыми крестоносцами, послужил уроком для последующих крестоносных войск. Как венгры, болгары, так и сами греки стали недоверчиво относиться к действиям крестоносцев и их целям; по первым толпам они судили вообще о всех крестоносцах. Но кроме этого обстоятельства весьма невыгодно отзывалось на крестоносцах и то, что несчастный исход октябрьской катастрофы, уничтожив сотни тысяч крестоносцев, вселил уверенность в турок. Как у греков, так и у турок возникли новые планы относительно крестоносцев.

События 1096 г. должны были ускорить движение рыцарей. Проповедь о крестовом походе нашла приверженцев и среди высших слоев общества; но она не коснулась тех лиц, которые могли направить движение по одному плану и к одной цели. Ни французский, ни английский, ни немецкий короли не могли принять и не приняли участия в этом движении. Это объясняется тем, что как король французский, так и германский император состояли в неблагоприятных отношениях с римским престолом. Филипп I, король французский, навлек на себя гнев святого престола своим бракоразводным процессом. Германский король Генрих IV находился в самом критическом положении; он был вовлечен в трудную и опасную борьбу за инвеституру и готовился в это время смыть с себя позор каносского свидания¹³. Но, не принимая личного участия, никто из них не мог и остановить начавшегося движения. Среднее и высшее сословия — рыцари, бароны, графы, герцоги —

были увлечены сильным движением низших классов, к которым пристали также и города, и не могли не поддаться общему течению. Видя массы народа, которые без оружия, без провизии стремились в неизвестные земли на неизвестное рискованное предприятие, военные люди считали бесчестным оставаться спокойными на своих местах.

Летом 1096 г. началось движение графов, герцогов и князей. В середине августа снаряжился в поход Готфрид Бульонский, герцог Нижнелотарингский¹⁴ (племянник Готфрида Бородатого¹⁵, который в борьбе за инвеституру был решительным врагом Григория VII¹⁶). Готфрид Бульонский имел качества феодального государя, который хотел провести в своих владениях меры, противоположные интересам святого престола, и совершенно не сочувствовал недавней победе папства над светской властью. Но как скоро Готфрид Бульонский принял участие в крестовом движении, народная сага придала ему церковный характер. В этом обличье для историка трудно отличить настоящего Готфрида, отделить действительность от фантазии, истину от вымысла. По позднейшим преданиям, свой род Готфрид ведет от Карла Великого¹⁷. Он находится в прямой связи с папами, он их помощник и слуга; он строит, одаривает церкви... Но если исключить из образа Готфрида все что приписывает ему сложившаяся позднее мифологическая традиция, то он представляется нам в высшей степени не симпатичным, не идеальным. Он желает на Востоке вознаграждать себя за те потери, которые понес в собственных владениях. Чтобы иметь средства для похода, он заложил свои владения епископу Люттиха и Верлюна¹⁸. Получив за это значительную сумму денег, он собрал вокруг себя многочисленный отряд (до 70 тысяч) из хорошо вооруженных рыцарей и снабдил его провиантом и всем необходимым для дальнего похода.

К нему присоединились его братья Евстафий и Бодуэн, впоследствии король Иерусалимский¹⁹. Готфрид не был главным начальником всего похода, но во многих случаях князья и бароны спрашивали его совета и руководствовались его мнениями. Он держал путь к Константинополю через Венгрию и Болгарию, то есть шел той же дорогой, что и ополчение Петра, Вальтера и других.

Наследственные земли французской короны того времени выставили отряд под предводительством брата короля, Гуго графа Вермандуа²⁰. Это был еще молодой человек, гордый своим происхождением и рыцарской славой, тщеславный и пустой, по свидетельству Анны Комнины. Поход был для него лишь средством для поиска славы и новых владений. Он спешил как можно скорее добраться до Константинополя и предпринял путь через Италию, чтобы отсюда морем переправиться в Византию. Поспешность повредила ему; он действительно первым попал в Константинополь, но в печальном положении: буря прибила его судно к берегу, и он должен был без особенных почестей отправиться в Константинополь по приглашению императорских чиновников.

На севере Франции составилось два ополчения: герцог Нормандии Роберт²¹, сын Вильгельма Завоевателя²² и брат тогдашнего английского короля Вильгельма Рыжего²³, предпринял поход уже совсем не из религиозных побуждений. В своем герцогстве он пользовался весьма ограниченной властью и располагал малыми доходами. Большая часть городов Нормандии принадлежала английскому королю; бароны не оказывали повиновения своему герцогу. Для Роберта поход в Святую Землю казался единственным средством выйти из затруднительного положения, в которое он поставил себя в Нормандии. Заложив английскому королю свое герцогство, Роберт получил необходимую для предприятия сумму и собрал вокруг себя рыцарей Нормандии и Англии. Другое ополчение собралось во Фландрии под предводительством Роберта Фриза²⁴, сына известного графа того же име-

ни, пилигрима в Святую Землю, находившегося в дружественных отношениях с царем Алексеем Комнином.

Все три ополчения северной и средней Франции направились через Италию, где папа Урбан благословил их предприятие, причем Гуго Вермандуа получил из рук римского епископа священную хоругвь²⁵.

Из южной Франции составилось ополчение под главенством Раймунда, графа Тулузского²⁶. Он уже ранее прославился в войнах с арабами и обладал всеми качествами народного вождя. Сотысячный отряд и строгая дисциплина снискали уважение графу Тулузскому в Греции и в Азии. Он шел через Альпы к Фриулю и потом берегом Адриатического моря через Далмацию. Граф Раймунд Сен-Жиль играет странную роль среди других предводителей крестоносного ополчения. В нем мало энергии, мало предприимчивости; он как бы сам упустил из рук свое главенство и отдавал его другим.

Французские крестоносцы, избравшие путь через Италию, не успели все переправиться в Византию до наступления зимы. Часть их зимовала в Италии. Этому обстоятельству следует приписать движение, появившееся в южной Италии в начале 1097 г. Князь Тарентский Боэмунд²⁷, сын Роберта Гвискара²⁸, владел маленьким княжеством, не удовлетворявшим его честолюбию и не соответствовавшим его военной славе. Он вошел в переговоры с оставшимися в южной Италии толпами крестоносцев и убедил их примкнуть к нему и под его начальством начать поход. Значение Боэмунда Тарентского особенно усилилось тем, что с ним соединился для похода его племянник Танкред²⁹, замечательнейшее лицо Первого похода. Южно-итальянские норманны, самые опасные враги Византии, не один раз уже считавшиеся с ней из-за обладания Далмацией, вносили, в лице своих представителей Боэмунда и Танкреда, новый мотив в крестоносное движение — политические счеты и вражду к Византии. Силы норманнов могли равняться по качеству с силами французских рыцарей. Но предводители их были кроме того чрезвычайно коварны и корыстолюбивы. В особенности Танкред не мог переносить их присутствия, держался во всем походе недоверчиво и не хотел подчиняться выгодам общей пользы. Зимой 1096 г. норманны были заняты общим делом — войной с Амальфи³⁰. Боэмунд воспользовался случаем, сосредоточившим в одной местности норманнских рыцарей, и убедил их, что лучше искать счастья в отдаленных землях, чем терять время в осаде Амальфи. Так князь Боэмунд стал во главе южно-итальянских и сицилийских норманнов, вместе с тем в Первый крестовый поход вносился мотив сведения политических счетов с Византией. Все перечисленные отряды преследовали совершенно самостоятельные цели. Общего плана действия и главнокомандующего не было. Даже части отрядов и отдельные рыцари нередко переходили от одного вождя к другому.

В Константинополе заблаговременно получались сведения о движении князей, о числе их войска и направлении, какого они держались на пути в Азию. Само собой разумеется, точных известий не могло быть: доносили, что крестоносцев более, чем звезд на небе и песка на берегу моря, подозревали у некоторых вождей враждебные намерения относительно самой столицы Византийской империи. Царевна Анна Комнина так передает впечатление, произведенное крестоносным движением: “Разнеслась весть о нашествии бесчисленных франкских ополчений. Император испугался, ибо знал, каков был этот народ — неудержимый в порывах, неверный данному слову, изменчивый. Не без основания, предвидя важные затруднения, он принял свои меры, чтобы быть готовым встретить вождей крестоносного ополчения”³¹.

Византийское правительство упрекают в том, что оно своим недоверием и интригами парализовало действия крестоносцев и одно должно нести ответственность в неуспешности всего предприятия. Вместо того, чтобы вместе с вождями Первого похода идти против турок-сельджуков, император Алексей, говорят, довел до крайних пределов подозрительность и думал извлечь личные выгоды из крестового похода. В дальнейшем изложении мы будем иметь возможность судить о взаимных отношениях византийского правительства и вождей крестового похода; теперь же заметим, что византийцы и крестоносцы иначе понимали весь ход отношений, из чего возникали крупные недоразумения и промахи со стороны тех и других. На первых порах Алексей остановился на мысли — пользуясь разобщением вождей и отсутствием между ними такого руководителя, который заправлял бы всем походом, не допустить, чтобы все отряды в одно и то же время собрались около Константинополя; наблюдать особо за каждым вождем, как скоро явится он в пределах Византии, и стараться по возможности скорее переправить его на азиатский берег. Знакомясь отдельно со свойствами и характером каждого предводителя, Алексей вступил с некоторыми из них в приятельство и завязал дружбу, вследствие чего должен был измениться и его взгляд на поход. Тогда открылась возможность поставить вопрос, чтобы все завоевания, которые могли бы сделать крестоносцы у турок, переходили к византийскому императору и чтобы вожди предварительно дали в этом присягу.

Первым, с кем познакомился Алексей, был Гуго, граф Вермандуа. Еще из Италии он отправил к императору два письма, извещая о своем решении принять крест и о том, что высадится на византийскую землю в Драче (*Dyrrachium-Epidamnus*). На основании этих писем в Константинополе были сделаны соответствующие распоряжения. Местные власти получили приказание сейчас же по прибытии Гуго дать об этом знать в столицу и стараться без всякой медлительности препроводить его далее. Несколько судов греческого флота крейсировало около берега и наблюдало, когда прибудет Гуго. На беду, Гуго не мог встретить торжественного приема: буря выбросила его корабль на берег, византийская береговая стража нашла его в жалком положении. Сообразно полученным приказаниям, Гуго препроводили в Константинополь, где император устроил ему почетную встречу. Это было вскоре за поражением турками первой крестовосной толпы под Никеей, приблизительно в декабре 1096 г. Император был к нему весьма любезен, оказывал ему почет и внимание и без особенной борьбы убедил его дать вассальную присягу. За Гуго следили и доносили императору обо всем, что он делал и с кем говорил; на Западе из этого распространилась молва, что Гуго находится в плену и что император вынудил его дать ленную присягу.

Готфрид, герцог Нижнелотарингский, был уже в византийских пределах, когда узнал, что сделалось с Гуго и как он дал византийскому царю присягу на верность. Он отправил из Филиппополя посольство в Константинополь, требуя, чтобы Гуго была дана свобода, затем начал опустошать область, по которой проходило его войско. За день до Рождества Готфрид был уже под самым Константинополем. Император Алексей просил его к себе для переговоров; но Готфрид боялся западни и не хотел войти в столицу. Однако же крестоносцам отведено было место для стоянки, так как Готфрид желал дожидаться под Константинополем других вождей. Алексею не хотелось иметь в герцоге Нижнелотарингском врага себе, и потому он употреблял все меры предупредительности, чтобы вызвать его на личное свидание. Особенно, когда весной 1097 г. к столице стали подходить остальные вожди, для византийского правительства были совершенно основательные причины бояться их единодушного нападения на столицу. Обмениваясь посольствами с Гот-

фридом, Алексей оцепил его лагерь печенежскими и славянскими наездниками с тем, чтобы совсем изолировать его от отношений с вновь прибывавшими вождями. Между этими последними особенные опасения возбуждал Боэмунд, князь Тарентский. Алексей хорошо знал этого вождя по предыдущим войнам с Робертом Гвискараром. Воззрения на норманнов у византийских писателей выражаются так: “Боэмунд имел старую вражду с императором и таил в себе злобу за поражение, нанесенное ему под Лариссой³²; общим движением на Восток он воспользовался с тем, чтобы отомстить императору и отнять у него власть. Прочие графы и по преимуществу Боэмунд только для вида говорили о походе в Иерусалим, на самом же деле имели намерение завоевать империю и овладеть Константинополем”³³. Можно догадываться, в каком тревожном состоянии было византийское правительство, когда Готфрид не подавал надежды на примирение, а Боэмунд приближался к Константинополю. Однако всю зиму Алексей честно выполнял свои обязательства, своевременно доставляя припасы и предупреждая столкновения. 3 апреля 1097 г. Алексей решился принудить силой герцога Готфрида уступить. Правда, соображения византийского императора были весьма негуманны, и византийцы первые начали делать нападения на отделившихся от лагеря крестоносцев. Алексей думал, что герцог не решится на борьбу с ним, что запертый с одной стороны морем, а с другой — цепью византийского войска, он поймет всю невыгоду своего положения и согласится дать требуемую присягу. Но эти расчеты не оправдались: Готфрид поднял весь лагерь и прорвался через цепь византийских войск. К вечеру того же дня крестоносцы подступили к стенам города. Большой опасности лотарингцы внушать императору не могли, но ему и то уже было неприятно, что дело зашло так далеко, что расчеты его оказались ложны. К тому же было получено известие о приближении Боэмунда и его желании вступить с императором в переговоры. И было чего опасаться: узнав Боэмунд о раздоре между императором и герцогом, тогда соединились бы норманны и лотарингцы и дали ему весьма чувствительный урок. Алексей сделал попытку повидаться с Готфридом и поручил вести переговоры об этом графу Гуго. Но герцог сурово обошелся с Гуго и колко заметил ему: “Ты, сын королевский, ставши рабом, хочешь и меня обратить в рабы! Не хочу я ни ленной присяги давать, ни в Азию переправляться.” Тогда император приказал вновь теснить крестоносцев. Ход событий проследить весьма трудно, по последующим событиям можно лишь заключить, что крестоносцы терпели поражения и что ни Готфрид не узнал о приближении норманнов, ни Боэмунд — о затруднительном положении лотарингцев. Герцог согласился, наконец, принять предложение императора о личном свидании и явился во дворец. Император принял франкского герцога сидя, окруженный толпой царедворцев. Готфрид и его свита приблизились к трону и, коленопреклоненные, целовали руку императора. Алексей поговорил с каждым из свиты Готфрида и похвалил герцога за его благочестивую ревность, превозносил его военную славу. Затем Готфрид дал за себя и своих рыцарей ленную присягу, обещая возвратить императору все города, которые ему удастся отвоевать у турок. Не позже 7 или 10 апреля лотарингское войско было переправлено на азиатский берег Босфора. Пример лотарингского герцога, давшего Алексею ленную присягу, имел значительное влияние на сговорчивость последующих вождей, а для императора Алексея это служило прецедентом — от каждого вождя требовать подобной же присяги.

Боэмунд шел в Азию с другими намерениями, чем герцог Лотарингский. Он думал основать на Востоке независимое владение, причем рассчитывал не только на норманнские силы, но и на помощь императора. Боэмунду таким образом желательно было прикинуться другом Алексея, для чего он заранее готов был на все уступки. Он отделился от

своего отряда, поручив его Танкреду, и в первых числах апреля поспешил к Константинополю, чтобы переговорить с императором и войти с ним в соглашение. Переговоры с Боэмундом были непродолжительны: как император, так и Тарентский князь были лучшими политиками того времени и рассыпались друг перед другом в любезностях. Против ленной присяги Боэмунд не нашел особенных возражений и спокойно назвал себя вассалом императора. Ему было отведено роскошное помещение в Константинополе и посылались кушанья с царского стола. Боэмунд боялся отравы и отдавал приносимые блюда приближенным; тогда из дворца стали доставлять припасы в сыром виде. В тот день, когда Боэмунд дал клятву, император показал ему одну часть дворца, которая ради этого случая была украшена драгоценностями. Золото и серебро лежало здесь кучами. У Боэмунда сорвались слова при взгляде на эти сокровища: “Если бы мне владеть такими богатствами, то давно бы я повелевал многими землями.” Ему заметили, что сокровища назначены ему. Раз Боэмунд предложил императору назначить его великим “доместиком Востока”³⁴. Алексей не дал на это ни своего согласия, ни резкого отказа, оставляя Боэмунда в надежде получить это важное звание при благоприятных обстоятельствах.

Остальные вожди прибыли в Константинополь по большей части в мае. Роберт Фландрский и Роберт Нормандский дали ленную присягу без особенных колебаний. Только граф Тулузский Раймунд не уступил ни просьбам, ни угрозам, ни даже военной силе. Алексей мог добиться от Раймунда только обещания не предпринимать ничего против жизни и чести императора. Все отряды были перевезены на другую сторону Босфора. С конца апреля лотарингцы и норманны двинулись к Никее, другие отряды пристали к первым уже в походе. Император озаботился доставкой съестных припасов и обещал лично присоединиться к крестоносцам, как скоро сделает предварительные распоряжения.

Алексей мог находить весьма благоприятными для себя обязательства, которые дала ему большая часть вождей. Во всяком случае важнейшие затруднения устранялись, как только западные дружины были перевезены в Азию. Ближайшие отношения византийцев с латинянами не могли, однако, склонить их к взаимному уважению и доверию. Император еще раз потребовал торжественной клятвы от крестоносцев, когда они уже переправились в Азию, причем случилось следующее. Один французский рыцарь, принеся императору ленную присягу, сел на его трон, и император ничего не осмелился заметить ему, “зная высокомерие латинян.” После того, как князь Бодуэн взял рыцаря за руку и указал на неприличие такого поступка, рыцарь воскликнул, гневно смотря на императора: “Что за грубый человек, он сидит, когда столь многие знатные стоят перед ним!”

В Малой Азии крестоносцы должны были почти каждый шаг брать с боем. Византийское господство на Востоке во второй половине XI в. было уничтожено турками-сельджуками, которые сделались повелителями всего магометанского и христианского населения в Азии. Широкие полномочия, которыми владели наместники провинций, и отсутствие закона о престолонаследии были, однако, причиной того, что отдельные части обширного султаната распались на независимые владения. Для крестоносцев было весьма важно то, что иконийский эмир, владевший Малой Азией, не мог двинуть против них большие турецкие массы, так как состоял во вражде с соседними магометанскими владетелями Сирии и Армении³⁵, от султана же был в полной независимости. Император Алексей Комнин, угрожаемый норманнами и печенегами, не имел времени восстановить свою власть на Востоке, хотя внутренние раздоры и усобицы турок не раз давали ему случай без особенного напряжения отнять у них по крайней мере Малую Азию. Крестоносцам пришлось вести дело с эмиром Килидж-Арсланом³⁶, который утвердил свою столицу в

Никее, на восток его эмират простирался до реки Евфрата. Нужно иметь в виду, что магометанского населения, сравнительно с туземным христианским, не могло быть много, что симпатии малоазийского населения скорее всего могли быть в пользу крестоносцев, чем турок завоевателей.

Как ни искренно было желание крестоносцев добраться скорее до Иерусалима, но прошло два года, пока они прибыли в Палестину. События этих двух лет показывают, как между предводителями различных частей крестоносного ополчения развился дух партии, как постепенно изменились стремления и цели предводителей.

Более выдающуюся роль в крестоносном ополчении играют норманны, в лице их предводителя Боэмунда, герцога Тарентского, и провансальцы, предводимые Раймундом. Причины возвышения этих двух вождей среди крестоносного ополчения различны для каждого из них. Провансальцы были хорошо вооружены и вообще отличались всеми необходимыми качествами правильно устроенного войска. Сам их предводитель Раймунд был человек религиозного направления и принял крест, исключительно следуя нравственным влечениям; для религиозных целей он готов был пожертвовать всеми политическими интересами и соображениями. Совершенно противоположного направления были Боэмунд и Танкред, представители норманов: это были князья, видевшие в крестовом походе средство для достижения политических целей. Все их стремления сосредоточивались теперь на Сирии, где они хотели основать независимое княжение. Боэмунд был гениальным человеком как в военном, так и в политическом отношении: где нужно было напряжение сил для победы над сильнейшим врагом, где нужны были серьезные соображения и умно составленные планы действий, там крестоносные вожди обращались к уму Боэмунда. Норманны шли впереди всего крестоносного ополчения; они первые испытывали натиски турок-сельджуков, они же первые подступили к Никее, тогда как другие отряды крестоносного ополчения, оставшись позади, постепенно прибывали один за другим. Мало есть данных, по которым можно было бы судить о численности всего крестоносного ополчения. Можно думать, что из Константинополя отправилось всего до 300 тысяч военных людей, кроме этого, судя по тому устройству войска, которое было в обычае того времени, можно предположить, что в ополчении было еще около 300 тысяч чернорабочих, женщин, детей и других лиц, добровольно приставших к ополчению; следовательно, численность крестоносного ополчения доходила во всяком случае до полумиллиона.

Обстоятельства, можно сказать, благоприятствовали крестоносцам. Килидж-Арслан, уничтожив толпы крестоносцев, предводимые Петром, Фолькмаром³⁷ и другими, не ожидал новой опасности, был вдали от Никеи, занимаясь набором новых войск. Город Никея расположен на берегу озера, вокруг которого возвышаются крутые горы. Находясь в выгодных условиях, данных самой природой для защиты от внешнего врага, и окруженный стеной, город мог бы выдержать продолжительную осаду, но городской гарнизон был малочислен и слаб. Население, окружавшее город, было преимущественно христианское — греки и армяне, которые, естественно, своими симпатиями были на стороне крестоносцев. Последние могли тем легче приобрести эти симпатии, что вместе с ними следовал маленький греческий отряд, предводимый греческим же стратегом. Первыми подошли к Никее норманны и лотарингцы. Хотя народная сага выдвинула личность Готфрида Бульонского, как играющего первенствующую роль в делах первого похода, но не ему, не лотарингцам принадлежит главная роль: направление делам дают Боэмунд Тарентский и Раймунд Тулузский, норманны и провансальцы.

Южная часть города, обращенная к озеру, была плохо защищена; именно с этой стороны крестоносцы и должны были начать свои военные действия. Так как крестоносцы подходили к Никее отдельными отрядами, далеко не достаточными для того, чтобы окружить город со всех сторон, то они и не могли вести правильной осады. Подойдя в это время к городу Килидж-Арслан, он мог бы нанести крестоносцам значительный урон, и их ошибка надолго осталась бы непоправимой. Боэмунд уговорил вождей, не дожидаясь прихода Килидж-Арслана, дать ему сражение вдали от Никеи. Килидж-Арслан потерпел поражение и должен был удалиться внутрь страны, предоставив Никею ее собственной судьбе.

После поражения Килидж-Арслана, крестоносцы воспользовались лодками, доставленными им по распоряжению греческого императора, для военных операций против Никеи, со стороны Асканиева озера. На 18 или 19 июня 1097 г. был назначен общий приступ, которым заправляли Боэмунд Тарентский и Раймунд Тулузский. Утром того же дня ворота города были отворены, и в город вошел византийский отряд. Греческий стратиг, стоя у стены Никеи, вошел в отношения с комендантом и от имени греческого императора потребовал сдачи города. Крестоносцы были возмущены таким ходом дела. Они рассчитывали на богатую добычу, между тем представитель греческого правительства отнял у них возможность грабежа. На их заявления он ответил напоминанием о ленной присяге и объяснил, что крестоносцы могут требовать удовлетворения от царя и он не откажет им, но что они обязаны исполнять обещание, скрепленное присягой, согласно которой все отвоеванные у мусульман города переходят во власть греческого императора и, следовательно, не должны подвергаться разграблению. Князья должны были уступить и еще раз повторить ленную присягу, от которой на этот раз не отказались и самые упорные, как, например, Танкред. Император со своей стороны обещал впоследствии соединиться с вождями, а в ожидании этого крестоносцам сопутствовал византийский уполномоченный Татикий³⁸. Истинная цель миссии Татикия выясняется из дел под Антиохией. По-видимому, он играл роль охранителя интересов византийского императора. Внешним образом его миссия мотивировалась тем, что он, как представитель греческого правительства, мог оказывать большое влияние на православное греческое и армянское население страны, и таким образом крестоносцы, при его помощи, могли пользоваться всеми теми удобствами, каких не могли бы иметь, если бы им пришлось брать все вооруженной силой. Он обязан был вести крестоносцев к Палестине более краткими и удобными дорогами.

От Никеи путь крестоносцев шел через Дорилей, Иконий и Гераклею. Здесь они разделились на два отряда: одни направились на юг, к Тарсу, другие пошли на северо-восток, чтобы, обойдя Таврские горы, спуститься к Антиохии. Килидж-Арслан ожидал крестоносцев при Дорилее, желая преградить их дальнейшее движение. Впереди крестоносного ополчения шел Боэмунд со своим отрядом. Ему и принадлежит честь победы над Килидж-Арсланом при Дорилее. Позднейшие писатели рассказывают, что Боэмунд, отчаявшись в успехе своего предприятия при Дорилее, послал гонцов к крестоносным вождям; гонцы, будто, пришли прямо к Готфриду; последний, посоветовавшись с вождями, отправился лично на помощь Боэмунду и выручил его из беды. Но известно, что Готфрид вовсе не участвовал в битве при Дорилее; Боэмунд разбил Килидж-Арслана, соединившись с провансальцами. Сражением при Дорилее и заканчивается более сильное сопротивление, которое турки оказывали крестоносцам; Килидж-Арслан удалился внутрь страны и ограничивался слабыми нападениями на отдельные отряды крестоносцев. Теперь, когда турки оставили незанятыми области, прилегающие к морю, византийскому императору предста-

вилась полная возможность восстановить свою власть на всем побережье Малой Азии без особых жертв и затруднений.

Крестоносцы обратили внимание на армян, которые, естественно, не были довольны магометанским господством. Армяне, ослабленные ударами турок-сельджуков, долго отстаивали свою независимость; но это удалось только тем, кто переселился в Месопотамию, Каппадокию и северо-восточную Сирию, по побережью Средиземного моря²⁵. Крестоносцы дали понять армянам, что, если они согласятся действовать заодно с ними, то могут надеяться на освобождение от турецкого ига. Армяне с готовностью приняли предложение крестоносцев: в самое короткое время они выгнали из своих городов турецкие гарнизоны и турецкое население. Та часть крестоносцев, которая направилась на северо-восток от Гераклеи, имела целью поднять на своем пути христианские народности против турок и спуститься к Антиохии, где был назначен сборный пункт крестоносного ополчения.

На юг от Гераклеи в Киликию направились только Бодуэн, брат Готфрида, и Танкред со своими отрядами; они держали путь к Тарсу, занятому слабым турецким отрядом. Крестоносцы и здесь подняли против турок христианское население, как в стране, прилегающей к Тарсу, так и в самом городе. Турецкий отряд должен был сдать крестоносцам. Здесь возникли пререкания между Бодуэном и Танкредом из-за права на владение Тарсом. Честь победы была на стороне Танкреда, между тем Бодуэн присвоил себе и победу и право на город. Рассвирепевший Танкред вырезал весь турецкий гарнизон и выгнал Бодуэна. Этот факт свидетельствует о том, что в это время у норманнского вождя уже созрела идея основания независимого владения. Со своей стороны Бодуэн, потерпев неудачу под Тарсом, отправился искать счастья в другом месте. Одержав несколько побед над сельджуками и приобретя расположение армян, Бодуэн вошел в непосредственные отношения с князем Эдессы Торосом и так расположил его в свою пользу, что вскоре был усыновлен им и объявлен наследником княжества. Не довольствуясь этим, Бодуэн убил Тороса и занял его престол. Таким образом с 1098 г. в Эдессе устраивается первое княжение, во главе которого стоит западный герцог. Это княжение имеет важное значение в том отношении, что оно составляло оплот для всех христианских народностей и защищало христиан Малой Азии от ударов турецких волн, которые шли из середины Азии³⁹.

К октябрю 1097 г. крестоносцы подступили к Антиохии, где провели целый год (с октября 1097 г. по ноябрь 1098 г.). С одной стороны осада города, с другой внутренние раздоры остановили дальнейшее движение. Этот год составляет целую эпоху в истории крестовых походов. Дело в том, что Антиохия, самой природой поставленная в весьма благоприятные условия для защиты от внешнего врага, была укреплена еще и искусством. Город окружали высокие и толстые стены, по которым можно было свободно ехать экипажем в четыре лошади; стены защищались 450 башнями, снабженными гарнизонами. Укрепления Антиохии представляли таким образом страшную силу, преодолеть которую, при недостатке осадных орудий, при отсутствии дисциплины и неимении главнокомандующего, не представлялось никакой возможности. Но и оставить позади себя такой важный стратегический пункт, каким была Антиохия, которая служила оплотом всего мусульманского мира, крестоносцы не могли. Правда, в самом мусульманском мире господствовала анархия, которая была весьма полезна для крестоносцев. Сирия находилась тогда под двойным политическим влиянием, исходившим из Египта и из Багдада. Фатимидский халифат высылал толпы мусульман, которые, завладев некоторыми пунктами в Сирии и заняв Иерусалим, значительно ослабили халифат Багдадский. Эмир Антиохии Баги-Сиан

ожидал помощи то от багдадского халифата, то от египетского. Все другие мусульманские владения в Сирии также находились в положении политической раздвоенности. Ожидания Баги-Сианом помощи со стороны египетского или багдадского халифата остались тщетны; правда, несколько раз мусульманские отряды показывались в виду Антиохии, но они были так незначительны, что не осмелились вступить в бой с крестоносцами и не принесли никакой пользы Баги-Сиану.

Осенью 1097 г. армия крестоносцев оказалась в весьма печальном состоянии. Грабежи, отсутствие дисциплины и взаимная вражда заметно расслабляли крестоносное ополчение. Вожди не успели ничего запасти для себя на осень и зиму, между тем в крестоносном войске начались болезни, проявилась смертность, и перед страхом смерти целые толпы и даже отряды, во главе со своими предводителями, обращались в бегство.

Боэмунд, князь Тарентский, который и прежде играл видную роль в крестоносном ополчении, как опытный вождь, как храбрый неустрашимый рыцарь, как устроитель рядов, под Антиохией отличился уже как искусный политик. Боэмунд увидел, что Антиохия со своими неприступными и несокрушимыми укреплениями, со своим выгодным положением (недалеко от Средиземного моря, на реке Оронте, впадающей в море) представляет весьма удобный пункт для основания в ней независимого княжества, что составляло главный предмет всех его стремлений и желаний. Дела его в Эдессе и Тарсе только разжигали честолюбие тарентского князя. При достижении намеченной цели ему могло мешать присутствие в крестоносном войске уполномоченного греческого императора. Роль Татикия, правда, была двусмысленна, но важно то, что он в походе был представителем и защитником интересов греческой империи. С точки зрения Татикия, и Антиохия, подобно Никее, будучи взята крестоносцами, должна была принадлежать греческому императору и никому другому. Положение Татикия среди крестоносного ополчения было довольно влиятельным, он умерял честолюбивые стремления отдельных вождей. Раймунд Ажилский⁴⁰, писатель крестовых походов, обвиняет Татикия в том, что он, отчаявшись в успехе осады, подговаривал князей снять осаду с города и расположить войска по окрестным селениям, что он поселил между крестоносцами вражду и измену и скрылся из лагеря. Обстоятельство это очень важно, но оно вообще не вяжется с положением и ходом дел. Анна Комнина прямо обвиняет Боэмунда в вынужденном бегстве Татикия. Эти два противоположных известия возможно объяснить следующим образом. Боэмунд, преследуя свои честолюбивые цели, тяготился присутствием Татикия. Хотя намерения Боэмунда ни для кого не были тайной, крестоносцы всякий раз, когда находились в стесненном положении, вручали ему командование над союзными войсками, вынуждаемые к этому, во-первых, необходимостью, во-вторых, насильственными действиями со стороны самого Боэмунда. Татикий же, представитель византийского императора, был вполне независим и самостоятелен в среде крестоносцев и в то же время пользовался весьма большим авторитетом и мог оказывать влияние на весь ход дел. Боэмунду нужно было во что бы то ни стало устранить это влияние. Когда разнеслась весть о приближении 300-тысячной армии Мосульского эмира Кербуги⁴¹, который шел на выручку Антиохии, Боэмунд начал доказывать вождям, что Кербуга подослан византийским императором, что цель участия Татикия в их войске состоит в том, чтобы возбуждать мусульман против крестоносцев. Все это вызвало в крестоносцах такую неприязнь против Татикия, что он вынужден был бежать. Бегство Татикия имело важное значение для всего хода событий. Крестоносцы нарушили клятву, данную византийскому императору, устранили греческий элемент из своего ополчения и начали действовать на свой собственный страх. После бегства Татикия Боэмунду открылось

свободное поле для его честолюбивых замыслов. Боэмунд сыграл здесь роль Ахиллеса под Троей. Обиженный Ахиллес оставил стан греков, провел в бездействии целые месяцы, пока, наконец, греки, теснимые со всех сторон троянцами, не были вынуждены просить его выручить их из беды. Увлекаемый честолюбием Боэмунд, видя, что при той деморализации, которая господствовала среди крестоносцев, нельзя поддержать осаду, и ожидая в то же время с часу на час прибытия сильного мусульманского ополчения под начальством Кербуги, сделал решительный шаг. Он заявил крестоносцам, что если они не предоставят ему главного начальства над всем войском, если не пообещают оставить за ним это главенство и на будущее время для ведения дела крестового похода, если, наконец, не предоставят в его власть Антиохию в случае ее завоевания, то он умывает руки и не отвечает ни за что, и вместе со своим отрядом оставит их. Между тем, среди крестоносцев день ото дня увеличивалась смертность, бегство целых отрядов и вождей. Находясь в таком положении, крестоносцы решили предоставить Боэмунду все полномочия для ведения дела и обещали исполнить все, чего он требовал.

Боэмунд еще раньше вошел в соглашение с одним из офицеров, защищавших антиохийские стены. Это был Фируз, армянин по происхождению. Фируз, как христианин, не мог не питать симпатий к крестоносцам, освободителям всего малоазиатского христианства; кроме того, он питал личную вражду к Баги-Сиану, эмиру Антиохии. Отношения Фируза и Боэмунда держались в тайне, и никто не знал о них. Боэмунд на 2 июня назначил общий приступ на Антиохию. В ночь с 1 на 2 июня он подвел свой отряд к башне, которую защищал Фируз; башня была сдана. С другой стороны в Антиохию ворвались другие крестоносцы, и в городе началась резня; большая часть мусульманского гарнизона, не успевшая спастись бегством, была перерезана и перебита. Сам Баги-Сиан едва спасся бегством, но всего только на несколько дней; его поймали и убили. Таким образом, 2 июня 1098 г. Антиохия была взята. Но немного выиграли крестоносцы, заняв обнищавший, изнуренный голодом, ослабленный продолжительностью предшествовавшей осады город.

На другой день, 3 июня, к городу подошел эмир Мосульский Кербуга с 300-тысячной турецкой армией. Кербуга знал и о слабости крестоносного войска, и о том бедственном положении, в котором оно находилось: крестоносное ополчение насчитывало теперь не более 120 тысяч, остальные 180 тысяч частью погибли в битвах с мусульманами и в трудном переходе по опустошенным областям после Никейского сражения, частью же были рассеяны в различных городах Малой Азии в виде гарнизонов. Но и эти 120 тысяч вошли в город, лишенный всяких средств к пропитанию, притом они были утомлены продолжительной осадой и длинными переходами. Кербуга знал это и твердо решился голодом заставить крестоносцев сдаться. Крестоносцы очутились в самом ужасном, безвыходном положении. Три недели они сидели запертыми в городе, изредка делая незначительные и не имевшие никаких последствий вылазки, пользуясь тем, что город не слишком тесно был окружен врагами. Для крестоносцев оставалось одно средство к спасению: по реке Оронту спуститься к Средиземному морю, в гаванях которого были венецианские торговые корабли. Но этот путь представлял много опасностей, им пользовались, однако, сначала поодиночке, а потом целыми отрядами, были даже случаи, когда князья и знатные рыцари сдавались на милость мусульман или спасались бегством к морю.

К этому тяжкому для крестоносцев времени относится появление саг и народных сказаний, которые были продуктом болезненного, фантастического настроения народных масс. К этому времени относится и происхождение саги о Петре Пустыннике. Исторический Петр Пустынник, спасшись после уничтожения его армии, участвовал, правда, в Пер-

вом крестовом походе, но не как вождь, а как простой пилигрим, без особенной силы, авторитета и влияния. Только в весьма немногочисленном кружке простого народа Петр Пустынный пользовался некоторым почетом и уважением, что выражалось в том, что его избирали казначеем. Он был, между прочим, одним из первых, которые решались бежать из Антиохии, и только Боэмунд остановил его. В это же время составилось сказание о святом копье. Раймунд Тулузский, отличавшийся религиозным настроением между остальными крестоносными вождями, вполне искренно верил в святое копье. Но уже Боэмунд, находясь под Иерусалимом, подсмеивался над Раймундом, доказывая ему, что рассказ о святом копье был вымыслом для поддержания упавшего духа и для возбуждения мужества народных масс. Предание о святом копье появилось следующим образом. Однажды приходит к Раймунду Тулузскому один монах⁴² и рассказывает, что во время молитвы ему явился святой Андрей и сказал, что в городе есть место, где скрыто копье, которым было прободено ребро Спасителя, что именно в этом копье крестоносцы должны искать свое спасение. Добродушный Раймунд поверил этому; объявили народу, начали искать, нашли действительно заржавленное копье; толпы крестоносцев были воодушевлены этой находкой. Боэмунд, назначенный главным предводителем крестоносного ополчения, решил сделать последнее усилие, чтобы освободить Антиохию от осады. В мусульманском войске между тем происходили раздоры между предводителями, в продолжение трех недель многие из них оставили отряд Кербуга, так что осаждающая армия значительно ослабла. 28 июня 1098 г. крестоносцы сделали вылазку, прогнали мусульман и завладели всем их лагерем. Спасение Антиохии и славная победа над Кербугой была приписана чудесной помощи святого копья, которое с тех пор сделалось палладиумом крестоносцев.

Когда крестоносцы завладели Антиохией, религиозный энтузиазм их вождей значительно ослаб. Целый год они провели в бездействии, во взаимных спорах и распрях из-за обладания Антиохией; они как бы совсем забыли о главной цели своего предприятия — об освобождении от неверных Гроба Господня. Как только миновала опасность от Кербуги, тотчас между сильнейшими вождями — Боэмундом Тарентским и Раймундом Тулузским возник довольно крупный спор, характеризующий обоих предводителей. Боэмунд напоминал теперь крестоносцам об их обещании, данном ему до взятия Антиохии, и требовал исключительного господства в городе. Но у Раймунда Тулузского, представителя законности и рыцарской верности долгу, была многочисленная партия, которая в силу чисто материальных выгод находила требования Боэмунда вполне несогласными с положением крестоносцев. Раймунд и его партия настаивали, ввиду данных византийскому императору обязательств, на том, что Антиохия должна быть передана во власть византийского правительства. Партия Раймунда взяла верх, и в Константинополь было отправлено для переговоров посольство, во главе которого стоял брат французского короля Гуго Вермандуа. О результатах переговоров мы ничего не знаем, так как Гуго не возвращался более в лагерь, он сел на корабль и удалился в отечество. То же сделал и другой вождь Стефан Блуа⁴³, который, правда, не играл выдающейся роли в ополчении, но участвовал в нем со значительным военным отрядом, так что его удаление не могло не ослабить крестоносное войско. Боэмунд, чтобы отстоять свое право на господство в Антиохии, обратил внимание вождей на поведение византийского императора, свидетельствовавшее о его враждебных чувствах к крестоносцам. В то самое время, когда крестоносцы, лишённые средств к пропитанию, изнемогали под Антиохией, взятие которой замедлялось еще и тем, что они не имели осадных снарядов, византийский император находился вблизи Антиохии со значительными военными силами и осадными машинами и не захотел оказать крестоносцам

никакой помощи; между тем при переправе крестоносцев через Босфор он дал слово лично участвовать в их походе. Теперь же, без особенных усилий занимая Эфес, Милет и другие города, без особенных жертв одерживая победы над турками, ослабленными крестоносцами, император ценою крови крестоносцев покупал легкие победы и расширял свои владения. Именно на это обстоятельство указывал Боэмунд, как на бесчестный поступок со стороны византийского императора, и ему удалось убедить князей в том, что передача Антиохии византийскому правительству принесла бы вред делу крестовых походов. Таким образом Антиохия была предоставлена во власть тарентского князя.

В Антиохии распространилась смертность, которая похитила многих знатных, в том числе и папского легата, духовного представителя в Первом крестовом походе. Крестоносное ополчение терпело большой недостаток в пище и в одежде. Лишения приводили в экстаз простой народ, который приписывал свои несчастья небесной каре за то, что медлили с освобождением Гроба Господня. Выведенный из терпения народ угрожал сжечь Антиохию, если его не поведут дальше. Честолюбивый Боэмунд устоял против искушения и не внял побуждениям долга, Раймунд же Тулузский и другие вожди двинулись дальше. Они направились к Иерусалиму береговой полосой и не теряли надежды вознаграждать себя другими земельными приобретениями. Легкие победы над ослабленным турецким населением более их не вознаграждали. Они с завистью вспоминали об Эдессе, Тарсе и Антиохии. В особенности честолюбивыми желаниями горел теперь Раймунд, более всего обиженный судьбой. Он был из сильнейших вождей крестоносного ополчения, он теплее всех относился к делу крестовых походов и, однако, до сих пор он не владел ничем; между тем и менее знатные и менее сочувствовавшие делу похода имели уже независимые владения. Раймунд остановился у Триполи. Уже все было готово для взятия города, как вдруг Боэмунд, зорко и ревниво следивший за тем, чтобы вблизи его княжества не появилось другого самостоятельного владения под главенством западного князя, прислал к Триполи коварного Танкреда, который и помешал плану Раймунда. В крестоносном лагере начались громкие жалобы на князей, простой народ требовал немедленного движения к Иерусалиму. Тогда Раймунд, находя невозможным далее противиться общему желанию, вынужден был оставить Триполи в середине мая 1099 г.

Крестоносцы очень много потеряли в спорах из-за Антиохии и Триполи. Летом 1098 г. Иерусалим, находившийся во власти слабого багдадского халифа, был завоеван сильным египетским халифом⁴⁴. Таким образом, по мере приближения крестоносцев к Иерусалиму, перед ними вырастали новые и сильные преграды. Иерусалим оказался весьма укрепленным, снабженным сильным гарнизоном. Между тем крестоносная армия, пришедшая к Иерусалиму, представляла одни жалкие остатки того блестящего ополчения, которое два года назад переправилось через Босфор. Всех крестоносцев было теперь не более 20 тысяч, и те были изнурены, обессилены длинными переходами, битвами и всякого рода лишениями. В этом ополчении не хватало уже многих знатных; часть погибла от эпидемических болезней, часть осталась в различных завоеванных городах, часть вернулась в отечество. К Иерусалиму из главных вождей пришли только три: Раймунд Тулузский, Роберт Нормандский и Готфрид Бульонский, после присоединился Танкред. Но у них не было ни средств, ни материалов для предстоявших осадных работ. Крестоносцам помогли в этом отношении генуэзцы и пизанцы; они доставили все необходимое для осад и средства к пропитанию. 15 июля 1099 г. Иерусалим был взят приступом.

Взятие Иерусалима крестоносцами Французская миниатюра

Итак, цель была достигнута, крест восторжествовал над исламом. Город был наполнен враждебным мусульманским населением, завоеватели обошлись с ним в высшей степени жестоко. Как бы в отместку за свои продолжительные страдания, они предали мечу и огню все, что было в городе мусульманского. Летописцы с удовольствием рассказывают о лужах крови, по которым ходили воины христовы. Кровожадностью и хищностью отличился Танкред, удовлетворивший на этот раз, сколько возможно было, свою жестокость и ненасытную скупость. Первым делом, которое должны были решить крестоносцы, был вопрос об устройстве административной власти в Иерусалиме. Но здесь они снова разделились на две партии: одна стояла за то, чтобы устроить в Иерусалиме церковную республику с патриархом во главе, — это партия духовного господства; другая партия выдвигала светский принцип, эта последняя взяла перевес. Предложили Раймунду Тулузскому принять на себя управление Иерусалимом, но он в силу своих личных нравственных принципов отказался; предложили Роберту Нормандскому, и тот отказался. Остался один Готфрид Бульонский, который и согласился на предложение, заявив, однако, что будет носить титул не Иерусалимского короля, а “защитника Гроба Господня.” Таким образом Иерусалим был предоставлен во власть герцога Нижнелотарингского Готфрида Бульонского. Это обстоятельство имеет важное значение для последующей истории государств, основанных западными князьями. В Малой Азии было другое княжество — Эдесса, принадлежавшее брату Готфрида Бульонского — Бодуэну; таким образом, в руках одного дома были два владения, которые при необходимости могли соединяться и оказывать сильное влияние на политику и положение других княжеств. Вручение власти над Иерусалимом Готфриду Бульонскому обуславливало собой усиление лотарингского дома на Востоке. Готфрид Бульонский был человеком добрым, уступчивым, но в то же время весьма недалеким. Он едва не упустил из рук и той незначительной власти, которая ему досталась. В первый же год княжения Готфрида Иерусалимское духовенство в высшей степени систематично начало его стеснять, доводя его власть до минимума.

Самый желательный, естественный ход событий вслед за окончанием Первого крестового похода должен был бы заключаться в дальнейшем проведении того принципа, который поставили себе крестоносцы, — принципа укрепления христианства в Азии и ослабления мусульман. Именно такой ход событий был желаем и ожидаем всем христианским населением как Европы, так и Азии. Но так как усиление христианского элемента в Азии обуславливало собой в то же время усиление тех княжеств, которые были основаны крестоносцами, и так как это последнее обстоятельство было противно видам и интересам византийской империи, то ход событий принял совершенно иное направление. Византийские императоры всегда стояли на страже своих собственных интересов и препятствовали делу усиления христианства Малой Азии; этим обстоятельством объясняется все негодование, все обвинения, которые направлены против Византии со стороны западно-европейцев.

Турецкий султан Килидж-Арслан, выгнанный из Никеи, стесненный в Икони, предоставивший всю переднюю Азию ее собственной судьбе, не был уже более серьезным врагом для Византии, которая и поспешила восстановить свои права в Малой Азии. Но раз передняя Азия перешла во владение Византии, политика византийского императора пошла

дальше: он начал подумывать о том, чтобы подчинить своей власти Сирию, Палестину и владения, основанные крестоносцами. Вот почему в событиях XII в. мы встречаемся с явлением в высшей степени любопытным. Византийский император, объявляя войну крестоносцам, часто заключает союзы с тем самым народом, который так недавно еще готов был разрушить Византийскую империю, — заключает союзы с турками. То же самое делают и западные князья: при угрозе со стороны Византийской империи они, видя в ослабленных турках менее опасных врагов, чем были для них теперь греки, заключают с турками союзы, чтобы общими силами выжить из Азии беспокойных греков. Именно в этом обстоятельстве и заключается весь трагизм положения дел и интерес изучения эпохи.

Между всеми князьями выдающееся положение занял Боэмунд. Он, устроившись в Антиохии, сохранил отношения с Западной Европой, что доставило ему весьма благоприятные условия и выгодное положение для предстоящей ему деятельности. Боэмунд решил округлить свои антиохийские владения; это и было вполне осуществимо, так как те незначительные и слабые представители мусульманского населения, которые еще остались вокруг Антиохии, не могли оказать большого сопротивления. Но Боэмунд в 1099 г. встретился с неожиданным для него противодействием. Император Алексей, так часто обещавший прислать войско и лично участвовать в походе после занятия Иерусалима крестоносцами, поднял оружие против самих крестоносцев, направив свои действия на первый раз против самого опасного своего соседа князя Антиохийского. Он снарядил флот и приказал осаждать приморский город Лаодикею, занятый отрядом Роберта Нормандского. Отдать Лаодицею греческому императору было далеко не в интересах Антиохийского князя, так как в этом случае он всегда был бы подвержен неприятному соседству и наблюдению со стороны греков. Поэтому взаимные отношения норманнов и греков в 1099 г., принимая все более резкий характер, дошли наконец до полного разрыва. Борьба между противниками возгорелась и привлекла к участию посторонние силы. К малоазийским берегам в это время прибыли корабли генуэзцев и пизанцев, привезшие свежие, хотя и немногочисленные военные силы, направлявшиеся в святую землю. Им Боэмунд и указал, что опасность грозит в настоящее время не от мусульман, а от греков, и легко привлек их к участию в борьбе. Таким образом Боэмунд, сделав свой личный интерес общим делом, выгнал греческий гарнизон из Лаодикеи, а пизанцы начали нападать на приморские города.

Сила Боэмунда была в высшей степени серьезна, другие князья сравнительно с ним не имели значения. У Готфрида, князя Иерусалимского, было не более 200 рыцарей и до двух тысяч мало дисциплинированного войска. При такой малочисленности дружины положение “защитника Гроба Господня” было весьма незавидным. Боэмунд понял это и желал распространить свое влияние на Иерусалим. Для этого он отправился в столицу Готфрида как бы для того, чтобы исполнить тот нравственный долг, который лежал на нем, — поклониться Гробу Господню. Его сопровождала довольно значительная армия, доходившая до 20 тысяч. Боэмунд оказал такое влияние на дела в Иерусалиме, что патриархом Иерусалима был выбран архиепископ пизанский Адальберт⁴⁵, человек, вполне преданный Боэмунду. Новый патриарх, честолюбивый и ловкий политик, направил свои действия к тому, чтобы отнять у Готфрида и ту тень власти, которую тот еще имел. Адальберт хотел основать на Востоке святой престол, подобно римскому, ввести в Иерусалим духовный абсолютизм и подчинить себе все светские княжества.

Если мы припомним характер норманнских завоевателей, таких как Роллон⁴⁶, основавший свои владения в Нормандии, как Роберт Гвискар, утвердившийся в Италии; если

примем во внимание политику и средства, какими пользовались эти князья для достижения своих целей, то мы будем иметь возможность понять и оценить действия Боэмунда. Боэмунд считал себя ничем не ниже Роллона и Роберта Гвискара и хотел повторить в Азии дела, которые его предки совершили в Европе. Боэмунд был уже близок к осуществлению этой своей исторической задачи. Владея сильной армией, он округлил свое антиохийское княжество; здесь были мелкие государства, принадлежавшие турецким эмирам; но эти эмиры не могли оказать Боэмунду сильного сопротивления, так как они были ослаблены войной с крестоносцами, к тому же их силы были разъединены внутренними раздорами. Но стремления Боэмунда имели трагический исход, неблагоприятным образом отразившийся на всем христианском деле. Боэмунд напал на опасного соперника в лице Данишменда Мелика-Гази, эмира Сивасского (на Галисе)⁴⁷. Оставшись позади крестоносцев, Данишменды успели настолько усилиться, что после окончательного ослабления иконийского султана выступили в 1101 г. главным оплотом мусульманства в Азии. Появление этой силы было вполне ново и неожиданно для Боэмунда.

Когда Боэмунд по просьбе армянского князя Гавриила в Малатии пошел войной на Мелика-Гази, то против ожидания встретился с сильным турецким отрядом, потерпел полное поражение, был захвачен со многими рыцарями в плен и отведен в Неокесарию, где содержался около четырех лет (1101-1104). Этот плен имел важное значение для всех христианских земель в Азии: христиане остались без своего главы, были предоставлены собственным силам среди враждебного магометанского населения. Боэмунд, находясь в плену у Мелика-Гази, вполне возможно, сделался его политическим наставником и учителем. Как ни был груб Данишменд, он понял цену своего пленника. Когда византийский император пожелал выкупить Боэмунда, Мелик-Гази потребовал огромную сумму денег. Греческое правительство готово было на все жертвы, лишь бы избавиться от грозного норманна. Но тут Боэмунда спасло совершенно случайное обстоятельство: Мелик-Гази и Килидж-Арслан поссорились между собой из-за того, как должна была быть разделена между ними выкупная сумма за Боэмунда. Боэмунд воспользовался этим обстоятельством, чтобы выставить им на вид опасность со стороны византийского императора. Он выяснил им, что царь Алексей, завладев им, избавится от сильного и грозного врага и направит тогда все свои силы против них; что если они дорожат собственно выкупной суммой, то ее выплатят им друзья его — князья Иерусалима и Эдессы; что в данном случае важнее не деньги, а политические интересы, в достижении которых он может оказать большую услугу всему турецкому народу, соединившись с ним против византийского императора. Боэмунд обещал турецким вождям всю переднюю Азию, а себе выговаривал только Антиохию. Уполномоченный византийский Григорий Таронит⁴⁸, который вел с турецкими князьями переговоры о выкупе Боэмунда, был вовлечен в обман и потому не донес византийскому императору, что переговоры приняли неблагоприятный для Византии оборот. Мелик-Гази, получив за Боэмунда выкуп от одного армянского князя, освободил его и препроводил в Тарс. (Несколько монет, сохранившихся от этого времени, дают нам весьма любопытный и в высшей степени драгоценный материал для уяснения положения дел в эту эпоху. Монеты принадлежат царству Данишмендов; на одной стороне изображен Иисус Христос, на другой стороне греческими литерами выбито: “Мелик-Гази, царь Романии и Анатолии” — явление в высшей степени знаменательное; оно прямо характеризует нам Мелика-Гази. Он не был похож на тех диких турецких завоевателей, которые жгли, опустошали и уничтожали все, что было вне ислама. Мелик-Гази проводил принцип веротерпимости, предоставляя подчиненным народам политическую свободу, оставляя непри-

косновенными греческий язык и греческое письмо. В этих монетах в настоящее время имеется единственное указание на ту политическую роль, какую играл в передней Азии Данишменд и которая была усвоена им, без всякого сомнения, по внушению такого умного политика, как Боэмунд.)

Возвратившись в Антиохию, Боэмунд собрал в свои руки все нити политического движения. Он составил большой союз, в котором участвовали как магометанские, так и христианские силы, и прежде всего направил свой удар против эмира Моссула и Алеппо⁴⁹, который наиболее теснил христиан во время нахождения его в плену. Хотя средства, собранные Боэмундом, и были значительны, но результат далеко не соответствовал его ожиданиям: христианские князья потерпели полное поражение в битве при Гарране (1104 г.). Это поражение имело весьма важное значение для судьбы христианских княжеств на Востоке, оно возбудило новые надежды в мусульманах и греках и поставило на край гибели самое существование крестоносцев. К тому же и в будущем не предвиделось благоприятной перемены обстоятельств, потому что христиане не сохраняли между собою солидарности; между вождями двух племен норманнов и провансальцев продолжала расти вражда и недоверие. Провансальцы в отсутствии Боэмунда при помощи греческого императора завладели Триполи — обстоятельство, которое было весьма нежелательно для Боэмунда, так как близкое соседство провансальцев могло серьезно угрожать судьбам антиохийского княжества. Кроме того, Боэмунд имел основание недоверчиво относиться к провансальцам еще и потому, что они в продолжение всего крестового похода отстаивали интересы византийского царя, заклятого врага Боэмунда. После рокового для христиан поражения при Гарране любая попытка со стороны Боэмунда, в смысле ослабления византийской или мусульманской силы в Азии, казалась уже неосуществимой и несвоевременной, ибо силы христиан были в высшей степени ослаблены. Король Иерусалимский, который по своему положению должен был бы играть передовую роль среди христиан и стоять во главе всякого предприятия, направленного для ослабления врагов Христовых, Иерусалимский король, “защитник Гроба Господня,” был лишен всякой силы, всякого авторитета. Если и оставались у кого средства для борьбы, то они сосредоточились в руках антиохийского князя. Но он мало заботился об общих интересах, преследуя свои личные цели. Таким образом политический горизонт христиан был мрачен; их выручило случайное обстоятельство.

Для исполнения своей заветной мечты Боэмунд составил обширный и дальновидный план. Находя наличные средства христиан недостаточными для борьбы с двумя силами, мусульманской и греческой, он решил вызвать для этой борьбы новые силы из Европы. Он сообщил князьям, что они переживают в данную минуту весьма опасное для себя время. “Но опасное время, — утешал он, — возбуждает к великим планам и предприятиям. Я полагаю, что в Антиохии можете оставаться вы одни; я же отправлюсь в Европу и привлеку новые силы для борьбы.” Но Боэмунд был далек от мысли составить Второй крестовый поход; честолюбивый и себялюбивый князь преследовал одну личную цель — уничтожить византийского императора в Азии. Этот план выясняется из действий Боэмунда, когда он был в плену у мусульман, а равно и из последующих обстоятельств. Для выполнения этого плана представлялось немаловажное затруднение. Греческий император, как бы предчувствуя, что подобный план мог зародиться в уме предприимчивого норманна, приказал греческим военным судам крейсировать у берегов Малой Азии. Существует легенда, которую повторяет и Анна Комнина: чтобы обмануть бдительность греков, Боэмунд будто бы приказал положить себя в гроб, и таким образом кораблю, везшему живо-

го мертвеца, удалось беспрепятственно пройти ту оборонительную линию, которую составили греческие суда у берегов Малой Азии. С острова Корфу Боэмунд послал письмо, полное угроз, греческому императору.

В Италии Боэмунда ожидала восторженная встреча как героя и борца за святое дело. Папа Пасхалий II⁵⁰, человек добрый и доверчивый, покровитель Боэмунда, дал ему рекомендательные письма к королям французскому и немецкому⁵¹ и разрешил проповедовать поход против схизматических греков. Боэмунд недаром провел в Европе три года. Его вполне заслуженная слава, как лучшего предводителя крестовых походов, выросла в глазах европейцев и доставила ему желанный успех. Король французский женил его на одной из своих дочерей (Констанции), а другую выдал за Танкреда, чем Боэмунд завязал связи с коронованными европейскими особами⁵². Его проповедь имела полный успех в Ломбардии, Франции и Германии. К началу 1107 г., возвратившись в южную Италию, он стал выжидать соединения завербованных им сил. Приморские города — Генуя, Венеция и Пиза предложили к его услугам флот. Весной 1107 г. в южной Италии собралось многочисленное (свыше 30 тысяч) ополчение, в изобилии снабженное оружием и съестными припасами. Эта эскадра должна была внушать серьезные опасения грекам. Таким образом, во имя идеи уничтожения византийского господства и завоевания греческой империи, под знаменами Боэмунда соединились Германия, Франция, север и юг Италии.

Ополчение, во главе которого стоял норманнский вождь, направилось прямо к византийским владениям и осадило город Драч (*Dyrrhachium*). В 1081 г. Роберт Гвискар напал на византийские владения, но с тех пор обстоятельства во многом изменились в пользу Империи. Вследствие побед, одержанных крестоносцами на Востоке, Византия избавилась от врага, угрожавшего ей в Азии, и император Алексей, располагая значительными морскими и сухопутными силами, имел полную возможность защищать свои западные владения. Драч оказался очень сильным и укрепленным городом, для взятия которого нужно было сделать еще большие приготовления: построить лестницы, стенобитные машины, башни, а леса у крестоносцев не было. К этому присоединилось еще и то, что греческий флот отнял у крестоносцев возможность подвоза съестных припасов. Крестоносцы начали терпеть лишения; поднялся ропот среди войска; от Боэмунда требовали, чтобы он не тратил бесполезно времени в осаде одного города, а вел бы войско дальше. Подобное внутреннее и внешнее положение дел заставило Боэмунда прекратить осаду и начать переговоры с византийским императором. Царь Алексей хорошо знал своего противника и потому в переговорах употребил всю осторожность и настойчивость. В 1108 г. был заключен мир, унижительный для честолюбия норманнского князя. Он должен был отказаться от всех своих планов, от притязаний на Киликию, Лаодикею и провансальские владения, обязался передать Антиохию византийскому царю, если не оставит после себя мужского поколения, и, что еще унижительнее, даже употребить силу против своего брата, если бы он не согласился на эти условия. Этим и оканчивается деятельность Боэмунда. С 1108 г. он уже не играет никакой роли. Может быть, он и хотел еще раз повторить свою попытку, но на этот раз не встретил более того одушевления в Европе, какое нашел ранее. Да и обстоятельства были совсем иные. Папа Пасхалий был в борьбе с германским императором Генрихом V⁵³, занятый тяжелой и рискованной борьбой, папа на этот раз иначе взглянул на дело Боэмунда и не только не оказал ему поддержки, но даже вошел в отношения с византийским царем и готов был сделать ему крупные уступки относительно южной Италии, чтобы получить от него помощь в борьбе с Императором. Боэмунд умер в 1111 г.

Оценивая деятельность Боэмунда, мы должны признать, что он принес много вреда всему христианскому делу на Востоке, что он есть главный виновник всех бедствий, неудач и потерь крестоносцев. Христиане на Востоке должны были преследовать одну цель: твердо сохраняя солидарность между собой, они должны были заключить в то же время прочный союз с Византийской империей и направить все силы на мусульман. Между тем роковая ошибка христиан заключалась в их соревновании между собой и во вражде с Византией, и самая сильная ответственность в этом отношении падает на Боэмунда. Он своим честолюбием поселил антагонизм между Византийской империей и крестоносцами. Он первый ввел в практику тот странный прием, к которому впоследствии прибегали и византийские императоры: он первый начал заключать дружественные союзы с тем народом, против которого было направлено все крестовое движение.

Ввиду ложного направления, данного крестовому походу по вине Боэмунда, и принимая во внимание слишком незначительные силы, какими располагали оставшиеся на Востоке вожди, естественно возникает вопрос: чем же держались основанные крестоносцами княжества Антиохийское, Иерусалимское и Эдесское?

Главная волна крестоносцев, отхлынувшая на запад, питала там чувство соревнования своими рассказами о подвигах и успехах, которые имели крестоносцы в Азии. Правда, эти же рассказы говорили об опасностях и лишениях, которым подвергались крестоносцы; но рыцарские роды, не владевшие землями на Западе и не имевшие надежды на приобретение военной славы и добычи на родине, охотно поддавались мечтам прославить себя военными подвигами и приобрести независимые владения. Таким образом, возвратившиеся на родину из Азии крестоносцы оживили в своих европейских соотечественниках религиозный энтузиазм и чувство военной чести. Результат этого — прилив новых волн западных народов на Восток. В 1101 г. последовало первое движение. Бароны Италии, Франции и отчасти Германии составили сильное ополчение, которое только отчасти в лице своих отдельных весьма немногочисленных вождей было проникнуто религиозным энтузиазмом; большинство же рыцарей питали честолюбивые цели. Отряд этот, достигавший 300 тысяч человек, направился в Азию обычным путем, которым шли все крестоносцы через Константинополь. Участь этого ополчения весьма печальна: его вожди, узнав, что главная опора восточных христиан — Боэмунд — находился в плену у мусульман, хотели силой освободить Боэмунда. В стычках с Килидж-Арсланом и султаном Каппадокийским Данишмендом, они были почти все уничтожены; только весьма незначительная часть их достигла Антиохии и Иерусалима и поддержала ослабленные силы Танкреда и Бодуэна.

Другое большое движение произошло в 1107 г., под предводительством Боэмунда; как мы видели выше, отряд Боэмунда потерпел полную неудачу при Драче, и только часть его достигла Сирии.

Итальянские торговые города: Генуя, Венеция и Пиза — увидели в крестовых походах средство распространения своей торговли. Эти города владели уже торговыми факториями на многих островах Средиземного моря; теперь, пользуясь крестовым движением, они основали свои фактории в Сирии и Палестине и снабдили крестоносцев военными кораблями. Лучшими своими успехами крестоносцы обязаны военным силам и помощи итальянских городов. Особенно сильный энтузиазм охватил в это время северную Италию и южную Францию, которые и высылали многочисленные отряды. Таким образом в течение всего XII столетия происходит движение рыцарей с Запада на Восток и последовательно продолжается прилив новых сил, которые оказали большую поддержку христиа-

нам, приобретшим независимые владения на Востоке. Это и было первым средством, которым держались христианские княжества.

Второе средство, поддерживавшее восточных христиан против напора мусульман, заключалось в рыцарских орденах религиозно-военного характера. Происхождение этих орденов следующее. Благочестивые люди основывали в Иерусалиме благотворительные заведения — богадельни, госпитали, цель которых была оказывать помощь как бедным пилигримам, так и туземному христианскому населению: здесь находили прием все бедные, не имевшие собственных средств к жизни, и все те, кто нуждался в присмотре и уходе. Такова была цель этих учреждений еще в XI в.; в XII в. они ставят себе новые задачи и новые цели.

Одному из таких монашеских братств Бодуэн отвел место поблизости от Соломонова храма. Это братство, владевшее значительными средствами, расширило свои первоначальные задачи, поставив себе целью поддержать падающие христианские княжества на Востоке; таким образом это братство получило чисто военный характер: “*Milites templi*,” тамплиеры. Один из членов этого братства, Гуго Пайенский⁵⁴, отправился на Запад и, запасшись письмами папы, набирал прозелитов в орден. Германский император и английский король⁵⁵ сделали богатые пожертвования, которые дали возможность ордену тамплиеров составить значительные военные силы. Рыцари этого ордена, отличавшиеся хорошим вооружением, составляли лучшее христианское войско на Востоке. Их отличительная одежда — белый плащ с красным крестом — наводили ужас на мусульман.

Рядом с орденом тамплиеров образовался и другой военный монашеский орден — госпиталистов⁵⁶. Первой целью этого братства была благотворительность. Когда тамплиеры преобразовали свой орден в монашескую рыцарскую ордена, то их примеру последовали и госпиталисты (иначе называемые — иоанниты); отличительная одежда их — черный плащ с белым крестом. Эти ордена получили решительное преобладание в делах и судьбах Иерусалимского королевства и были могучим фактором в борьбе христиан с мусульманами.

Еще значительнее было третье средство, которое поддерживало христианские королевства на Востоке. Провансальские бароны не могли забыть того, что их сюзерен, тулузский герцог был князем в Триполи; точно в таком же положении относительно Востока находились князья и бароны Лотарингские: двое из лотарингских князей имели на Востоке княжества — один Эдесское, другой — Иерусалимское. Связь Лотарингии и Прованса с тремя упомянутыми малоазийскими княжествами была жива и поддерживалась обменом отношений. Особенное значение имело событие 1131 г., когда прекратилась в Иерусалиме лотарингская линия. Бодуэн, король Иерусалимский, перед смертью сделал весьма умный шаг: он связал родственными узами линию лотарингского дома с одной из самых сильных графских фамилий на Западе; он обручил свою дочь Мелизиду с Фульком, графом Анжу и Мена⁵⁷. Графства Анжу и Мен, окружавшие родовые владения французского королевского дома (Капетингов), были гораздо обширнее королевских владений; графы Анжу и Мена далеко превосходили своим могуществом Капетингов⁵⁸. Бодуэн, предложив руку своей дочери одному из самых сильных феодальных французских владетелей, связал интересы Иерусалимского королевства с интересами анжуйского дома, владевшего всей средней Францией; теперь в делах Иерусалимского княжества была заинтересована не только южная Франция, но и средняя. Но этот союз обещал еще громадные политические выгоды для всего христианского Востока в ближайшее время. Именно, после прекращения в Англии линии Вильгельма Завоевателя, английская корона была предложена анжуй-

скому дому, и сын Фулька сделался королем Англии⁵⁹. Когда таким образом во власти одного дома сосредоточились половина Франции, вся Великобритания и Иерусалимское королевство, дом анжуйский заявил свои претензии на норманнскую корону. Важность этого союза для христианских княжеств на Востоке будет вполне ясна, если скажем, что благодаря лишь ему в середине XII столетия мог состояться Второй крестовый поход.

Переход иерусалимского княжества во власть анжуйского дома имел и внутреннее значение для самого Иерусалима. Фульк хотел дать иерусалимскому княжеству то устройство, которое было в его землях. Основные законы Иерусалимского королевства известны под именем Ассизов (*Les assises de Jerusalem*). Обыкновенно устройство Иерусалимского королевства и происхождение Ассизов приписывается Бодуэнам. Но Ассизы носят на себе чисто феодальный характер, они — копия с феодальных хартий Западной Европы. Нет сомнения, что такое устройство Иерусалиму мог дать только тот князь, который был знаком вполне с феодальным строем Западной Европы; Фульк именно имел свои владения в том государстве, где феодальный режим был лучше всего развит, и поэтому “городское устройство и законы ленной системы” должны быть отнесены к его времени. Хотя существование христианских княжеств было обеспечено приливом военных сил с Запада, вызываемым общностью интересов, но внутреннее положение их далеко не соответствовало целям и пользам европейского христианства. Нельзя читать без сожаления историю этих княжеств между Первым и Вторым крестовыми походами. Между тем, как вся цель их должна была направляться к ослаблению сильных центров мусульманского Востока — Алеппо, Моссула и Багдада, христианские княжества разъедаемы были внутренней борьбой и мелкими интригами: в каждом княжестве вассалы стояли в раздоре со своими сюзеренами.

Серьезная опасность грозила восточным христианам со стороны Византийской империи. Мы видели, что еще Алексей Комнин объявил войну Антиохии. Царствование его преемника Иоанна Комнина⁶⁰ представляет ряд завоеваний в Малой Азии, имевших целью захватить Антиохию. Князь Антиохии дает вассальную присягу Иоанну Комнину, направлявшемуся уже с военными силами к Иерусалиму. В то же время эмир Моссула Имадеддин Зенги⁶¹, родственник Кербуги, взял приступом Эддесу (1144 г.). Это последнее обстоятельство, в связи с угрожающим положением, принятым императором Иоанном Комнином, поставило христиан в такое отчаянное положение, что их могла спасти только экстренная помощь со стороны Западной Европы.

Примечания

1 *Урбан II* (1042-1099) — папа римский с 1088 г., в миру — Оддон де Лажери, француз из знатного рода, сначала приор Клунийского монастыря. Кардинал с 1078 г., легат Григория VII, политику которого продолжал на папском престоле. Умный, красноречивый и осторожный, он примирился с западными монархами, создав огромный авторитет папству, и продолжал борьбу лишь с императором Генрихом IV. На Клермонском соборе 1095 г. произнес знаменитую речь, призвав поддержать византийского императора Алексея I Комнина и освободить Иерусалим.

2 *Феда* (от нем. Fehde), *файда* — частная война, междоусобица. Устаревшее слово.

3 *Божий мир* — запрет на военные действия против безоружного населения, выносившийся церковным собором. Это движение возникло в Южной Франции в XI в.

4 *Король Филипп* — Филипп I Французский (1053-1108), сын Генриха I, которому наследовал в 1060 г. при регентстве своей матери Анны Ярославны Русской и графа Фландрии Балдуина VI. В 1092 г. развелся с Бертой Голландской и женился на Бертраде де Монфор, также разведенной со своим мужем — графом Фульком IV Анжуйским. За это был отлучен от церкви. Клермонский собор только очередной раз возобновил это отлучение; Берта, правда, умерла в 1093 г., но еще жив был законный муж Бертрады, граф Анжуйский. Интер-

дикт был снят лишь в 1104 г. при условии прекращения всяких сношений между Филиппом и Бертрадой, но титул королевы за последней остался.

5 *Тремя писателями*. — имеются в виду хронисты Фульхерий Шартрский (ок. 1059-ок. 1127/28), Роберт Реймский (ок. 1055-1122) и Бальдерик Дольский, или Анжуйский (ум. 1130).

6 *Епископ Адемар* — Адемар Монтрейский, епископ Ле-Пюи, сопровождавший Первый крестоносец в качестве папского легата и умерший в Антиохии в 1098 г. при ее осаде.

7 *Вальтер из рыцарского сословия* — Вальтер (Готье) Голяк, или Неимуций, мелкий французский рыцарь. Руководитель одного из первых, плохо организованных крестоносных отрядов, имевшего очень разношерстный состав. Погиб в бою при Никее в 1097 г. Был известен военными талантами и храбростью.

8 *Готшалк* — немецкий священник, собравший почти шеститысячный отряд в области Рейна. Потеряв большую часть отряда в Венгрии, довел до Константинополя очень немногих.

9 *Король Каломан* — Кальман Книжник (1068-1116), король Венгрии с 1095 г., из династии Арпадов, сын Гейзы II. Воспользовался первым крестовым походом, значительно расширив территорию государства присоединением Хорватии (1097 г.) и Далмации (1105 г.). Отсутствие традиции наследования трона в Венгрии вызвало войну Кальмана со своим братом, в ходе которой первый сумел обеспечить корону своему сыну Стефану.

10 *Эмих Лейнингенский* (ум. 1117) — граф, владевший землями между Триром и Майнцем. Отличался разбойничьим нравом и жадностью, особенно свирепствовал в еврейских погромах. Вместе со своим отрядом не погиб, а добрался до Константинополя. Был убит гораздо позже в междоусобном бою с Фридрихом Швабским.

11 *Князь Брячислав* — Брячислав II (1092-1100), князь Чехии из династии Пржемысловичей, старший сын Вратислава II.

12 *Одной удалось даже близ Никеи взять верх над турецким отрядом*. — Имеются в виду люди Рено де Брея, норманны и германцы, отколовшиеся от войска Петра Пустынника.

13 *Каносское свидание* — состоявшаяся зимой 1076 г. встреча императора Генриха IV с папой Григорием VII в Каносском замке в Северной Италии, куда император явился как кающийся грешник, во власнице и босой, с просьбой снять с него церковное отлучение. Впрочем, примирение было недолгим, и в 1080 г. папа вновь отлучил Генриха. К описываемому периоду последнего вряд ли волновало “каносское свидание,” но ожесточенная борьба с папой исключала его участие в крестовом походе.

14 *Готфрид Бульонский, герцог Нижней Лотарингии* (1060-1100) — сын графа Евстафия II Бульонского и Иды, дочери Готфрида Бородатого и сестры Готфрида Горбатого; герцог с 1076 г.

15 *Готфрид Бородатый* (ум. 1069 г.), герцог Верхней и Нижней Лотарингии, был не дядей, а дедом Готфрида Бульонского. Ф. И. Успенский путает его с его сыном Готфридом Горбатым, герцогом Нижней Лотарингии и Сполето (1069-1076). Последний был женат на своей сводной сестре Матильде Тосканской, стороннице папы, но не захотел поддержать Григория VII, что повлекло развод с ней. Открыто приняв сторону императора Генриха IV, был убит своими противниками; детей у него не было, и герцогство его перешло к Готфриду Бульонскому.

16 *Григорий VII* (ок. 1021-1085)- папа римский с 1073 г., в миру Гильдебранд из Соаны. Известен своей борьбой за инвеституру (право назначения епископов) с императором Генрихом IV, который унился перед ним в Каносе в 1077 г., но в конечном счете заставил его бежать из Рима. Комплекс мер, предпринятых им по ужесточению церковной дисциплины, получил название “грегорианской реформы.” Канонизирован в 1606 г.

17 Готфрид Бульонский действительно происходил от Каролингов.

18 *Епископом Льежа и Вердена* в 1092-1117 гг. был Одберт.

19 *Балдуин... король Иерусалимский*. — Балдуин, или Бодуэн (ум. 1118), младший брат Готфрида Бульонского, после смерти последнего в 1100 г. стал первым королем Иерусалимского королевства под именем Балдуина I. До этого был графом Эдессы (1098-1100). Все время проводил в постоянных походах, подчинив себе береговую полосу со значительными городами и обеспечив сообщение с Западом.

20 *Гуго, граф Верманда* (Гуго Великий, 1057-1102) — сын французского короля Генриха I и Анны Ярославны Русской, брат короля Филиппа I, один из вождей первого крестового похода. Первым принес ленную присягу Алексею I Комнину. Отличился в битве при Дорилее (1098 г.), но не пошел к Иерусалиму и вернулся во Францию. Вновь отправился в поход в 1101 г., потерпел поражение в Каппадокии и получил здесь смертельную рану.

21 *Герцог Нормандии Роберт* — Роберт II Коротконогий (после 1060-1134), старший сын Вильгельма Завоевателя, короля Англии. В 1096 г. отправился в крестовый поход, прославился при взятии Антиохии и Иерусалима. Отказавшись от трона в Иерусалиме, вернулся в Европу. С 1105 г. вплоть до самой смерти, ослепленный своим братом Генрихом I, королем Англии, содержался в тюрьме замка Кардифф.

22 *Вильгельм Завоеватель* (1023 -1087) — побочный сын герцога Нормандии Роберта I Дьявола. В 1033 г., когда Роберт отправился в паломничество в Палестину, был признан его наследником и отстоял свои права после смерти отца (1035 г.) с помощью французского короля Генриха I, своего опекуна. В 1066 г. высадился в Англии и в битве при Гастингсе победил последнего англосаксонского короля Гарольда. После этого объявил себя королем Англии Вильгельмом I, положив начало Нормандской династии в Англии.

23 *Вильгельм Рыжий* — Вильгельм II (1056-1100), король Англии с 1087 г., второй сын Вильгельма I Завоевателя. Наследовал королевство по воле отца в обход своего старшего брата Роберта, герцога Нормандии. Крайне непопулярный среди всех сословий Англии, был убит на охоте. Ввиду пребывания в это время Роберта Нормандского в крестовом походе королем Англии был провозглашен их младший брат Генрих под именем Генриха I.

24 *Роберт Фриз* — Роберт II Иерусалимский, граф Фландрии (1093-1111), старший сын Роберта I. Возглавляя фламандских рыцарей, прославился при взятии Никеи, осаде Антиохии и Иерусалима. Возвратившись во Фландрию в 1110 г., погиб при осаде города Мо, занятого войсками Генриха I Английского.

25 *Получил из рук римского епископа священную хоругвь.* — Это говорится лишь у Анны Комниной и не подтверждается западными хронистами.

26 *Раймунд, граф Тулузский* — Раймунд IV Сен-Жилль (1041-1105), маркграф Прованский, граф Тулузский с 1088 г., один из самых могущественных феодалов Южной Франции, один из вождей первого крестового похода. Герой взятия Никеи (1097 г.). В 1099 г. отказался от короны Иерусалимского королевства и вернулся в Европу. Присоединившись в 1101 г. к новому ополчению, едва не погиб в Каппадокии, где крестоносное войско было полностью разбито. Умер, задохнувшись от дыма при осаде Триполи.

27 *Князь Тарентский Боэмунд* (ок. 1050-1111) — сын Роберта Гвискара (см. прим. 28), основателя Сицилийского королевства.

28 *Роберт Гвискар* (после 1015-1085) — норманнский вождь, сын Танкреда Отвильского. В 1046 г. высадился в Италии, где одержал победу над папскими войсками. Получил в 1059 г. от папы Николая II титул герцога Апулии и Калабрии. В 1072 г. изгнал византийцев из Южной Италии и Сицилии. В борьбе за инвеституру принял сторону папы Григория VII, которому в 1084 г. помог отобрать Рим у приверженцев императора Генриха IV.

29 *Танкред Апулийский* — сицилийский принц, племянник Роберта Гвискара (а не Боэмунда), умер в Антиохии в 1112 г. Один из руководителей норманнских отрядов в первом крестовом походе; отличился при взятии Иерусалима. Во время пленения своего кузена Боэмунда и его отъезда во Францию управлял Антиохийским княжеством.

30 *Амальфи* — итальянский порт на Средиземном море, в средние века — независимый город, игравший большую роль в торговле с Востоком.

31 В современном переводе “Алексиады” сказано так: “...до него дошел слух о приближении бесчисленного войска франков. Он [Алексей] боялся их прихода, зная неудержимость натиска, неустойчивость и непостоянство нрава и все прочее, что свойственно природе кельтов и неизбежно из нее вытекает: алчные до денег, они под любым предлогом легко нарушают свои же договоры. [...] Но самодержец не пал духом, а все делал для того, чтобы в нужный момент быть готовым к борьбе.” (Анна Комнина. *Алексиада*. Спб.: Алетейя. 1996. С. 275.)

32 *Ларисса* — город в Греции, под которым в 1083 г. Алексей I с помощью военной хитрости разбил осаждавшее город войско Боэмунда.

33 Это сказано Анной Комниной в “Алексиаде” и в современном переводе звучит так: “...все остальные графы, и особенно Боэмунд, питая старинную вражду к самодержцу, искали только удобного случая отомстить ему за ту блестящую победу, которую он одержал над Боэмундом, сразившись с ним под Лариссой; их объединяла одна цель, и им во сне снилось, как они захватывают столицу [...]; лишь для вида они все отправились к Иерусалиму, на деле же хотели лишить самодержца власти и овладеть столицей” (*Алексиада*, с. 285).

34 *Доместиком Востока* — то есть главнокомандующим восточной армией; таким образом, Боэмунд намекал, чтобы император официально объявил его главой похода.

35 *...состоял во вражде с соседними магометанскими владетелями Сирии и Армении.* — Султан Кылыч-Арслан I (см. следующее примечание) в это время воевал с эмиром Хасаном Данишмендом в Каппадокии; перед лицом общего врага они примирились.

36 *Кылыч-Арслан* — Кылыч-Арслан I (ум. 1107 г.), иконийский султан из рода Сельджукидов, сын Сулеймана I, которому наследовал в 1092 г. В 1097 г. разбил неорганизованный отряд, предводимый Петром Пустынником и Вальтером Голяком, однако потерпел поражение от крестоносцев при Никее, не сумев снять ее

осаду. В 1101 г. вновь взял военную инициативу в свои руки, заставив крестоносцев избегать его владений. Погиб во время междоусобиц.

37 *Фолькмар* — рыцарь, предводитель одного из отрядов “похода бедноты”; был принят вместе с Петром Пустынником у императора.

38 *Татикий* — один из самых энергичных и преданных императору Алексею I Комнину полководцев, великий примикирий (главный управляющий дворцовыми службами). Его имя постоянно встречается на страницах “Алексиады” Анны Комниной.

39 Около 1080 г. Киликия и часть Малой Армении, где от сельджуков и греков укрывалось много армян, были объединены князем Рубеном (Рупеном), родственником прежней армянской династии Багратидов. Его потомкам удалось укрепиться во время крестовых походов как союзникам крестоносцев. Киликийская Армения просуществовала до 1375 г., когда войска египетского султана заняли ее территорию.

40 *Раймунд Ажильский* — французский хронист XI в. Во время первого крестового похода в качестве капеллана сопровождал Раймунда IV Тулузского и оставил описание похода.

41 *Кербоба (Карабоба)* — сельджукский эмир г. Мосула (ум. 1102 г.) на службе султана Берк-Ярука. Известен своей осадой Антиохии в 1098 г., захваченной крестоносцами, где потерпел поражение.

42 *...приходит к Раймунду Тулузскому один монах...* — Петр Варфоломей (Пьер Бартелеми, ум. 1099), провансальский клирик. В рассказе Анны Комниной эта история связывается с Петром Пустынником, почему, видимо, Ф. И. Успенский и начинает с него.

43 *Стефан III Блуаский* — граф Блуа и Шартра (1089-1102), сын Тибо I Шампанского и Алисы де Крепи. Был женат на Адели, дочери Вильгельма Завоевателя; их сын стал английским королем под именем Стефана Блуаского.

44 Имеются в виду египетский халиф Мостали (1094-1101) из династии Фатимидов и багдадский халиф Мустанзир (1094-1118) из рода Аббасидов. По малолетству первого регентом халифата Фатимидов тогда был ал-Афдал

45 *Архиепископ Пизанский Адальберт* — известен более как Даимберт или Дагоберт (ум. 1107 г.). Был пожалован в архиепископы Урбаном II по просьбе маркграфини Тосканской Матильды. После смерти Адемара Монтрейского назначен папским легатом на Востоке. Провозглашенный патриархом Иерусалимским в 1099 г. с помощью Готфрида Бульонского, пытался завладеть светской властью после его смерти. В 1103 г. вынужден был отказаться от патриаршества под давлением короля Иерусалимского Балдуина I и вернуться в Италию. Получив поддержку Пасхалия II, отправился обратно на Восток, но по дороге умер.

46 *Роллон* — первый герцог Нормандии (ум. 932 г.), из знатного норвежского рода. С 876 г. во главе своей дружины постоянно опустошал север Франции, пока король Карл III Простоватый не уступил ему территорию Нормандии и Бретани. Дочь Карла III Жизель стала его женой. Принес почтение королю и принял христианство, получив при крещении имя Роберт.

47 *Мелик-Гази*, эмир Сиваса (на Галисе) (1106-1135) — сын и наследник Мухаммеда I из рода Данишмендов, известного своей непримиримостью к крестоносцам.

48 *Григорий Таронит* (вторая пол. XI-после 1106) — византийский полководец, родственник Комнинов, правитель Трапезунда (с 1103 г.). Принял участие в заговоре военной аристократии против императора Алексея I, но был разоблачен и заключен в тюрьму.

49 *Эмиром (султаном) Мосула и Алеппо* был представитель рода Сельджукидов Родован или, как его называет хронист первого крестового похода Альберт Ахенский, Бродоан (1095-1113), сын Тутуша Дамасского.

50 *Пасхалий II* — папа римский (1099-1118), в миру Раньеро из Бьеды, бывший клюнийский монах. Слабохарактерный и мягкий, в борьбе за инвеституру с императором Генрихом V потерпел полное поражение.

51 *Короли французский и немецкий* — речь идет о короле Франции Филиппе I (1060-1108) и германском короле и императоре Генрихе V (1105-1125).

52 Дочь Филиппа I от первого брака с Бертой Голландской Констанция, разведясь с графом Шампани Гуго I в 1104 г., два года спустя была выдана замуж за князя Боэмунда I Антиохийского; младшая дочь Филиппа I от Бертрады де Монфор Сесилия стала женой Танкреда Апулийского, а после его смерти в 1112 г. вышла за Пона де Сен-Жилля, графа Триполитанского.

53 *Генрих V* (1081-1125) — германский король и император с 1105 г., сын Генриха IV и продолжатель его политики в борьбе за инвеституру с папством. Во время похода в Италию в 1111 г. взял в плен папу Пасхалия II с несколькими кардиналами, после чего добился своей коронации и признания за собой права инвеституры. По возвращению в Германию вел ожесточенную борьбу со своими светскими и духовными противниками. Заключил в 1122 г. с папой Каликстом II Вормсский конкордат, в соответствии с которым император отказывался от права духовной инвеституры, но мог присутствовать на выборах немецких епископов и наделять их коронными землями в качестве ленов (светская инвеститура).

54 *Гуго Пейенский* (Гуго де Пейен, 1070-1131) — рыцарь из Шампани, которому приписывают основание ордена тамплиеров (храмовников) в 1118 г. Свое название орден получил после того, как король Балдуин II уступил ему в Иерусалиме замок возле места, где, по преданию, находился храм Соломона.

55 *Английский король* — Генрих I (1069-1135), король с 1100 г., младший сын Вильгельма Завоевателя. Последний король из Нормандской династии.

56 *Госпитальеры* — “Рыцарский орден госпитальеров святого Иоанна Иерусалимского,” католический орден, основанный в 1023 г. купцами из Амальфи, которые построили больницу и приют для паломников в Святую землю. После захвата крестоносцами Иерусалима в 1099 г. орден был признан папой в качестве независимой религиозной конгрегации.

57 *Король Иерусалимский Балдуин II дю Бурз* (1118-1131), двоюродный брат Готфрида Бульонского и короля Балдуина I, в 1131 г. выдал свою дочь и наследницу Мелизинду (см. прим. 1 к гл. III) за Фулька V, графа Анжуйского и Менского с 1109 г., который в это время совершал паломничество в Святую землю. После смерти Балдуина II Фульк стал королем Иерусалимским и правил с 1131 по 1142 гг.

58 *Капетинги* — французская королевская династия (987-1328), потомки Гуго Капета.

59 В действительности сын графа Анжуйского Фулька V и его первой жены Эрментруды Менской Жоффруа V Плантагенет, граф Анжу и Мена (1129-1152), никогда не был королем Англии. Ф. И. Успенский путает его с его сыном Генрихом Плантагенетом, который по линии своей матери Матильды Английской, внучки Вильгельма Завоевателя, смог наследовать в 1154 г. английскую корону.

60 *Иоанн Комнин* — Иоанн II Комнин, византийский император (1118-1143), сын Алексея I и продолжатель его политики. В числе его многочисленных побед был разгром сельджуков в 1135 г. и подчинение Антиохии в 1137 г.

61 *Имад ад-Дин Зенги I* (1084-1146) — эмир Мосула с 1127 г., соединивший под своей властью несколько мусульманских владений возле границ христианских государств. В 1144 г. захватил Эдессу, что послужило поводом ко второму крестовому походу.

3. Второй Крестовый Поход.

Политика христианских князей на Востоке преследовала ложную цель — уничтожение византийского господства в Азии и ослабление греческого элемента, на который естественно нужно было рассчитывать в деле уничтожения мусульман. Такая политика привела к тому, что мусульмане, ослабленные и отодвинутые внутрь Азии, вследствие Первого крестового похода, снова усилились и начали из Месопотамии угрожать христианским владениям. Один из наиболее сильных мусульманских эмиров, эмир Мосула-Имад-эд-Дин Зенги, начал весьма серьезно угрожать передовым княжествам. В 1144 г. Зенги произвел сильный натиск, который окончился взятием Эдессы и падением Эдесского княжества. Это наносило весьма чувствительный удар всему восточному христианству: Эдесское княжество составляло форпост, о который разбивались волны мусульманских набегов, в Эдесском княжестве был оплот, защищавший весь христианский мир. В то время, когда Эдесса пала под ударами мусульман, другие христианские княжества находились или в стесненном положении, или были заняты вопросами чисто эгоистического характера и поэтому как не могли подать помощи Эдесскому княжеству, так не в состоянии были заменить для христиан его значения. В Иерусалиме незадолго перед тем умер король Фульк, тот самый, который соединил интересы Иерусалимского княжества с интересами своих французских владений. После его смерти во главе королевства стала вдова, королева Мелизинда, опекунша Бодуэна III¹; непокорность вассальных князей отняла у нее всякую возможность и средства даже для защиты собственных владений — Иерусалим находился в опасности и не мог подать помощи Эдессе. Что касается Антиохии, то князь Раймунд² завязал несчастную войну с Византией, кончившуюся для него полной неудачей, и таким образом также не мог подать помощи Эдессе.

Слух о падении Эдессы произвел сильное впечатление на Западе и особенно во Франции. Франция во весь период крестовых походов отличалась своей отзывчивостью к интересам христиан на Востоке; из Франции больше всего шло на Восток рыцарей; Франция более других европейских государств чувствовала связи с Востоком, ибо в Эдессе, Иерусалиме, Триполи сидели князья французского происхождения.

И тем не менее, для поднятия нового крестового похода в Западной Европе не представлялось благоприятных условий. Прежде всего во главе римской церкви было лицо, которое далеко не могло равняться с современником первого похода. В 1144 г. на римском престоле сидел Евгений III³, человек, не отличавшийся ни большой силой воли, ни энергией, ни умом, не имевший широких политических взглядов. Евгению III предстояло бы, пользуясь властным положением церкви, принять под свою руку дело защиты восточно-азиатских княжеств, но к этому времени положение папы, даже в самой Италии, было далеко не властное, римский престол был жертвой партий. Евгений III недавно успел победить антипапу⁴, нуждался в помощи Германского короля⁵ и настоятельными просьбами призывал его в Италию. Кроме того, ему угрожало в Риме новое направление, окончательно ниспровергавшее его авторитет. В Риме действовал проповедник, представитель философско-политического направления, Арнольд Брешианский⁶, ученик Бернарда, аббата Клерво⁷. Как Арнольд Брешианский, так и его знаменитый учитель происходили из известной монашеской конгрегации монастыря Ключни⁸ и были выразителями идей, распространяемых этим монастырем. Арнольд столько же был политик-философ, сколько и проповедник. Его политические взгляды были основаны на демократическом принципе. Он всеми силами своего красноречия и влияния боролся против светской власти папы и против злоупотреблений, вкравшихся в церковный строй того времени. За Арнольдом следовал целый ряд проповедников-монахов, распространявших те же идеи. Проповедь Арнольда подняла целую бурю против папы. К тому же времени городское движение, с его демократическим характером, особенно энергично охватило Италию. Во главе городов стоял не архиепископ, не светские феодалы и дворяне, а народ; воскресла и древняя форма правления — сенат и народ, воскрес даже античный термин “*senatus populusque Romanus*”⁹. Вместо устарелого устройства, вместо вассалитета и сюзеренитета выдвигались коммуны, которые в высшей степени неблагосклонно относились к духовным князьям. Германский король Конрад III¹⁰ также был поставлен в затруднительные обстоятельства борьбой с Вельфами¹¹; он в свою очередь выжидал поддержки из Рима, надеясь, что папа пришлет ему корону и тем укрепит его шаткое положение на троне. Таким образом, нельзя было надеяться, что папа или король примут на себя инициативу Второго крестового похода. Этой инициативы нужно было искать в другом месте.

После разгрома Эдессы значительная часть светских и духовных лиц явилась с Востока в Италию и Францию; здесь они обрисовывали положение дел на Востоке и возбуждали своими рассказами народные массы. Во Франции королем был Людовик VII¹²; рыцарь в душе, он чувствовал себя связанным с Востоком и был склонен предпринять крестовый поход. На короля, как и на всех его современников, оказывало сильное влияние то литературное движение, которое глубоко проникло во всю Францию и распространилось даже по Германии. Подразумеваемое здесь литературное движение составляет обширный цикл поэтических сказаний, заключающихся в песнях рыцарей и дворянства. Это устное творчество, обширное и разнообразное, воспевало подвиги борцов христианства, облекало их в фантастические образы, повествуя о бедствиях христиан на Востоке, держало в возбужденном состоянии народ и разжигало его страсти. Не чужды были его влияния и выс-

шие слои — духовные и светские князья. Людовик VII, прежде чем решиться на такой важный шаг, как поход в Святую Землю, спросил мнения у аббата Сугерия¹³, своего воспитателя и советника, который, не отговаривая короля от доброго намерения, посоветовал принять все меры, чтобы обеспечить должный успех предприятию. Людовик пожелал узнать настроение народа и духовенства. Духовная политика XII столетия находилась в руках Св. Бернарда, аббата недавно основанного монастыря Клерво. Личность Бернарда в высшей степени импозантная и авторитетная. Величественная фигура, изможденное лицо, пылкая огненная речь — все это доставляло ему непобедимую силу и громадное влияние, перед которым никто не мог устоять. Бернард был уже хорошо известен во всей Европе: он не раз являлся в Риме решателем дела того или другого папы. Ему не раз уже предлагали епископские и архиепископские места, но он всегда отказывался от повышений и этим еще более выигрывал в глазах современников; он был самый резкий противник Абеяра¹⁴, неблагоприятно относился к проповедям и действиям своего ученика Арнольда Брешианского. К этому авторитету, как к нравственной силе, обратился французский король, прося Бернарда принять участие в деле поднятия Европы к крестовому походу: Бернард не принял на свою ответственность такого важного дела; он дал совет обратиться к папе. Евгений III одобрил план короля и поручил св. Бернарду проповедь о крестовом походе, снабдив его воззванием к французскому народу. В 1146 г. св. Бернард присутствовал на государственном собрании в Бургундии (Везеле), он сел рядом с королем Людовиком, надел на него крест и произнес речь, в которой приглашал вооружиться на защиту Гроба Господня против неверных. Таким образом с 1146 г. вопрос о крестовом походе был решен с точки зрения французов. Южная и средняя Франция двинула многочисленную армию, которая была вполне достаточна для того, чтобы дать отпор мусульманам.

Роковым шагом и большой ошибкой со стороны св. Бернарда было то, что он, упоенный успехом, который имел во Франции, решил поведи дело далее, возбудить идею крестового похода за пределами Франции — в Германии. Движение и само по себе дошло до Рейна, где выразилось в крайне резком, а именно в антисемитском движении. Слухи об этом дошли до св. Бернарда и были весьма неприятны для него и требовали, по его мнению, его личного присутствия в этой стране. Явившись за Рейн, Бернард сурово порицал духовных лиц, не сдерживавших своим авторитетом страстей народных; но он не ограничился этим и пошел дальше. Он задумал привлечь к крестовому походу Германию, которая могла внести в это движение новые элементы, не гармонировавшие с теми, которые были во Франции. Конрад III до прибытия Бернарда не обнаруживал склонности поднаться на защиту святых мест. Аббат Клерво знал настроение Конрада и задался мыслью обратить его.

Обращение Конрада произошло при картинной обстановке. Накануне 1147 г. Бернард был приглашен отпраздновать вместе с Конрадом первый день Нового года. После торжественной мессы Бернард произнес речь, которая обладала такой силой и влиянием на умы, что для слушателей она казалась словом, исходившим из уст Самого Спасителя. Очертив в высшей степени яркими красками бедственное положение христиан на Востоке, он от лица Самого Спасителя обратился со следующей речью к Конраду: “О, человек! Я дал тебе все, что Я мог дать: могущество, власть, всю полноту духовных и физических сил; какое же употребление ты сделал из всех этих даров для службы Мне? Ты не защищаешь даже того места, где Я умер, где Я дал спасение душе твоей; скоро язычники распространятся по всему миру, говоря, где их Бог.” — “Довольно! — воскликнул король проли-

вая слезы. — Я буду служить Тому, Кто искупил меня.” Победа Бернарда была решительна над неподатливостью немцев, над нерешительностью Конрада.

Решение Конрада III участвовать во Втором крестовом походе отозвалось весьма живо во всей германской нации. С 1147 г. и в Германии началось такое же одушевленное общее движение, как и во Франции. Само собою разумеется, что это дело лично для славы Бернарда в высшей степени было заманчиво: по всей Германии ходили рассказы о силе и влиянии слова его, о его решительной победе над королем, увеличивая славу его подвигов, поднимая его авторитет в глазах современников. Но привлечение немцев к участию во Втором крестовом походе было в высшей степени вредно для исхода Второго крестового похода. Участие германцев изменило дальнейший ход всего дела и привело к тем печальным результатам, которыми окончился Второй крестовый поход.

В XII столетии большое значение для успеха всех внешних политических предприятий имели союзы, симпатии или антипатии государств. Французская нация, во главе своего короля, выставила значительные силы. Как сам король Людовик VII, так и феодальные французские князья выказали много сочувствия делу Второго крестового похода; собрался отряд численностью до 70 тысяч. Цель, которую предстояло достигнуть Второму крестовому походу, была ясно намечена и строго определена. Задача его состояла в том, чтобы ослабить мусульманского эмира Зенги и отнять у него Эдессу. Эту задачу успешно выполнило бы и одно французское войско, состоявшее из хорошо вооруженной армии, которая по пути увеличилась вдвойне приставшими добровольцами. Если бы крестоносное ополчение 1147 г. состояло из одних французов, оно направилось бы другим путем, более кратким и более безопасным, чем тот, который оно избрало под влиянием германцев. Французы в политической системе той эпохи представляли нацию, совершенно обособленную, которая своими ближайшими интересами склонялась к Италии. Сицилийский король Рожер II¹⁵ и французский король находились в близких отношениях. Вследствие этого для французского короля всего естественнее было избрать путь через Италию, откуда он мог, воспользовавшись норманнским флотом и также флотом торговых городов, которые, как мы видели раньше, явились такими энергичными помощниками в Первом крестовом походе, удобно и скоро прибыть в Сирию. Этот путь представлялся более кратким и удобным уже потому, что он приводил крестоносцев не во враждебные владения мусульман, а в те земли Сирии и Палестины, которые принадлежали уже христианам; этот путь, следовательно, не только не требовал бы от крестоносного ополчения никаких жертв, а, напротив, обещал ему вполне благоприятные результаты. Кроме того, путь через южную Италию имел за собой еще то преимущество, что к ополчению мог присоединиться и сицилийский король. Людовик VII, снесшись с Рожером II, готов был двинуться через Италию.

Германский король был носителем совершенно противоположных политических идей. Постоянное стремление германской нации завладеть южной Италией ставило каждого германского короля в необходимость считать до тех пор свою задачу неоконченной, пока он не побывал в Италии и в Риме, не получил от папы императорской короны, а от итальянского населения присяги на верность. С этой стороны стремления германских королей угрожали прямо интересам нормандского влияния в южной Италии и в данную минуту интересам сицилийского короля Рожера II. Сила сицилийского короля была обусловлена слабым влиянием в Италии германского императора. Естественно, что Рожер II был далеко не в благоприятных отношениях с императором; между двумя народностями, германской и норманнской, не могло быть союза. Но в рассматриваемую эпоху дело было го-

раздо хуже. Конрад менее всего задавался целью заключать союзы с западноевропейскими державами; напротив, незадолго перед тем он заключил союз с Византией. В союзе германского короля с византийским императором таилось осуществление той задачи, которую старался выполнить еще Алексей Комнин во время Первого крестового похода: германскому королю и византийскому царю представлялась полная возможность взять в свои руки крестоносное движение и повести его к осуществлению своих задач. Участие французского короля во Втором крестовом походе усложняло и затрудняло разрешение этой задачи; но тем не менее у Конрада III и Мануила Комнина¹⁶ оставалась полная возможность сообща направить движение к общехристианской цели и играть в этом движении главную роль.

Когда поднялся вопрос о пути и средствах движения, германский король предложил избрать тот путь, которым шли и первые германские крестоносцы, — на Венгрию, Болгарию, Сербию, Фракию и Македонию. Германцы настаивали на том, чтобы и французский король двинулся этим путем, мотивируя свое предложение тем, что лучше избегать разделения сил, что движение через владения союзного и даже родственного с германским королем государя вполне обеспечено от всякого рода случайностей и неожиданностей и что с византийским царем начаты по этому вопросу переговоры, в благоприятном результате которых Конрад не сомневался.

Летом 1147 г. началось движение через Венгрию; Конрад шел впереди, месяцем позже шел за ним Людовик.

Рожер Сицилийский, который ранее не заявлял намерения участвовать во Втором крестовом походе, но который однако не мог оставаться равнодушным к исходу его, потребовал от Людовика исполнения заключенного между ними договора — направить путь через Италию. Людовик долго колебался, но уступил союзу с германским королем. Рожер понял, что если бы он теперь и принял участие в походе, то положение его было бы вполне изолированным. Он снарядил корабли, вооружился, но не для того, чтобы оказать помощь общему движению; он начал действовать на собственный страх сообразно норманнской политике относительно Востока; сицилийский флот стал грабить острова и приморские земли, принадлежащие Византии, берега Иллирии, Далмации и южной Греции. Опустошая византийские владения, сицилийский король завладел островом Корфу и в то же время, чтобы с успехом продолжать свои морские операции против Византии и чтобы обеспечить себя со стороны африканских мусульман, заключил с последними союз.

Таким образом крестоносное движение в самом начале было поставлено в самое неблагоприятное положение. С одной стороны, западный король напал на византийские владения в то самое время, когда крестоносцы подходили к Константинополю; с другой стороны, составилась коалиция христианского короля с мусульманами, союз прямо враждебный успеху крестовых походов. Политика норманнского короля тотчас отозвалась на отдаленном Востоке. В крестовом ополчении участвовала масса людей, которые не желали подчиняться германскому и французскому королям, не признавали над собой никакого авторитета. Как бы ни желали короли благополучно довести свое войско до Константинополя, не возбуждая ропота в туземном населении грабежами и насилиями, им было трудно удержать порядок и дисциплину в своем войске: добровольцы, приставшие к ополчению, отделялись от войска, грабили, наносили оскорбления и чинили насилия жителям. Это не могло не поселить недоразумений между византийским царем и германским королем, начались взаимные неудовольствия и упреки в неисполнении договоров и конвенций. Во Фракии дошло даже от открытых столкновений. Крестоносцы жаловались на то, что им

несвоевременно доставлялись съестные припасы и фураж; византийцы обвиняли крестоносцев в грабеже. Хотя византийский царь был уверен в расположении к себе Конрада, но для него не было тайной отсутствие дисциплины в крестовом войске и слабый авторитет короля. Царь Мануил боялся, что Конраду не удастся обуздать буйную и непокорную толпу, что эта толпа, жадная к наживе, может начать в виду Константинополя грабежи и насилия и вызовет серьезные смуты в столице. Поэтому Мануил старался отстранить крестовое ополчение от Константинополя и советовал Конраду переправиться на азиатский берег Галлиполи. Это было бы действительно лучше, ибо предупредило бы много различных недоразумений и стычек. Но крестоносцы силой пробившись к Константинополю, сопровождая свой путь грабежами и насилиями. В сентябре 1147 г. опасность для Византии со стороны крестоносцев была серьезна: у стен Константинополя стояли раздраженные германцы, предававшие все грабежу; через две-три недели нужно было ожидать прибытия французских крестоносцев; соединенные силы тех и других могли угрожать Константинополю серьезными неприятностями. В то же время до византийского царя доходили известия о взятии Корфу, о нападениях норманнского короля на приморские византийские владения, о союзе Рожера II с египетскими мусульманами.

Под влиянием грозившей со всех сторон опасности Мануил сделал шаг, который в самом корне подрывал предположенные Вторым крестовым походом задачи и цели, — он заключил союз с турками-сельджуками; правда, это не был союз наступательный, он имел целью обезопасить империю и пригрозить латинянам на случай, если бы последние вздумали угрожать Константинополю. Но тем не менее этот союз имел весьма важное значение в том отношении, что он давал понять сельджукам, что им придется считаться только с одним западным ополчением. Заключая этот союз с иконийским султаном, Мануил давал понять, что он не смотрит на сельджуков как на врагов. Оберегая свои личные интересы, он умывал руки, предоставляя крестоносцам действовать на собственный риск собственными силами и средствами. Таким образом против крестового ополчения составилось два христианско-мусульманских союза: один — прямо враждебный крестоносному ополчению — это союз Рожера II с египетским султаном; другой — союз византийского царя с иконийским султаном — был не в интересах крестового похода. Все это было причиной тех неудач, которыми закончился Второй крестовый поход.

Мануил поспешил удовлетворить Конрада и перевез немцев на противоположный берег Босфора. Едва ли в это время византийский царь и мог обеспечить дальнейший ход дел на азиатской территории. Крестоносцы дали себе первый отдых в Никее, где произошли уже серьезные недоразумения. Пятнадцатитысячный отряд отделился от немецкого ополчения и на собственный страх направился приморским путем к Палестине. Конрад с остальным войском избрал тот путь, которого держалось первое крестовое ополчение, — через Дорилей, Иконий, Гераклею. В первой битве (26 октября 1147 г.), происшедшей в Каппадокии, близ Дорилея, немецкое войско, застигнутое врасплох, было разбито наголову, большая часть ополчения погибла или была взята в плен, весьма немногие вернулись с королем в Никею, где Конрад стал поджидать французов. Почти в то самое время, когда Конрад потерпел страшное поражение, Людовик VII приближался к Константинополю. Происходили обычные столкновения между французским войском и византийским правительством. Зная симпатии между Людовиком VII и Рожером II, Мануил не считал безопасным продолжительное пребывание в Константинополе французов. Чтобы поскорее отделаться от них и понудить рыцарей к ленной присяге, царь Мануил употребил хитрость. Между французами был пущен слух, что немцы, переправившиеся в Азию, быстро подвиг-

гаются вперед, шаг за шагом одерживают блистательные победы; так что французам нечего будет делать в Азии. Соревнование французов было возбуждено; они требовали переправить их поскорее через Босфор. Здесь уже, на Азиатском берегу, французы узнали о несчастной участи немецкого войска; в Никее свиделись оба короля, — Людовик и Конрад, и решились продолжать путь вместе, в верном союзе.

Так как путь от Никей до Дорилея был покрыт трупами и облит христианской кровью, оба короля желали избавить войско от тяжелого зрелища и потому отправились обходным путем, на Адрамитий, Пергам и Смирну. Путь этот был чрезвычайно трудный, замедлявший движение войска; выбирая этот путь, короли надеялись встретить здесь менее опасностей со стороны мусульман. Надежды их однако не оправдались: турецкие наездники держали в постоянном напряжении крестоносную армию, замедляли путь, грабили, отбивали людей и обозы. Кроме того, недостаток съестных припасов и фуража заставил Людовика бросить массу вьючных животных и багажа. Французский король, не предвидя всех этих затруднений, взял с собой многочисленную свиту; поезд его, в котором участвовала и его супруга Элеонора¹⁷, был в высшей степени блистательный, пышный, не соответствовавший важности предприятия, соединенного с такими затруднениями и опасностями. Крестоносное ополчение двигалось очень медленно, теряя на своем пути массу людей, вьючного скота и багажа.

В начале 1148 г. оба короля прибыли в Эфес с жалкими остатками войска, тогда как при переправе ополчения через Босфор византийцы, конечно преувеличенно, насчитывали его до 90 тысяч. В Эфесе короли получили от византийского императора письмо, в котором последний приглашал их в Константинополь отдохнуть. Конрад отправился морским путем в Константинополь, а Людовик, с большим трудом добравшись до приморского города Анталии, выпросил у византийского правительства корабли и с остатками войска в марте 1148 г. прибыл в Антиохию. Рассказанными событиями, можно сказать, исчерпывается результат Второго крестового похода; громадные армии королей растаяли под ударами мусульман; а короли, — французский и немецкий, соединившиеся для одной цели, скоро разошлись и стали преследовать противоположные задачи.

Раймунд Антиохийский¹⁹ принял французов очень радушно: последовал ряд празднеств и торжеств, в которых французская королева Элеонора играла первенствующую роль. Не замедлила проявиться интрига, которая не осталась без влияния на общий ход дел: Элеонора вступила в связь с Раймундом. Само собою разумеется, Людовик чувствовал себя оскорбленным, униженным, он потерял энергию, воодушевление и охоту вести начатое дело. Но были обстоятельства, которые еще хуже отозвались на деле Второго крестового похода. Пребывание Конрада III в Константинополе в зиму 1147/48 г. сопровождалось охлаждением между ним и византийским императором. Весной 1148 г. Конрад отправился из Константинополя в Малую Азию, но только не в Антиохию для соединения с французским королем, а прямо в Иерусалим. Как для Раймунда, так и для Людовика было в высшей степени неприятно известие, что Конрад оставил задачи крестового похода и предался интересам Иерусалимского королевства. Болдуэн III, король Иерусалима, побудил Конрада стать во главе войска, которого Иерусалимское королевство могло выставить до 50 тысяч, и предпринять поход против Дамаска. Это предприятие следует считать в высшей степени неверным и ошибочным, да оно и не входило в виды второго крестового похода. Движение против Дамаска в интересах иерусалимского княжества окончилось весьма печальными результатами. В Дамаске, правда, находилась довольно грозная сила, но весь центр тяжести мусульманского Востока, вся сила и опасность для христиан сосре-

доточивалась в это время не в Дамаске, а в Моссуле. Эмир моссульский Зенги, а не кто другой завоевал Эдессу и угрожал остальным христианским владениям. После смерти Зенги в Моссуле сидел сын его Нуредин (Нур-эд-Дин)¹⁸, который приобрел весьма крупную, хотя и печальную известность в восточных христианских летописях, как самый непримиримый и грозный враг Антиохии и Триполи. Само собою разумеется, что если его не ослабили в 1148 г., он впоследствии мог сделаться грозной, роковой силой для всего восточного христианства. В Иерусалиме этого не поняли. Немецкий король стал во главе пятидесятитысячной армии и направился против Дамаска. Это вызвало антихристианскую коалицию: эмир Дамаска заключил союз с Нуредином. Политика христиан на Востоке в данное время, когда у них не было значительных военных сил, должна была быть очень осторожной: входя в борьбу с каким бы то ни было мусульманским центром, христиане должны были бить наверняка, чтобы не поднимать против себя коалиций со стороны мусульман. Между тем Конрад и Болдуэн III шли с закрытыми глазами и не озаботились ознакомиться с местными условиями. Дамаск оказался укрепленным сильными стенами и защищенным значительным гарнизоном; осада Дамаска требовала продолжительного времени и значительных усилий. Христианское войско направило свои силы против той части города, которая казалась более слабой. Между тем в лагере распространились слухи, что с севера на выручку Дамаска идет Нуредин. Конрад с горстью немцев не терял надежды на сдачу Дамаска. Но в лагере христиан составила измена, которая, впрочем, еще недостаточно выяснена, хотя о ней упоминается у многих летописцев. Будто бы Иерусалимский король, патриарх и рыцари, подкупленные золотом мусульман, распространили слухи, что Дамаск непобедим с той стороны, с которой подошли к нему крестоносцы. Вследствие этого осаждающие перешли на другую сторону города, которая была действительно неприступна. Проведя довольно продолжительное время в бесполезной осаде, угрожаемые с севера Нуредином, христиане должны были отступить от Дамаска, не достигнув ничего. Эта неудача тяжело отозвалась на рыцарском короле Конраде и на всем войске. Не было охотников продолжать дело Второго крестового похода, то есть идти дальше на север и в союзе с Антиохией вести войну против главного врага — эмира моссульского. Энергия и рыцарский энтузиазм Конрада ослабли, и он решил вернуться на родину. Осенью 1148 г. на византийских кораблях он прибыл в Константинополь, а оттуда в начале 1149 г. возвратился в Германию, не сделав в сущности ничего для дела христиан на Востоке, а, напротив, обесславив себя и немецкую нацию.

Людовик VII, как человек молодой, с большим рыцарским энтузиазмом, не решился, подобно Конраду, бросить так скоро начатого им дела. Но в то же время, при затруднительности положения, он не решился на энергичные меры. В его свите нашлись лица, которые не считали выполненной задачу крестового похода и, считая возвращение назад делом унизительным для рыцарской чести, советовали ему оставаться в Антиохии и ждать подкрепления, то есть прибытия новых сил с Запада для выручки Эдессы. Но были и такие, которые, указывая на пример Конрада, уговаривали короля возвратиться на родину; Людовик VII поддался влиянию последних и решился возвратиться. В начале 1149 г. он на норманнских кораблях переправился в южную Италию, где имел свидание с норманнским королем и осенью 1149 г. прибыл во Францию.

Таким образом Второй крестовый поход, который казался таким блистательным, так много обещавшим вначале, сопровождался вполне ничтожными результатами. Мусульмане не только не были ослаблены, а, напротив, нанося христианам одно поражение за другим, уничтожая целые крестоносные армии, получили большую уверенность в соб-

ственных силах, энергия их увеличилась, у них зародились надежды на уничтожение христианства в Малой Азии. На Востоке происходили резкие столкновения между немцами и французами. Немецкое войско в глазах других наций было принижено своими роковыми неудачами. Уже после поражения Конрада III немцы служили предметом насмешек для французов; следовательно, Второй поход показал, что совместные действия французов и немцев на будущее время невозможны. Этот поход обнаружил также рознь между палестинскими и европейскими христианами. Для восточных христиан пятидесятилетнее пребывание в среде мусульманского влияния не прошло бесследно в культурном отношении. Таким образом, между поселившимися в Азии европейцами и прибывавшими сюда из Европы новыми крестоносцами обнаружилась принципиальная рознь; они взаимно стали не понимать друг друга. Меркантильный характер, подкуп, распущенность, разврат сделали отличительной чертой нравов палестинских христиан.

Неудача Второго крестового похода сильно отозвалась на французской нации, в памяти которой долго сохраняется отзвук этой неудачи. Она должна была лечь пятном на чести церкви, в особенности она подорвала авторитет св. Бернарда, а также и папы: Бернард поднял массы народа, он называл крестовый поход делом, угодным Богу, предсказывал хороший исход. После позорных неудач поднялся сильный ропот против Бернарда: Бернард не пророк, говорили, а лжепророк; а папа, давший свое благословение, не представитель церкви, а антихрист. Папа сваливал всю ответственность на Бернарда, последний говорил, что он действовал по приказанию папы.

В высшей степени интересна тенденция, возникающая к этому времени среди романских народов: стали взвешивать, особенно французы, обстоятельства Первого и Второго походов, стали доискиваться, какие были недостатки их организации и причины неуспеха. Вывод был простой: нельзя достигнуть цели походов потому, что на дороге стояло схизматическое византийское царство, сначала нужно уничтожить это препятствие. Эта тенденция, возникающая в середине XII в., приобретала затем все более и более сторонников на Западе. Благодаря постепенному распространению этой идеи в массы народа, Четвертый крестовый поход, в котором участвовали венецианцы, норманны и частью французы, направился не прямо на Восток, а на Константинополь и достиг блистательного результата: он кончился взятием Константинополя и превращением Византии в латинскую империю.

Результатом Второго похода был огорчен в особенности молодой Людовик VII. Возвратившись на родину, Людовик пришел к сознанию необходимости поправить свою ошибку, смыть пятно со своего имени. Составлен был собор, на котором снова подвергся обсуждению вопрос о новом походе и, что очень удивительно, нашлась опять масса людей, которые, объятые религиозным энтузиазмом, вновь готовы были идти в Святую Землю. Случилось нечто еще более удивительное: на собор явился и св. Бернард и стал говорить, что предстоящий поход будет уже удачен. На соборе стали раздаваться голоса, что недавний поход был неудачен потому, что не поставили во главе его св. Бернарда. Явилось предложение поручить ему ведение нового похода. Папа принял весть об этом без сочувствия. Он назвал самого Бернарда безумцем, а в официальном документе характеризовал подобное отношение к делу как глупость. После этого и Людовик несколько охладел к задуманному походу.

Из детальных черт нужно указать еще два момента, относящиеся ко Второму крестовому походу, которые показывают, что в 1149 г. религиозная идея похода совершенно отступает на задний план. Если во время Первого крестового похода в некоторых князьях

еще было видно религиозное воодушевление, то теперь оно совершенно падает. К эпохе Второго крестового похода относятся два похода, стоящие совершенно отдельно от главного движения. Когда началось движение в Святую Землю во второй раз, некоторые северогерманские князья, как Генрих Лев²⁰, Альбрехт Медведь²¹ и другие, сообразили, что не имеют надобности искать борьбы с неверными на отдаленном Востоке, что рядом с ними есть масса вендов²², языческих народов славянского происхождения, которые до сих пор не принимали к себе христианских проповедников. Северогерманские князья обратились в Рим, и папа разрешил им направить свое оружие против славян. Ближайшие лица, — Генрих Лев и Альбрехт Медведь, — были местные графы, князья саксонские. Задача саксонского племени, начиная с Карла Великого²², заключалась в культурной и религиозной экспансии на славянские племена, между Эльбой и Одером. Трудно сказать, чтобы эта борьба, велась исключительно в интересах религиозных. Она имела в виду также и цели чисто экономического характера: саксонские князья стремились приобрести новые земли для колонизации и тем способствовать распространению немецкого элемента на Востоке. Раз земля завоевана, является правитель области — маркграф, являются миссионеры и колонисты. Альбрехт Медведь был маркграф Бранденбурга²⁴, возникшего на славянских землях. Для похода на славян составила армия, доходившая до 100 тысяч человек. Представителем вендских славян был в то время князь бодричей Никлот²⁵, который мог оказать немцам лишь слабое сопротивление. Результатом похода, одобренного церковью, сопровождавшегося страшными жестокостями, убийствами и грабежом, было то, что немцы приобрели еще более прочное положение в славянских землях. Второй момент, о котором мы упомянули, заключается в следующем. Часть норманнских, французских и английских рыцарей была занесена бурей в Испанию. Здесь они предложили Альфонсу, португальскому королю²⁶, свои услуги против мусульман и в 1148 г. захватили Лиссабон. Многие из этих крестоносцев навсегда остались в Испании, и только очень незначительная часть направилась в Святую Землю, где принимала участие в неудачном походе против Дамаска.

Примечания

1 *Королева Мелизинда, опекуниша Балдуина III*: Мелизинда Иерусалимская (ум. в 1161 г.) после смерти в 1142 году мужа, Фулька Анжуйского, по 1149 г. была регентшей при малолетнем сыне, Балдуине III (1131-1162).

2 *Князь Раймунд* — Раймунд де Пуатье (1099-1149), князь Антиохии с 1136 г., сын знаменитого трубадура герцога Гильома IX Аквитанского, муж Констанции Антиохийской. В 1137 г. потерял Антиохию, занятую византийцами. Погиб в сражении с сельджуками.

3 *Евгений III* — папа римский с 1145 по 1153 гг., в миру Бернардо, вероятно, из рода Паганелли ди Монтема-ньо. Бывший цистерцианский монах, ученик Бернара Клервосского (см. прим. 6). Несколько раз бежал из Рима от сторонников республики. Один из инициаторов второго крестового похода.

4 Ошибка: никакого антипапы в понтификат Евгения III не было.

5 *Германским королем* в 1144 г. был Конрад III (см. прим. 8).

6 *Арнольд Брешианский* (ок. 1100-1155) — проповедник и церковный реформатор, ученик Абеяра (см. прим. 12), а не Бернара Клервосского, как по ошибке сказано у Успенского. Стремился возратить клир к простой жизни времен апостолов, требовал лишить духовенство собственности. Выслан из Италии в 1139 г. как руководитель движения в Брешии против местного епископа. Осужден на Санском соборе 1140 г. вместе с Абеяром. В 1146 г. вернулся в Рим, где стал идейным вождем восстание против светской власти папы. Поддерживал созданную в 1143 г. Римскую республику. После занятия в 1155 г. Рима войсками Фридриха Барбароссы был приговорен к смерти новым папой Адрианом IV и повешен.

7 *Бернар Клервосский* (1090-1153) — богослов и мистик, один из самых влиятельных духовных авторитетов своего времени; канонизирован католической церковью в 1174 г. Аббат монашеской общины в Клерво с

1115 г. Отличался крайней ортодоксальностью, защищал догматику и порицал схоластику за рационалистические тенденции. Один из главных вдохновителей второго крестового похода.

8 *Клюнийская конгрегация* возникла с основанием в 910 г. монастыря Клюни в Верхней Бургундии, подчиненного непосредственно папе. Была известна строгим бенедиктинским уставом, ставшим образцом для всех европейских монастырей. Центр так называемого “клюнийского движения” за очищение церкви. Во второй половине XII в. клюнийской конгрегации принадлежало уже 2000 монастырей в Италии, Испании, Англии, Германии, Польше, но более всего во Франции. Обладала большой духовной и политической властью, из нее вышло двенадцать кардиналов и несколько пап, в том числе Григорий VII (см. прим. 16 к гл. II). С XII в. стала постепенно терять влияние, но прекратила существовать только в 1790 г.

9 В 1143 г. римляне, восстав против папы Иннокентия II, объявили о независимости Рима от папы, о восстании Римской республики и создали новое правительство, назвав его *сенатом*; во главе города встал т. н. патриций (Джордано Пьерлеони). Сенаторы избирались, конечно, не из простонародья, а из богатых горожан.

10 *Конрад III* (1093-1152), сын Фридриха Швабского из рода Гогенштауфенов, в 1138 г. был избран германским королем, несмотря на наличие сильного соперника — Генриха Гордого из рода Вельфов, но не коронован императорской короной, поскольку так и не выбрался в Рим.

11 *Вельфы* — видный феодальный род Германии, возвысившийся в XII в. благодаря деятельности Генриха IX Черного, герцога Баварского и Саксонского (ум. 1126 г.). Его сын Генрих X Гордый (ум. 1139 г.) был женат на Гертруде, дочери императора Лотаря Саксонского, который сделал его наследником своих родовых земель и надеялся передать ему корону. Однако немецкие князья, опасаясь могущества Вельфов, выбрали королем Конрада Гогенштауфена (см. прим. 10), которому удалось утвердиться на троне.

12 *Людвик VII Молодой* (ок. 1120-1180) — король Франции с 1137 г., из династии Капетингов, сын Людовика VI и Аделаиды Савойской.

13 *Аббат Сугерий* (ок. 1081-1151) — французский государственный и церковный деятель, аббат Сен-Дени с 1122 г. Ближайший советник Людовика VI и его сына Людовика VII, активно принимал участие в управлении государством. Во время отъезда Людовика VII во второй крестовый поход — регент Франции.

14 *Абеляр, Пьер* (1079-1142) — французский философ-схоласт, богослов и поэт. Учился в Париже; в 1113 г. открыл свою школу при соборе Богоматери в Шалоне и быстро прославился. Выступал за проверку веры разумом (“понимаю, чтобы верить”). Создал учение концептуализма, изложил в трактате “Да и нет” схоластический метод. Его учение было осуждено на соборах в Суассоне в 1121 г. и в Сансе в 1140 г. В числе его учеников были папа Целестин II и Арнольд Брешианский. История его любви к Элоизе, племяннице одного из парижских каноников, стала причиной множества его злоключений. Описал свою жизнь в знаменитой книге “История моих бедствий.”

15 *Рожер II Гвискар* (1093-1154) — первый король Сицилии из Нормандской династии, сын Рожера I и племянник Роберта Гвискара (см. прим. 28 к гл. III). В борьбе папы Иннокентия II с антипапой Анаклетом II в 1130 г. поддержал последнего, и тот даровал ему королевский титул. Потом Иннокентий сам организовал поход против Рожера, потерпел поражение и вынужден был признать его. Объединил под своей властью Сицилию, Апулию и Капую, успешно воевал с византийским императором Мануилом I Комниным (см. прим. 14), отобрав у него большую часть итальянских владений.

16 *Мануил I Комнин* (ок. 1122-1180) — византийский император с 1143 г., сын Иоанна II. Заключил союз с Конрадом III против Рожера II, напавшего в 1143 г. на Византию, но практической помощи германский король, занятый то крестовым походом, то борьбой с внутренними противниками, так и не оказал. Внешняя политика в его правление осуществлялась с переменным успехом: с одной стороны — покорение сербов и присоединение Далмации в 1150-х гг., с другой — разгром византийцев на юге Италии сицилийцами, неудачная попытка завоевания Египта, наконец, страшное поражение при Мириокефалоне от сельджуков в 1176 г., когда сам император едва избежал плена.

17 *Алиенора* — Алиенора Аквитанская (ок. 1122-1204), дочь и единственная наследница Гильома X, герцога Аквитанского, и Аэноры де Шательро; герцогиня Аквитании с 1137 г. В этом же году стала женой короля Франции Людовика VII, которого сопровождала во втором крестовом походе, возглавляя отряд знатных дам. Ее фривольное поведение возбуждало сильную ревность короля, и по возвращении во Францию церковный собор расторг их брак (1152 г.). Вместе с ней Людовик VII потерял территорию огромной Аквитании, которая в результате второго брака герцогини (1152 г.) с графом Генрихом Анжуйским, будущим королем Англии Генрихом II Плантагенетом (1154 г.), вошла в состав английского государства. Спор за аквитанское наследство между Англией и Францией нашел свое окончательное разрешение только в ходе Столетней войны. За интриги против Генриха II королева была заключена в тюрьму (1173-1189). Освобожденная своим старшим сыном Ричардом I Львиное Сердце, во время его крестового похода управляла Англией.

18 *Нуреддин* (Нур ад-Дин) — Нур ад-Дин Махмуд, “светоч веры” (1118-1174), сын мосульского атабека Имад ад-Дина Зенги I (см. прим. 61 к гл. II), которому наследовал в 1146 г. Владел Алеппо и Эдессой. Успешно вел борьбу с крестоносцами, разгромив короля Иерусалимского Амальрика (Амори) I.

19 *Раймунд Антиохийский* (1099-1149) — Раймунд де Пуатье, князь Антиохии с 1136 г., дядя Алиеноры Аквитанской.

20 *Генрих Лев* — герцог Баварии и Саксонии из рода Вельфов (1129-1195), сын Генриха X Гордого, наследовал своему дяде Вельфу VII в 1142 г. Расширил на восток свои владения за счет славян, присоединил Мекленбург и Померанию, став одним из самых сильных феодалов Германии. За отказ предоставить военную помощь императору Фридриху I Барбароссе против ломбардцев был по решению рейхстага изгнан из своих владений и в 1181 г. бежал к английскому королю Генриху II, на дочери которого Матильде был женат. Вернулся в Германию в 1188 г., но, отказавшись отправиться в третий крестовый поход под началом императора, был вновь изгнан. Вернувшись через несколько месяцев, попытался отвоевать свои владения силой. Его сын Оттон, герцог Люнебург-Брауншвейгский, сумел добиться императорской короны в 1198 г., но не смог закрепить ее за Вельфами.

21 *Альбрехт Медведь* — маркграф Бранденбургский (ок. 1100-1170), сын Оттона Богатого, графа Балленштеттского и Аршелебенского, которому наследовал в 1123 г. Безуспешно боролся с Генрихом Львом за обладание Саксонией, добился успеха в войне с вендами (см. прим. 21), населявшими Бранденбургскую марку. В 1157 г. завершил покорение вендов, способствуя заселению своих новых владений немцами и голландцами.

22 *Венды* (полабские славяне) — племена бодричей и лютичей, жившие с 40-х гг. XI в. на побережье Балтийского моря между устьями Лабы и Одры.

23 *Карл I Великий* (ок. 742-814) — король франков с 768 г., император с 800 г., сын Пипина Короткого и Берты Большеногой. Максимально расширил территорию франкского государства, более тридцати лет покорял саксонские племена. Оказывал активное содействие распространению христианства и культуры. Один из любимых персонажей легенд и преданий средневековья.

24 *Бранденбург* — средневековое немецкое княжество, возникшее в результате завоевания немецкими князьями земель вендов; название — от поселения гаволян Бранибор. Альбрехт Медведь повторно завоевал эти земли, уже завоеванные немцами в 928 г. и вновь утраченные ими в 983 г.

25 *Никлот* (ум. в 1160 г.) — один из последних князей бодричей.

26 *Альфонс, португальский король* — Альфонс I Завоеватель (ок. 1109-1185), сын первого правителя Португалии графа Генриха Бургундского из рода Капетингов, которому наследовал в 1112 г. После победы над Кастилией и арабами в 1139 г. провозгласил себя королем, позже его признал папа (1142 г.). В конце 1147 г. с помощью крестоносцев захватил Лиссабон. Все его царствование прошло под знаком успешной борьбы с маврами.

4. Третий Крестовый Поход.

Положение христианских государств на Востоке после второго крестового похода осталось в том же состоянии, в каком оно находилось до 1147 г. Ни французский, ни германский короли ничего не сделали для ослабления Нуредина. Между тем в самих христианских государствах Палестины замечается внутреннее разложение, которым и пользуются соседние мусульманские властители. Распущенность нравов в антиохийском и иерусалимском княжествах обнаруживается особенно резко после окончания Второго крестового похода. К несчастью, как в Иерусалимском, так и в Антиохийском государствах во главе правления стоят женщины: в Иерусалимском — королева Мелизинда¹, мать Бодуэна III; в Антиохийском с 1149 г. — Констанция, вдова князя Раймунда². Начинаются придворные интриги, престол окружают временщики, у которых не доставало ни желаний, ни умения стать выше интересов партии. Мусульмане же, видя безуспешность попыток европейских христиан освободить Святую Землю, начали наступать на Иерусалим и Антиохию с большей решительностью; особенную известность и роковое значение для христиан при-

обрел с середины XII столетия Нуредин, эмир Алеппо и Моссула, стоявший гораздо выше христианских государей по своему характеру, уму и пониманию исторических задач мусульманского мира. Нуредин обратил все свои силы против антиохийского княжества. В войне Раймунда Антиохийского с Нуредином, которая велась в течении 1147-1149 гг., антиохийцы не раз были разбиты наголову, в 1149 г. пал в одном из сражений сам Раймунд. С тех пор положение дел в Антиохии стало не лучше, чем в Иерусалиме. Все события второй половины XII столетия на Востоке группируются главнейшим образом около величественной импозантной фигуры Нуредина, которого затем сменяет не менее величественный Саладин³. Владая Алеппо и Моссулом, Нуредин не ограничивается тем, что стесняет антиохийское княжество, он обращает внимание и на положение королевства Иерусалимского. Еще в 1148 г. иерусалимский король, направив Конрада на Дамаск, сделал большую ошибку, которая дает себя чувствовать сейчас же после Второго крестового похода. Она повлекла за собою весьма печальный исход: Дамаск, теснимый иерусалимскими крестоносцами, входит в соглашение с Нуредином, который делается владельцем всех крупнейших городов и главнейших областей, принадлежащих мусульманам. Когда Нуредин захватил в свои руки Дамаск и когда мусульманский мир увидел в Нуредине самого крупного своего представителя, положение Иерусалима и Антиохии постоянно висело на волоске. Из этого можно видеть, как непрочно было положение восточных христиан и как оно постоянно вызывало необходимость содействия со стороны Запада.

В то время как Палестина постепенно переходила в руки Нуредина⁴, на севере возрастали притязания со стороны византийского царя Мануила Комнина, который не упускал из виду вековой византийской политики и употреблял все меры, чтобы вознаградить себя за счет ослабевших христианских княжеств. Рыцарь в душе, человек в высшей степени энергичный, любящий славу, царь Мануил готов был осуществлять политику восстания Римской империи в ее старых пределах. Он неоднократно предпринимал походы на Восток, которые были для него весьма удачны. Его политика клонилась к тому, чтобы постепенно соединить антиохийское княжество с Византией. Это видно между прочим из того, что после смерти первой своей жены, сестры короля Конрада III, Мануил женится на одной из антиохийских принцесс⁵. Вытекавшие отсюда отношения должны были в конце концов привести Антиохию под власть Византии. Таким образом, как на юге, вследствие успехов Нуредина, так и на севере, вследствие притязаний византийского царя, христианским княжествам во второй половине XII столетия угрожал близкий конец.

Само собой разумеется, что трудное положение христианского Востока не оставалось неизвестным на Западе, и отношение византийского царя к христианам не могло не возбуждать ненависти к нему со стороны западных европейцев. Против Византии, таким образом, все более и более раздавались на Западе враждебные голоса.

Новое направление делам на Востоке дал Саладин; при нем произошло соединение египетского халифата с багдадским. Саладин обладал всеми качествами, которые нужны были для того, чтобы осуществить идеальные задачи мусульманского мира и восстановить преобладание ислама. Характер Саладина выясняется из истории Третьего крестового похода, из его отношений к английскому королю Ричарду Львиное Сердце⁶. Саладин напоминает черты рыцарского характера, а по своей политической сообразительности он стоял далеко выше своих врагов-европейцев. Не в первый раз во время Третьего крестового похода Саладин является врагом христиан. Он начал свою деятельность еще во время Второго крестового похода; он участвовал в войнах Зенги и Нуредина против христиан. После окончания Второго крестового похода он отправился в Египет, где приобрел

большое значение и влияние на дела и скоро захватил в свои руки высшее управление в халифате, поддерживая в то же время связи и отношения с халифатом багдадским.

После смерти Нуредина его сыновья затеяли междоусобную борьбу. Саладин воспользовался этими раздорами, явился в Сирию с войсками и предъявил свои притязания на Алеппо и Моссул. Враг христиан, прославивший себя как завоеватель, Саладин соединил вместе с обширными владениями и грозными военными силами энергию, ум и глубокое понимание политических обстоятельств. Взоры всего мусульманского мира обратились на него; на нем покоились надежды мусульман, как на человека, который мог восстановить утерянное мусульманами политическое преобладание и возвратить отнятые христианами владения. Земли, завоеванные христианами, были одинаково священны как для египетских, так и для азиатских мусульман. Религиозная идея была столь же глубока и реальна на Востоке, сколько и на Западе. С другой стороны, и Саладин глубоко понимал, что возвращение этих земель мусульманам и восстановление сил мусульманства Малой Азии возвысит его авторитет в глазах всего мусульманского мира и даст прочное основание его династии в Египте. Таким образом, когда Саладин захватил в свои руки Алеппо и Моссул в 1183 г., для христиан настал весьма важный момент, в который им приходилось разрешить весьма серьезные задачи. Но христианские князья были далеко ниже своей роли и своих задач. В то время, когда со всех сторон они были окружены враждебным элементом, они находились в самых неблагоприятных условиях для того, чтобы оказать сопротивление своим врагам: между отдельными княжествами не только не было солидарности, но они находились в крайней деморализации; нигде не было такого простора для интриг, честолюбия, убийств, как в восточных княжествах. Примером безнравственности может служить Иерусалимский патриарх Ираклий⁷, который не только напоминал собой самых дурных римских пап, но во многом превосходил их: он открыто жил со своими любовницами и расточал на них все свои средства и доходы; но он был не хуже других; не лучше были князья, бароны, рыцари и духовные лица. Припомним знатного тамплиера Роберта Сент-Олбанского, который, приняв мусульманство, перешел на службу Саладина и занял высокое положение в его войске. Полная распущенность нравов господствовала среди тех людей, на которых лежали весьма серьезные задачи в виду наступавшего грозного неприятеля. Бароны и рыцари, преследовавшие свои личные эгоистические интересы, не считали нисколько зазорным в самые важные моменты, во время битвы, оставлять ряды христианских войск и переходить на сторону мусульман. Это абсолютное непонимание событий было на руку такому дальновидному и умному политику, как Саладин, который вполне понял положение дел и оценил всю их важность.

Если среди рыцарей и баронов можно было ожидать измены и коварства, то и главные вожди, князья и короли, были не лучше их. В Иерусалиме сидел Бодуэн IV⁸, человек, лишенный всякого политического смысла и энергии, который хотел отказаться от своего княжения и вместо себя намерен был короновать своего малолетнего сына Бодуэна V⁹; при этом возник спор из-за опеки: спорили Гвидо Лузиньян, зять Бодуэна IV¹⁰, и Раймунд, граф Триполи¹¹. Представителем полного произвола служит Райнальд Шатильонский¹², который совершал разбойничьи набеги на торговые мусульманские караваны, шедшие из Египта; мало того, что своими набегами Райнальд возбуждал мусульман против христиан, но он наносил существенный вред самим христианским княжествам, которые жили этими караванами, и подрывал в самом корне торговлю Тира, Сидона, Аскалона, Антиохии и других приморских христианских городов. Во время одной из подобных экскурсий, которые Райнальд совершал из своего замка, он ограбил караван, в котором находилась и мать

Саладина. Это обстоятельство и можно считать ближайшим мотивом, вызвавшим столкновение между мусульманским повелителем и христианскими князьями. Саладин и раньше указывал иерусалимскому королю на недостойные поступки Райнальда, но у короля не было средств, чтобы обуздать барона. Теперь, когда Саладину было нанесено оскорбление чести и родственного чувства, он, невзирая на перемирие, которое было заключено между ним и христианскими князьями, объявил христианам войну не на живот, а на смерть. События, которыми сопровождалась эта война, относятся к 1187 г. Саладин решился наказать иерусалимского короля, как за проступки Райнальда Шатильонского, так и вообще за то, что он поддерживает еще тень независимого владетеля. Войска его подвигались из Алеппо и Моссула и были сравнительно с силами христиан весьма значительны. В Иерусалиме можно было набрать всего до 2 тысяч рыцарей и до 15 тысяч пехоты, но и эти незначительные силы не были местные, а составлялись из приезжих европейцев.

В битве 5 июля 1187 г.¹³, когда решалась участь всего христианства, не обошлось в христианском войске без отвратительной измены. Близ города Тивериады, когда два враждебных войска стояли одно против другого, готовые вступить в битву, многие из князей увидев что мусульманское войско превосходит их численностью, и считая сомнительным и даже невозможным для себя успех битвы, перебежали на сторону Саладина, в том числе и Раймунд. Само собою разумеется, что при таком положении дела христиане не могли выиграть битвы; все христианское войско было уничтожено; король иерусалимский и князь антиохийский попались в плен. Все пленные были обречены Саладином на смертную казнь; одному королю иерусалимскому была дарована жизнь. Ничтожная горсть христиан, которая спаслась от несчастной участи бегством, часть горожан и простых рыцарей, не могла принять на себя защиту христианских земель. Саладину в короткое время удалось завладеть всеми береговыми замками и крепостями, которыми владели христиане на берегу Средиземного моря. В руках христиан оставался пока только один Иерусалим, который, как внутреннее княжество, представлял собой не такой важный пункт в политическом отношении, чтобы Саладин мог им весьма дорожить; глубокий политический ум Саладина ясно понимал всю важность приморских торговых укрепленных пунктов. Завладев этим пунктами (Бейрут, Сидон, Яффа, Аскалон), отрезав христиан от сообщения с западной Европой, Саладин без препятствий мог завладеть и внутренними пунктами. Отнимая приморские города, Саладин уничтожил везде христианские гарнизоны и заменял их мусульманскими. В руках христиан остались еще кроме Иерусалима, Антиохия, Триполи и Тир.

В сентябре 1187 г. Саладин подступил к Иерусалиму. Горожане думали сопротивляться, поэтому отвечали уклончиво на предложение Саладина сдать город под условием дарования осажденным свободы. Но когда началась тесная осада города, христиане, лишённые организующих сил, увидели всю невозможность сопротивления и обратились к Саладину с мирными переговорами. Саладин соглашался за выкуп даровать им свободу и жизнь, причем мужчины платили по 10 золотых монет, женщины — по 5, дети — по 2. Иерусалим был взят Саладином 2 октября. После взятия Иерусалима он не мог больше встретить препятствий к завоеванию остальных христианских земель. Тир удержался благодаря лишь тому, что его защищал прибывший из Константинополя граф Конрад из дома Монтферратских герцогов¹⁴, отличавшийся умом и энергией.

Весть о том, что совершилось на Востоке, получена была в Европе не сразу, и движение началось на Западе не раньше 1188 г. Первые известия о событиях в Святой Земле пришли в Италию. Для римского папы¹⁵ в то время не оставалось возможности колебать-

ся. Вся церковная политика в XII столетии оказалась ложною, все средства, употребленные христианами для удержания Святой Земли, были напрасны. Необходимо было поддержать и честь церкви, и дух всего западного христианства. Невзирая ни на какие затруднения и препятствия, папа принял под свое покровительство идею поднятия Третьего крестового похода. В ближайшее время было составлено несколько определений, имевших целью распространить мысль о крестовом походе по всем западным государствам. Кардиналы, пораженные событиями на Востоке, дали папе слово принять участие в поднятии похода и проповедуя его пройти босыми ногами по Германии, Франции и Англии. Папа же решил употребить все церковные средства к тому, чтобы облегчить участие в походе по возможности всем сословиям. Для этого было сделано распоряжение о прекращении внутренних войн, рыцарям облегчена была продажа ленов, отсрочено взыскание долгов, объявлено, что всякое содействие освобождению христианского Востока будет сопровождаться отпущением грехов.

Известно, что Третий поход осуществился при обстоятельствах более благоприятных, чем первые два. В нем принимали участие три коронованные особы — император германский Фридрих I Барбаросса¹⁶, французский король Филипп II Август¹⁷ и английский — Ричард Львиное Сердце. Не было в походе только общей руководящей идеи. Движение крестоносцев в Святую Землю направлялось разными путями, да и самые цели вождей, участвовавших в походе, были далеко не одинаковы. Вследствие этого история Третьего похода распадается на отдельные эпизоды: движение англо-французское, движение германское и осада Акры. Существенный вопрос, долго препятствовавший французскому и английскому королям прийти к соглашению насчет похода, зависел от взаимных отношений Франции и Англии в XII столетии. Дело в том, что на английском престоле сидели Плантагенеты, графы Анжу и Мена, получившие английский престол вследствие брака одного из них на наследнице Вильгельма Завоевателя¹⁸. Всякий английский король, оставаясь в то же время графом Анжу и Мена, герцогом Аквитании и присоединенной сюда еще Гиени, должен был давать французскому королю ленную присягу на эти земли. Ко времени Третьего похода английским королем был Генрих II Плантагенет¹⁹, а французским — Филипп II Август. Оба короля находили возможность вредить один другому благодаря тому обстоятельству, что земли их во Франции были смежными. У английского короля правителями его французских областей были два его сына Иоанн и Ричард²⁰. Филипп заключил с ними союз, вооружил их против отца и не раз ставил Генриха Английского в весьма затруднительное положение. За Ричарда была сосватана сестра французского короля Алиса²¹, которая жила тогда в Англии. Разнесся слух, что Генрих II вступил в связь с невестой своего сына; понятно, что подобного рода слух должен был оказывать влияние на расположение Ричарда к Генриху II. Французский король воспользовался этим обстоятельством и начал раздувать вражду между сыном и отцом. Он подстрекал Ричарда, и последний изменил своему отцу, дав ленную присягу французскому королю; этот факт способствовал только большему развитию вражды между французским и английским королями. Было еще одно обстоятельство, препятствовавшее обоим королям подать возможно скорую помощь восточным христианам. Французский король, желая запастись значительными денежными средствами для предстоящего похода, объявил в своем государстве особый налог под именем “Саладиновой десятины.” Этот налог распространялся на владения самого короля, светских князей и даже на духовенство; никто, в виду важности предприятия, не освобождался от платы “Саладиновой десятины.” Наложение десятины на церковь, которая никогда не платила никаких налогов, а сама еще пользовалась сбором де-

сятины, возбудило недовольство среди духовенства, которое и начало ставить преграду этой мере и затруднять королевских чиновников в сборе “Саладиновой десятины.” Но тем не менее эта мера была довольно успешно проведена как во Франции, так и в Англии и дала много средств для Третьего крестового похода.

Между тем, во время сборов, нарушаемых войной и внутренними восстаниями, умер английский король Генрих II (1189 г.), и наследство английской короны перешло в руки Ричарда, друга французского короля. Теперь оба короля могли смело и дружно приступить к осуществлению идей Третьего крестового похода. В 1190 г. короли выступили в поход. На успех Третьего крестового похода большое влияние оказало участие английского короля. Ричард, человек в высшей степени энергичный, живой, раздражительный, действовавший под влиянием страсти, был далек от идеи общего плана, искал прежде всего рыцарских подвигов и славы. В самых сборах его к походу слишком рельефно отразились черты его характера. Ричард окружил себя блестящей свитой и рыцарями, на свое войско, по свидетельству современников, он издерживал в один день столько, сколько другие короли издерживали в месяц. Собираясь в поход, он все переводил на деньги; свои владения он или отдавал в аренду, или закладывал и продавал. Таким образом, он действительно собрал громадные средства; его войско отличалось хорошим вооружением. Казалось бы, что хорошие денежные средства и многочисленное вооруженное войско должны были обеспечить успех предприятия. Часть английского войска отправилась из Англии на кораблях, сам же Ричард переправился через Ла-Манш, чтобы соединиться с французским королем и направить свой путь через Италию. Движение это началось летом 1190 г. Оба короля предполагали идти вместе, но многочисленность войска и возникшие при доставке пропитания и фуража затруднения заставили их разделиться. Французский король шел впереди и в сентябре 1190 г. прибыл в Сицилию и остановился в Мессине, поджидая своего союзника. Когда прибыл сюда и английский король, движение союзного войска было задержано теми соображениями, что начинать поход осенью по морю неудобно; таким образом оба войска провели осень и зиму в Сицилии до весны 1191 г.

Пребывание союзных войска в Сицилии должно было показать как самим королям, так и окружающим их лицам всю невозможность совместных действий, направленных к одной и той же цели. В Мессине Ричард начал ряд торжеств и праздников и своими поступками поставил себя в ложное положение по отношению к норманнам. Он хотел распоряжаться как полновластный повелитель страны, причем английские рыцари позволяли себе насилия и произвол. В городе не замедлило вспыхнуть движение, которое угрожало обоим королям; Филипп едва успел потушить восстание, явившись примиряющим посредником между двух враждебных сторон. Было еще одно обстоятельство, которое поставило Ричарда в ложное положение как по отношению к французскому, так и германскому королям, это притязания его на норманнскую корону. Наследница норманнской короны, дочь Рожера и тетка Вильгельма II, Констанца, вышла замуж за сына Фридриха Барбароссы Генриха VI, будущего германского императора; таким образом германские императоры этим брачным союзом узаконили свои притязания на норманнскую корону²².

Между тем Ричард по прибытии в Сицилию заявил свои притязания на норманнские владения. Фактически он обосновывал свое право тем, что за умершим Вильгельмом II была замужем Иоанна²³, дочь английского короля Генриха II и сестра самого Ричарда. Временный узурпатор норманнской короны, Танкред²⁴, держал в почетном заключении вдову Вильгельма. Ричард потребовал выдать ему сестру и заставил Танкреда дать ему выкуп за то, что английский король оставил за ним фактическое обладание норманнской

короной. Этот факт, возбудивший вражду между английским королем и германским императором, имел большое значение для всей последующей судьбы Ричарда.

Все это ясно показало французскому королю, что ему не удастся действовать по одному плану с королем английским. Филипп считал невозможным, ввиду критического положения дел на Востоке, оставаться далее в Сицилии и ожидать английского короля; в марте 1191 г. он сел на корабли и переправился в Сирию. Главная цель, к которой стремился французский король, был город Птолемаида (французская и немецкая форма — *Ассон*, русская — Акра). Этот город в течение времени от 1187-1191 гг. был главным пунктом, на котором сосредоточивались виды и надежды всех христиан. С одной стороны к этому городу направлялись все силы христиан, с другой — сюда стягивались мусульманские полчища. Весь Третий поход сосредоточился на осаде этого города; когда весной 1191 г. прибыл сюда французский король, казалось, что главное направление дел дадут французы.

Король Ричард не скрывал, что он не желает действовать заодно с Филиппом, отношения к которому особенно охладели после того, как французский король отказался от женитьбы на его сестре²⁵. Флот Ричарда, отплывшего из Сицилии в апреле 1191 г., был захвачен бурей, и корабль, на котором ехала новая невеста Ричарда, принцесса Беренгария Наваррская²⁶, был выброшен на остров Кипр. Остров Кипр находился в это время во власти Исаака Комнина²⁷, который отложился от византийского императора того же имени²⁸. Исаак Комнин, узурпатор Кипра, не различал друзей и врагов императора, а преследовал свои личные эгоистические интересы; он объявил своей пленницей невесту английского короля. Таким образом, Ричард должен был начать войну с Кипром, которая была для него непредвиденна и неожиданна и которая потребовала от него много времени и сил. Завладев островом, Ричард заковал в серебряные цепи Исаака Комнина; начался ряд торжеств, сопровождавших триумф английского короля. Это было в первый раз, что английская нация приобрела территориальное владение на Средиземном море. Но само собою разумеется, что Ричард не мог рассчитывать на долгое обладание Кипром, который находился на таком большом расстоянии от Британии. В то время, когда Ричард праздновал на Кипре свою победу, когда он устраивал торжество за торжеством, в Кипр прибыл титулярный король Иерусалима Гвидо Лузиньян; мы называем его титулярным королем потому, что *de facto* он не был уже королем Иерусалима, он не имел никаких территориальных владений, а носил только имя короля. Гвидо Лузиньян, прибывший в Кипр, чтобы заявить знаки преданности английскому королю, увеличил блеск и влияние Ричарда, который и подарил ему остров Кипр.

Побуждаемый Гвидо Лузиньяном, Ричард оставил наконец Кипр и прибыл к Акре, где два года вместе с другими христианскими князьями принимал участие в бесполезной осаде города. Сама идея осады Акры была в высшей степени непрактична и прямо бесполезна. В руках христиан были еще приморские города Антиохия, Триполи и Тир, которые и могли обеспечивать им сообщение с Западом. Эта идея бесполезной осады была внушена эгоистическим чувством таких интриганов, как Гвидо Лузиньян. В нем возбуждало зависть, что в Антиохии был свой князь, Триполи — владел другой, в Тире сидел Конрад из дома герцогов Монферратских, а у него, иерусалимского короля, не было ничего, кроме одного имени. Этой чисто эгоистической целью и объясняется его приезд к английскому королю на остров Кипр, где он щедро расточал перед Ричардом заявления чувств преданности и старался расположить в свою пользу английского короля. Осада Акры составляет роковую ошибку со стороны деятелей Третьего крестового похода; они бились, тратили

время и силы из-за небольшого клочка земли, в сущности никому не нужного, вполне бесполезного, которым хотели наградить Гвидо Лузиньяна.

Посмотрим теперь, какое участие принимали в деле Третьего крестового похода немецкие силы.

Большим несчастьем для всего крестового похода было то, что в нем вместе с английским и французским королем не мог принять участия старый тактик и умный политик Фридрих Барбаросса. Узнав о положении дел на Востоке, Фридрих I начал готовиться к крестовому походу; но он начал дело не так, как другие. Он отправил посольства к византийскому императору, к иконийскому султану и к самому Саладину. Отовсюду были получены благоприятные ответы, ручавшиеся за успех предприятия. Если бы в осаде Акры участвовал Фридрих Барбаросса, ошибка со стороны христиан была бы им устранена. Дело в том, что Саладин обладал отличным флотом, который доставлял ему из Египта все припасы, а войска шли к нему из середины Азии — из Месопотамии; само собою разумеется, что при таких условиях Саладин мог успешно выдержать самую продолжительную осаду приморского города. Вот почему все сооружения западных инженеров, башни и тараны, все напряжение сил, тактики и ума западных королей — все пошло прахом, оказалось несостоятельным в осаде Акры. Фридрих Барбаросса внес бы в дело крестового похода идею практики и, по всему вероятно, направил бы свои силы туда, куда следовало: войну нужно было вести внутри Азии, ослаблять силы Саладина внутри страны, где находился самый источник пополнения его войск.

Крестовый поход Фридриха Барбароссы был предпринят с соблюдением всех мер предосторожности, обеспечивавших возможно меньшую потерю сил на пути через византийские владения. Фридрих заключил предварительно с византийским императором договор в Нюрнберге, вследствие которого ему предоставлялся свободный проход через имперские земли и обеспечивалась доставка съестных припасов по установленным заранее ценам. Нет сомнения, что новое движение латинского Запада на Восток немало тревожило византийское правительство; в виду беспокойного состояния Балканского полуострова, Исаак Ангел²⁹ был заинтересован в точном соблюдении договора. Еще крестоносцы не двинулись в поход, как в Византии получено было секретное донесение из Генуи о приготовлениях к походу на Восток. “Я уже известился об этом, — писал в ответ Исаак, — и принял свои меры.” Поблагодарив Бодуэна Гверцо за эти известия, император продолжает: “И на будущее время имей радение доводить до нашего сведения, что узнаешь и что нам важно знать.” Само собой разумеется, несмотря на внешние дружественные отношения, Исаак не доверял искренности крестоносцев, и в этом нельзя винить его. Сербь и

болгары не только были в то время на пути к освобождению от власти Византии, но угрожали уже византийским провинциям; не скрываемые отношения с ними Фридриха были во всяком случае нарушением данной верности, хотя и не предусмотрены были нюрнбергскими условиями. Для Византии весьма хорошо известны были намерения Фридриха завладеть далматинским побережьем и соединить его с землями сицилийской короны. Хотя Фридрих отверг, будто бы, предложения славян безопасно провести его по Болгарии и не вступил с ними в наступательный против Византии союз, но византийцам вполне естественно было сомневаться в чистоте его намерений;

притом, едва ли справедливо, что предложения славян были вполне отвергнуты, как это видно будет из последующего.

*Фридрих I Барбаросса и его сыновья,
Генрих VI король Римский и Фридрих Швабский.*

24 мая 1189 г. император Фридрих I Барбаросса вступил в пределы Венгрии. Хотя король Бела III³⁰ лично не решился участвовать в крестовом походе, он оказывал Фридриху знаки искреннего расположения. Не говоря уже о ценных подарках, предложенных императору, он снарядил отряд в 2 тысячи человек, который оказал немалую пользу крестоносцам знанием местных условий и выбором путей. Через пять недель крестоносцы были уже на границе владений византийского императора. Прибыв в Браничев³¹ 2 июля, они в первый раз вступили с чиновниками императора в прямые отношения, которые сначала казались, впрочем, удовлетворительными. Из Браничева лучшая дорога к Константинополю шла по долине Моравы к Нишу, потом на Софию и Филиппополь. Греки, будто бы, не хотели вести латинян этим путем и умышленно испортили его; но люди из угорского отряда, хорошо знавшие пути сообщения, убедили крестоносцев настоять на выборе именно этой дороги, которую они взялись исправить и сделать проезжей вопреки желанию греков. Заметив здесь, прежде всего, что крестоносцы держали путь по землям, едва ли тогда вполне принадлежавшим Византии. Течение Моравы, всего вероятней, было уже спорным между греками и сербами, иначе говоря, здесь не было тогда ни византийской, ни другой администрации. Шайки разбойников на собственный страх нападали на мелкие отряды крестоносцев и без подстрекательства византийского правительства. Нужно, с другой стороны, иметь в виду, что крестоносцы и сами не церемонились с теми, кто попадал в их руки: на страх другим, захваченных с оружием в руках они подвергали страшным истязаниям.

Около 25 числа июля к Фридриху явились послы Стефана Немани³², а по прибытии в Ниш 27 числа император принимал и самого великого жупана Сербии. Здесь же, в Нише, велись переговоры с болгарам. Ясно, что в Нише не оставалось уже византийских властей, иначе они не допустили бы Стефана Неманю до личных объяснений с германским императором, которые во всяком случае не клонились в пользу Византии. И если крестоносцы на пути от Браничева до Ниша и потом до Софии подвергались неожиданным нападениям и терпели урон в людях и обозе, то, по справедливости говоря, византийское правительство едва ли должно нести за это ответственность. Нужно только удивляться, почему оно ни разу не сделало соответствующего заявления Фридриху I и не обратило его внимания на положение дел на полуострове. Сербы и болгары предлагали крестоносцам в сущности одно и то же — союз против византийского императора, но в награду за то требовали признания нового порядка на Балканском полуострове. Мало того, славяне готовы были признать над собою протекторат западного императора, если он согласится обеспечить за сербами сделанные ими за счет Византии завоевания и присоединить Далмацию и если Асеням³³ предоставлена будет Болгария в бесспорное владение. В частности, великий жупан Сербии просил согласия императора на брак своего сына с дочерью герцога Бертольда, владетеля Далмации³⁴. Хотя не было тайной, что с этим брачным проектом соединялись виды на перенесение владетельных прав над Далмацией на дом Немани, тем не менее согласие Фридриха было получено. Это обстоятельство, в соединении с новыми переговорами, имевшими место между германским императором и славянскими вождями, позволяет выставить некоторые сомнения против показания Ансберта³⁵, будто

ответ Фридриха в Нише был определенно отрицательного свойства. Имея действительной целью крестовый поход, Фридрих, может быть, из осторожности и по нежеланию впутываться в новые сложные отношения, уклонялся от прямого и решительного ответа на предложения славян. Но мы увидим далее, что славянский вопрос не раз еще заставлял его задумываться и колебаться. Будь на месте Фридриха Роберт Гвискар, Боэмунд или Рожер, события приняли бы совершенно иной оборот и предложения славянских князей, вероятно, были бы оценены.

Нет причины не доверять словам Никиты Акомината³⁶, который обвиняет в недальновидности и обычной небрежности тогдашнего логофета дрома (Иоанн Дука)³⁷ и Андроника Кантакузена, на ответственности которых лежало провести крестоносное ополчение. Взаимное недоверие и подозрения питались не только тем, что крестоносцы не получали иногда подвоза припасов, но и слухами, что опаснейший проход (т. н. Трояновы ворота), ведущий через Балканские горы на Софию к Филиппополю, занят вооруженным отрядом. Конечно, нельзя не видеть нарушения нюрнбергского договора в тех мерах, какие принимало византийское правительство, чтобы задержать движение крестоносцев: порча дорог, блокада перевалов и снаряжение наблюдательного отряда; но оно старалось объяснить свои предосторожности и выражало открытое неудовольствие отношениями Фридриха с возмущившимися сербами и болгарами. Так, когда еще крестоносцы были около Ниша, к ним явился Алексей Гид³⁸, который высказал строгое порицание губернатору Браничева и обещал все устроить по желанию Фридриха, если только сам он запретит войскам грабить окрестные селения, прибавляя, что германцы не должны иметь никаких подозрений относительно вооруженного отряда, стерегущего перевалы, ибо это мера предосторожности против жупана Сербии. Когда крестоносцы продвигались к главнейшему перевалу, ведущему в филиппопольскую равнину, трудности путешествия увеличивались для них все более и более. Мелкие отряды беспокоили их неожиданными нападениями в опаснейших местах, вследствие чего крестоносное ополчение шло медленно и в боевом порядке. Германское посольство, отправленное в Константинополь, по слухам, принято было недостойным образом. Чем ближе крестоносцы подходили к Македонии, тем сильнее росло неудовольствие их против греков. Полтора месяца шли они от Браничева до Софии (Средец); как натянуты были отношения между греками и германцами, можно судить из того, что когда последние 13 августа достигли Софии, то нашли город оставленным жителями; само собой разумеется, здесь не было ни византийских чиновников, ни обещанных припасов.

20 августа крестоносцы держали путь через последний перевал, которая была занята греческим отрядом; последний, однако, отступил, когда крестоносцы обнаружили покушение проложить дорогу с оружием в руках. К Филиппополю подошли крестоносцы уже в качестве врагов империи, и с тех пор до конца октября отдельные вожди делали нападения на города и села и вели себя в греческой земле совершенно как неприятели. Если нельзя оправдывать правительство Исаака Ангела за недоверие к крестоносцам, то и поступки последних не могут быть названы благовидными. Не доверяя грекам, Фридрих пользовался услугами угорских проводников и сербского отряда. Как бы крестоносцы ни желали доказать свою правоту, нельзя упускать из виду и показаний лиц, для которых не было повода скрывать настоящее положение дел. Фридрих не прерывал отношений со славянами, которые служили ему во все время перехода через Болгарию, хотя он не мог не знать, что это питало подозрительность Исаака Ангела.

Осенью 1189 г., со времени занятия крестоносцами Филиппополя, еще более должно было усилиться взаимное раздражение, так как византийский наблюдательный отряд неоднократно имел столкновения с крестоносцами, а последние занимали вооруженной рукой города и селения. Тем не менее и к концу осени положение не разъяснилось, между тем Фридриху опасно было пускаться в дальнейший путь через Малую Азию, не заручившись точными и верными обещаниями со стороны греческого императора. Для разъяснения отношений отправлено было в Константинополь новое посольство, которому поручено было сказать приблизительно следующее: “Напрасно греческий император не позволяет нам идти вперед; никогда, ни теперь, ни прежде, мы не замыслили зла против империи. Сербскому князю, врагу греческого императора, который являлся к нам в Ниш, мы никогда не давали в бенефицию ни Болгарию, ни другую землю, подвластную грекам, и ни с одним королем или князем не замыслили ничего против греческой империи.” Этому второму посольству удалось выручить, не без больших, однако, хлопот, первое, ранее того отправленное в Константинополь. Все послы возвратились в Филиппополь 28 октября. На следующий день, в торжественном собрании вождей, послы делали донесение о том, что они испытали в Константинополе, и рассказывали обо всем, что они видели и слышали. “Император не только весьма дурно обращался с нами, но безо всякого стеснения принял посла от Саладина и заключил с ним союз. А патриарх в своих проповедях, говоренных по праздничным дням, называл псами Христовых воинов и внушал своим слушателям, что самый злой преступник, обвиненный даже в десяти убийствах, получит разрешение от всех грехов, если убьет сотню крестоносцев.” Собрание выслушало такое донесение перед тем, как были введены послы византийского императора. Нет ничего удивительного, что переговоры не могли быть дружелюбны, на высокомерные требования крестоносцев греческие послы отказались отвечать. До чего могли доходить греки и крестоносцы в чувстве взаимного раздражения и подозрительности, показывает, между прочим, следующий случай. Значительный отряд крестоносцев, совершив нападение на Градец, был поражен странными изображениями, найденными в церквах и в частных домах: на картинах были изображены латиняне с сидящими у них на спинах греками. Это так ожесточило крестоносцев, что они предали огню и церкви, и дома, перебили население и без сожаления опустошили всю эту область. По всему вероятно, латиняне рассвирепели при взгляде на картины страшного суда, в которых местные живописцы, для известных целей, могли пользоваться и западными типами. Обычай во всяком случае извинительный, если бы ненависть и нетерпимость латинян к грекам и без того не достигла крайних пределов. Византийское правительство имело полное основание предполагать, что сербский князь действует в союзе с Фридрихом, и было бы весьма трудно доказать то, что Фридрих не обнадеживал Стефана Неманю в его честолюбивых замыслах. В то время, когда крестоносцы угрожали уже самой столице греческой империи (Адрианополь и Димотика были в руках крестоносцев), тыл их, защищенный сербскими войсками, был в полной безопасности, так что они нашли возможным перевести филиппопольский гарнизон в Адрианополь.

Летописцы много раз упоминают о послах сербского великого жупана и об отношениях крестоносцев со славянами. Известно, что труднее всего было удовлетворить притязания Стефана Немани на Далмацию — обстоятельство, которое могло вовлечь Фридриха в неприятные столкновения с норманнами и уграми. Не лишено значения, что каждый раз выдвигается в переговорах с сербами герцог Бертольд, тот самый, дочь которого была обещана за сына Стефана Немани. В трудные минуты, когда терялась всякая надежда на соглашение с византийским императором, помощь славян была для крестоносцев истин-

ным благом, которым они не могли пренебрегать на случай окончательного разрыва с греками. Но так как все же оставались некоторые признаки, что греческий император также опасается разрыва, то славянские посольства выслушивались по обычаю милостиво, принимаемы были на службу небольшие отряды из сербов, к решительным же мерам Фридрих опасался прибегнуть во все время своего пребывания на Балканском полуострове и самые мелочные факты и указания этого рода весьма любопытны. В начале ноября, когда крестоносцы приближались к Адрианополю, король Бела III потребовал возвращения своего отряда назад, и 19 ноября венгры решительно заявили, что не могут более оставаться с крестоносцами. Не нужно искать других объяснений этому поступку со стороны венгерского короля, кроме недовольства на переговоры со славянами. Ясно, что Фридрих, попав в Болгарию, задался новыми планами и что отношения его со славянскими вождями совсем не входили в соображения венгерского короля, который относительно славянского вопроса стоял, конечно, на стороне Византии. На тогдашнее положение дел проливает свет донесение клирика Эбергарда³⁹, посла императора Фридриха к венгерскому королю, возвратившегося, между прочим, с письмом от последнего для Исаака. Письмо, правда, не заключало в себе ничего важного: в нем Бела выставлял на вид Исааку, какие опасности может навлечь на империю его строптивость с крестоносцами. Но посол мог личными наблюдениями иллюстрировать содержание письма и дать ему совершенно новое объяснение: “Король, — говорил он, — весьма смущен и поражен победоносными успехами крестоносцев и внесенным ими в греческую землю опустошением. Когда получена была весть об опустошении крестоносцами округа Димотики, король совсем переменялся в обращении с послом. С тех пор он уже не был так добр и милостив, как прежде: посол не получал более ни кормовых, ни карманных из королевской камеры.” Между другими новостями тот же клирик Эбергард сообщил, что, проезжая по Болгарии, он нашел разрытыми все могилы крестоносцев, умерших на пути, и что трупы вытащены из гробов и валяются по земле.

К началу 1190 г. крестоносцы продолжали еще обмениваться посольствами с греческим императором, но никакого соглашения не смогли достигнуть. Фридрих, кажется, серьезно думал воспользоваться услугами Петра, вождя болгар⁴⁰, который предлагал выставить к весне 40 тысяч болгар и куман, с каковым подкреплением можно было бы сделать попытку проложить путь в Малую Азию и помимо согласия греков. Но германский император должен был за это не только признать свободу Болгарии, но и обеспечить за Петром императорский титул. Понимая важность положения и ответственность за подобный шаг, Фридрих все-таки не отказывался от предложения Петра и старался предварительно оценить все средства, какие ему могли бы доставить славяне. Так, 21 января 1190 г., с одной стороны, он вел переговоры с послами византийского императора, с другой, осведомлялся через посредство герцога Далмации о намерениях и расположении Стефана Немани. На последнего нельзя было возлагать много надежд, так как он начал в это время вести войну на собственный страх и занят был предприятиями на границе Сербии и Болгарии.

Есть возможность объяснить до некоторой степени мотивы, по которым Фридрих и в январе 1190 г. колебался еще принять на себя задачу разрешения славянского вопроса, на которую наталкивали его обстоятельства. Для него оставалась еще надежда, устранив помощь славян, которая сопряжена была с неприятными и тяжелыми обязательствами, получить к весне помощь из Европы. В этих соображениях он писал к своему сыну Генриху⁴¹: “Поелику я не надеюсь совершить переправу через Босфор, разве только получу от императора Исаака избранных и родовитых заложников или подчиню своей власти

всю Романию, то я прошу твое королевское величество послать нарочитых послов в Геную, Венецию, Антиохию и Пизу и в другие места и отправить на кораблях вспомогательные отряды, чтобы они, подоспев к Царьграду в марте месяце, начали осаду города с моря, когда мы окружим его с суши.” К середине февраля отношения, однако, уладились: 14 февраля в Адрианополе Фридрихом были подписаны условия, на которых византийский император соглашался позволить крестоносцам переправу в Малую Азию.

Пребывание Фридриха I в Болгарии во всяком случае было не бесполезно для болгар и сербов. Первые, поощряемые германским императором, нарушили мир, заключенный прежде с греками, и, хотя обманулись в надежде теснить греков заодно с немцами, тем не менее не без выгоды для себя воспользовались замешательством в Константинополе и в последующей борьбе с Византией приняли решительно наступательные действия. Сербы, значительно распространив в то же время свои владения к северо-востоку от Моравы и к юго-западу до Софии, пришли к сознанию важности одновременных действий с болгарями: они заключили союз с Петром и Асенем и вели с тех пор одно и то же с ними дело. Как бы уклончивы ни были обещания Фридриха I, все же он не прерывал переговоров со славянами и питал в них враждебное к Византии настроение. Пусть он не заключал ни с болгарями, ни с сербами договора, который обязывал бы тех и других выставить к весне 60 тысяч войска (со стороны болгар 40 и от сербов 20 тысяч); но войска были собраны и без участия крестоносцев начали отвоевывать у Византии города и области. Проступки крестоносцев сопровождалось всеми последствиями неприятельского вторжения, вызвав в Болгарии новое недовольство византийским правительством: беглые, голодные, лишенные домов и достатка поселяне должны были пристать к болгарским или сербским вождям.

Переправа крестоносцев через Босфор началась 25 марта 1190 г.

Путь Фридриха шел по западным областям Малой Азии, частью разоренным вследствие войн с сельджуками, частью занятым этими последними. Туркменские отряды беспокоили крестоносцев и заставляли их постоянно быть настороже. В особенности христиане страдали от недостатка продовольствия и корма для вьючных животных. В мае они подошли к Иконию, одержали значительную победу над сельджуками и вынудили их дать провиант и заложников. Но в Киликии немецкое войско постигло несчастье, погубившее все их предприятие. 9 июня, при переходе через горную реку Салейф, Фридрих увлечен был потоком и вытасчен из воды бездыханным.

Значение Фридриха вполне оценил Саладин и со страхом ожидал прибытия его в Сирию. В самом деле, Германия, казалось, готова была поправить все ошибки прежних походов и восстановить на Востоке достоинство немецкого имени, как неожиданный удар уничтожил все добрые надежды. Часть немецкого отряда отказалась от продолжения похода и возвратилась морским путем в Европу, часть под предводительством герцога Фридриха Швабского⁴² вступила в антиохийское княжество и затем осенью 1190 г. жалкие остатки немцев соединились с христианским войском под Акрой, где им не пришлось играть важной роли.

С 1188 по 1191 г. христианские князья приходили под стены Акры один по одному; не было ни одного раза, когда бы все наличные силы христиан, приходившие с Запада, сосредоточились здесь в одно время. Часть христиан, прибывшая под Акру, погибала под ударами мусульман, от болезней и голода; ее заменял другой отряд и в свою очередь подвергался той же участи. Кроме этого для христиан представлялась масса других затруднений, которые тяжело отзывались на ходе всего дела. Христиане осаждали город с моря —

единственная часть города, на которую они могли направить свои осадные орудия. Внутренняя часть была занята войсками Саладина, который удобно и легко сносился с Месопотамией, служившей для него источником пополнения его военных сил. Таким образом, христиане приходят под Акру один за другим, подставляя себя под удары мусульман, никогда не соединяют своих сил, между тем как Саладин постоянно обновлял свои войска свежими приливами мусульман из Месопотамии. Ясно, что христиане находились в весьма неблагоприятных условиях, Саладин мог долго и энергично отстаивать Акру. Кроме того, для осады города нужен был строительный лес; вблизи христиане нигде не могли достать его, а должны были доставать строительный материал из Италии.

В войне попеременно получали перевес то итальянцы, в особенности приморские города — Венеция, Генуя и Пиза, торговые интересы которых на Востоке заставляли их принимать большое участие в деле крестовых походов, то французы, то немцы, то англичане — смотря по тому, какой народ в данный момент был в более значительном количестве. К этому неудобному положению присоединилось еще соперничество восточных вождей. Гвидо Лузиньян был во вражде с Конрадом Монферратским. Их соперничество разделило и крестоносный лагерь на две враждебные партии: итальянские народы сосредоточились около тирского князя, англичане приняли сторону Гвидо. Таким образом, дело при Акре не только по своей цели, но и по отношению между народами, участвовавшими в нем, не могло окончиться благоприятным образом для христиан. Неудобства в доставке леса замедляли предприятие, а несвоевременная доставка, а иногда и недостаток съестных припасов, голод и моровая язва ослабили христианское войско.

Летом 1191 г. под Акру пришли французский и английский короли, на которых восточные христиане возлагали большие надежды. Кроме этих двух королей, пришло еще одно коронованное лицо — герцог Австрийский Леопольд⁴³. Теперь можно было ожидать, что дело пойдет надлежащим путем, по определенному плану. Но, к сожалению, такого плана не было выработано представителями христианских наций. Личные отношения французского и английского королей, наиболее важных лиц по своим военным силам, выяснились еще в Мессине: они расстались если не врагами, то и не друзьями. Когда же Ричард завладел Кипром, французский король предъявил претензии на часть завоеванного острова в силу договора, заключенного между ними еще во время сборов в поход, — договора, по которому оба короля обязались разделять между собою поровну все земли, которые они завоюют на Востоке. Ричард не признавал за французским королем прав на Кипр: “Договор, — говорил он, — касался только земель, которые будут завоеваны у мусульман.” Под Акрой недоразумения двух королей получили более острый характер. Мы видели, что Ричард, находясь в Кипре, высказался в пользу Гвидо Лузиньяна; Филипп Август стал на сторону Конрада Монферратского, который, может быть, приобрел симпатии французского короля геройской защитой Тира, но может быть, в этом случае Филиппом руководила личная неприязнь к Ричарду. Таким образом ни французский, ни английский король не были способны соединить свои силы и действовать по одному плану. Личные характеры королей также разъединяли их. Рыцарский характер Ричарда был весьма сочувствен для Саладина; тотчас обнаружилось симпатии между мусульманским повелителем и английским королем, они начали обмениваться посольствами, оказывать друг другу знаки внимания. Такое поведение Ричарда отозвалось неблагоприятным образом на его авторитете среди христиан; в войске утвердилась мысль, что Ричард готов изменить. Таким образом в Ричарде была парализована вся его сила, вся мощь и энергия; в то же время французский король не обладал личной энергией настолько, чтобы перенести на себя главное

направление осады. Таким образом все преимущества, все благоприятные условия были на стороне Саладина.

В июле Акра была доведена до истощения, и гарнизон начал договариваться о сдаче. Саладин не прочь был заключить мир, но со стороны христиан были предложены слишком суровые условия: христиане потребовали сдачи Акры, мусульманский гарнизон города получит свободу только тогда, когда христианам будут возвращены Иерусалим и другие завоеванные Саладином области; кроме того, Саладин должен был дать 2 тысячи заложников из знатных мусульман. Саладин, по-видимому, соглашался на все эти условия. Христианские князья, ввиду скорой сдачи города, стали зорко следить за тем, чтобы в город не были доставляемы съестные припасы. 12 июля 1191 г. Акра была сдана христианам. Исполнение предварительных условий мира скоро встретило препятствие. Между тем, при занятии Акры среди христиан имели место весьма тяжелые недоразумения. Герцог Австрийский, войдя в город, поспешил выставить немецкое знамя: Ричард велел сорвать его и заменить своим; это было сильным оскорблением для всего немецкого войска; с этого времени Ричард приобрел себе в лице Леопольда непримиримого врага. Кроме того, западные князья поставили себя в ложное отношение к туземному населению города. При занятии Акры оказалось, что значительная часть городского населения состояла из христиан, которые под владычеством мусульман пользовались различного рода привилегиями. По освобождении Акры от мусульман как французы, так и англичане хотели захватить побольше власти в городе и начали притеснять население; короли не заботились о том, чтобы были исполнены со стороны мусульман другие пункты договора. Французский король дошел до крайнего раздражения; неприязнь Филиппа к Ричарду раздувала слухи о том, что английский король замышляет продать все христианское войско мусульманам и даже готовится посягнуть на жизнь Филиппа. Раздраженный Филипп оставил Акру и отправился домой. Само собою разумеется, что преждевременное возвращение французского короля наносило чувствительный ущерб делу крестового похода. Главная роль оставалась за Ричардом, который со своим пылким рыцарским характером, лишенный политического чутья, являлся слабым соперником Саладина, умного и хитрого политика.

Во время осады Акры бременские и любекские купцы по примеру других военно-религиозных орденов, возникших во время Первого крестового похода, устроили на свои средства братство, которое имело целью оказывать помощь бедным и больным немцам. Герцог Фридрих Швабский принял это братство под свое покровительство и исходатайствовал в пользу его папскую грамоту. Это учреждение впоследствии получило военный характер и известно под именем Тевтонского ордена⁴⁴.

Филипп, приехавший во Францию, начал мстить английскому королю в его французских владениях. Английским королевством управлял тогда брат Ричарда Иоанн (будущий английский король Иоанн Безземельный⁴⁵), с которым Филипп вошел в отношения. Действия Филиппа, направленные во вред Ричарду, были прямым нарушением договора, заключенного ими во время сборов к крестовому походу. По этому договору французский король во все время отсутствия английского короля не имел права нападать на его владения и мог объявить ему войну только спустя 40 дней после возвращения Ричарда из похода. Излишне говорить о том, что нарушение договора со стороны Филиппа и его посягательства на французские владения Ричарда должны были вредно влиять на дух английского короля.

Ричард, оставаясь в Акре, ожидал исполнения со стороны Саладина остальных пунктов мирного договора. Саладин отказался возвратить Иерусалим, не освобождал

пленников и не платил военных издержек. Тогда Ричард сделал один шаг, который напугал всех мусульман и который должен считаться самым характерным для той печальной славы, которую приобрел Ричард на Востоке. Ричард велел заколоть до 2 тысяч знатных мусульман, которые находились в его руках в качестве заложников. Такого рода факты были необычным явлением на Востоке и вызвали со стороны Саладина только озлобление. Саладин не замедлил ответить тем же.

Ричард не предпринял никаких решительных и правильных действий против Саладина, а ограничился мелкими нападениями. Эти наезды с целью грабежа характеризуют, правда, рыцарское время, но в приложении к главе крестоносного ополчения, который представляет интересы всей христианской Европы, обличали только неумение взяться за дело. Раз Саладин пожертвовал Акрой, христиане не должны были допустить его укрепиться в другом месте, а должны были тотчас идти на Иерусалим. Но Гвидо Лузиньян, этот номинальный король без королевства, вражду которого к Конраду Монтферратскому можно объяснить только завистью, уговаривал Ричарда очистить от мусульман прежде всего береговую полосу; Гвидо Лузиньяна поддерживали также и венецианцы, преследовавшие торговые цели: для них было удобнее, чтобы приморскими городами владели христиане, а не мусульмане. Ричард, поддавшись этому влиянию, двинулся из Акры на Аскалон — предприятие совершенно бесполезное, которое было внушено торговыми интересами итальянских городов и честолюбием Гвидо.

Сам Саладин не ожидал подобного бессмысленного шага со стороны Ричарда; он решился на экстренное средство; велел срыть крепкие стены Аскалона и превратить в груду камней самый город. Всю осень 1191 г. и весну 1192 г. Ричард стоял во главе крестоносного ополчения. Все это время он потерял в преследовании ложных планов и ненужных задач и дал понять своему талантливому противнику, что тот имеет дело с человеком весьма недалеким. Не раз для Ричарда представлялась совершенно ясно задача — идти прямо на Иерусалим; само войско его сознавало, что оно не исполнило еще своей задачи и побуждало короля к тому же. Три раза он был уже на пути к Иерусалиму, три раза сумасбродные идеи заставляли его останавливать марш и двигаться назад.

К началу 1192 г. в Азию пришли известия из Франции, которые сильно подействовали на Ричарда. В то же самое время на Востоке имел место один факт, который внушил Ричарду опасения за исход предприятия. Конрад Монтферратский понимал, что при бестактности Ричарда, едва ли христианам удастся победить Саладина, перешел на сторону последнего, выговаривал у него для себя Тир и Акру и обещал за это соединиться с ним и одним ударом уничтожить Ричарда. Тогда Ричард, поставленный в высшей степени затруднительное положение делами на Востоке и беспокоясь за свои английские владения, которым угрожал французский король, употребил все средства для того, чтобы войти в отношения с Саладином. В мечтательном самообмане он составил вполне неосуществимый план. Он предложил Саладину соединиться с ним узами родства: он предлагал выдать свою сестру Иоанну за брата Саладина Малек-Аделя⁴⁶. Идея в высшей степени мечтательная и не могущая удовлетворить никого. Если бы даже и мог состояться подобного рода брак, то он не удовлетворял бы христиан; земли, священные для них, по-прежнему оставались бы в руках мусульман.

Наконец, Ричард, который, оставаясь долее в Азии, рисковал потерять свою корону, заключил 1 сентября 1192 г. договор с Саладином. Этот постыдный для чести Ричарда мир оставлял за христианами небольшую береговую полосу от Яффы до Тира, Иерусалим оставался во власти мусульман, Святой крест не возвращен. Саладин даровал христианам

мир на три года. В это время они могли свободно приходиться на поклонение святым местам. Через три года христиане обязывались войти в новые соглашения с Саладином, которые, само собой разумеется, должны были быть хуже предыдущих. Этот бесславный мир лег тяжелым обвинением на Ричарда. Современники подозревали его даже в измене и предательстве; мусульмане упрекали его в чрезмерной жестокости. В октябре 1192 г. Ричард оставил Сирию. Для него, однако, возвращение в Европу представляло немалые затруднения, так как у него везде были враги. После долгих колебаний он решился высадиться в Италии, откуда предполагал пробраться в Англию. Но в Европе сторожили его все враги, которых немало имел Ричард (он был в ссоре с французским и немецким королями и оскорбил немецкое знамя в Акре). Около Вены он был узан, схвачен и заключен герцогом Леопольдом в тюрьму, где содержался около двух лет. Только под влиянием угроз папы⁴⁷ и сильного возбуждения английской нации, он получил свободу.

Примечания.

1 *Королева Мелизинда* — см. прим. 1 к гл. III.

2 *Констанция, вдова князя Раймунда* — Констанция Антиохийская (ум. 1163 г.), дочь Боэмунда II Антиохийского, в 1136-1149 гг. — жена Раймунда де Пуатье, после смерти которого и до 1163 г. была регентшей при своем сыне Боэмунде III (1145-1201) вместе со своим вторым супругом Рено Шатийонским, князем Антиохии в 1152-1163 гг.

3 *Саладин*, или Салах-ад-Дин, Юсуф — первый египетский султан из рода Айюбидов (1171-1193), окончательно сместивший династию Фатимидов. Установил свое господство в Сирии и Месопотамии. 2 октября 1187 г. захватил христианский Иерусалим.

4 В 1169 г. Саладин стал визирем Египта, в 1171 г. объявил себя халифом, низложив умирающего халифа Адида. Далее завоевал почти всю Сирию; в 1175 г. багдадский халиф признал за Саладином титул султана. Полностью завершил объединение бывших земель халифатов в 1186 г., вынудив к покорности атабека Мосула Зенги II.

5 Первым браком император Мануил I Комнин (см. прим. 14 к гл. III) был женат на двоюродной сестре Конрада III Ирине, второй раз — на Марии, дочери князя Антиохии Раймунда де Пуатье.

6 *Ричард Львиное Сердце* — Ричард I (1157-1199), король Англии с 1189 г. из династии Плантагенетов, сын Генриха II и Алиеноры Аквитанской. Участник третьего крестового похода, в 1192 г. заключил мирный договор с султаном Египта Саладином.

7 *Ираклий* — архиепископ Цезареи, патриарх Иерусалимский в 1180-1191 гг.

8 *Балдуин IV* — Балдуин IV Анжуйский (1161-1185), король Иерусалимский с 1174 г., сын Амальрика I. Несмотря на тяжелую болезнь (проказу), участвовал в борьбе с Саладином. Находился под влиянием своей сестры Сивиллы, сыну которой завещал трон.

9 *Балдуин V* — Балдуин V Монферратский (1177-1186), король Иерусалимский с 1185 г., был не сыном, а племянником Балдуина IV. Его родителями были Вильгельм Монферратский (ум. 1185 г.) и Сивилла, сестра Балдуина IV.

10 *Гвидо Лузиньян* (ок. 1129-1194) — король Иерусалима с 1186 г. и Кипра с 1192 г., сын французского сеньора Гуго III де Лузиньяна. В 1184 г. потерпел неудачу в борьбе за регентство при малолетнем Балдуине V, короле Иерусалимском. Однако, женившись на Сивилле, дочери Амальрика I и матери Балдуина V, стал королем после смерти последнего. В 1187 г. в битве при Хаттине был разбит и взят в плен Саладином. Получил свободу, отказавшись от титула иерусалимского короля. В 1192 г. Ричард I Львиное Сердце пожаловал ему о. Кипр, провозглашенный королевством.

11 *Раймунд, граф Триполи* — Раймунд III (ок. 1140-1187), сын Раймунда II из Тулузской династии, граф Триполи с 1151 г. Регент Иерусалимского королевства в малолетство Балдуина IV и Балдуина V в 1174-1177 и 1184-1186 гг. Погиб при Хаттине в 1187 г.

12 *Рено Шатийонский* (ум. 1187 г.) — французский рыцарь, прославившийся своей жестокостью. Благодаря женитьбе на Констанции, вдове князя Антиохии, стал князем Антиохийским (см. прим. 2). В 1159 г. совершил нападение на византийский Кипр, но был изгнан Мануилом I Комниным. В 1160 г. попал в плен к сельджукам; после освобождения совершал набеги, доходя до Египта и Аравии; в 1183 г. разграбил караван, в

котором находилась сестра (или мать) Саладина, что послужило поводом для нападения султана на Иерусалимское королевство. Попав в плен к Саладину после битвы при Хаттине, был убит им лично.

13 Эта битва обычно называется битвой при *Хиттине*, или *Хаттине*. По мнению новейших историков, причиной поражения крестоносцев было не предательство (ни Раймунд Триполитанский, ни другие рыцари не переходили на сторону сарацин), а очень тяжелые погодные условия (сильная жара) и неудачная тактика командиров.

14 *Граф Конрад из дома монферратских герцогов* — Конрад, маркграф Монферратский (ум. 1192 г.), сын Вильгельма III. В 1185 г. женился на Феодоре, сестре императора Византии Исаака II Ангела, в 1186-87 гг. оказал ему помощь против мятежников. Присоединившись к крестоносной армии, прославился защитой Тира от Саладина в 1187 г. В 1190 г. провозгласил себя королем Иерусалимским, поскольку вступил во второй брак с Изабеллой Иерусалимской, младшей дочерью Амальрика I. Убит в Тире членами секты ассасинов (убийц).

15 Речь идет о Клименте III (папа в 1187-1191).

16 *Фридрих I Барбаросса* (г. е. Рыжебородый) (ок. 1123-1190) — германский король с 1152 г. и император с 1154 г., из династии Гогенштауфенов, племянник Конрада III. В ходе борьбы за Италию в битве при Леньяно в 1176 г. потерпел сокрушительное поражение от лиги северо-итальянских городов (Ломбардской лиги), которую поддерживал папа Александр III. Выступив в третий крестовый поход, утонул при переправе через реку Салеф в Малой Азии.

17 *Филипп II Август* (1165-1223) — король Франции с 1180 г., из династии Капетингов, сын Людовика VII и его третьей жены Алисы Шампанской. Добился выдающихся результатов в деле централизации государства, вытеснив английских Плантагенетов почти со всей французской территории.

18 См. прим. 22 к гл. II.

19 *Генрих II Плантагенет* (1133-1189) — король Англии с 1154 г., сын французского графа Анжу и Мена Жоффруа V Плантагенета и Матильды, дочери Генриха I Английского и внучки Вильгельма Завоевателя. Посредством своего брака с наследницей Аквитании герцогиней Алиенорой (1152 г.) присоединил к своим владениям весь юго-запад Франции, став одним из самых могущественных правителей Европы. Находился в постоянном военном конфликте с французской короной и своими сыновьями, что в конечном счете привело к распаду “Анжуйской державы.”

20 *Иоанн и Ричард* — младший и старший сыновья Генриха II и Алиеноры Аквитанской, впоследствии короли Англии Ричард I Львиное Сердце (1189-1199) и Иоанн Безземельный (1199-1216).

21 *Алиса* — Алиса Французская (ум. 1195 г.), младшая дочь Людовика VII и Алисы Шампанской. После расторжения помолвки с принцем Ричардом стала женой графа Гийома III де Понтье.

22 Вильгельм II Добрый (1154-1189), король Сицилии с 1166 г., умирая бездетным, перед смертью завещал корону своей тетке Констанции (1154-1198), дочери Рожера II, и ее мужу Генриху VI Гогенштауфену, германскому императору (1165-1197).

23 *Иоанна* (1165-1199) — третья дочь Генриха II Плантагенета, в первом браке жена Вильгельма II Сицилийского, во втором (с 1196 г.) — графа Раймунда VI Тулузского, известного по альбигойским войнам.

24 *Танкред* (ум. в 1194 г.)- граф Апулийский, был сыном герцога Рожера Апулийского, брата Вильгельма I и Констанции, и приходился двоюродным братом Вильгельму II. Он не признал завещания Вильгельма II в пользу Констанции и ее мужа, провозгласив себя королем Сицилии в 1189 г. и успешно оборонял Апулию против войск императора.

25 Имеется в виду Иоанна, или Жанна (см. прим. 23).

26 *Беренгария Наваррская* — Бернгарда Наваррская (ум. 1230 г.), дочь короля Санчо VI Наваррского, обвенчалась в 1191 г. с Ричардом I Львиное Сердце на Кипре. Принимала участие в вызволении мужа из германского плена. Овдовев в 1199 г., умерла бездетной во Франции в своем апанаже Мен.

27 *Исаак Комнин* (ум. ок. 1195 г.) — сын дочери севастократора Исаака, третьего сына императора Иоанна II Комнина. Во время своего наместничества в армянской Киликии был пленен армянами, но затем выкуплен. Властолюбивый и жестокий, захватил Кипр у византийского императора в 1185 г. В борьбе с английским королем потерял остров и вновь попал в плен. Освободившись, претендовал на престол при Алексее II.

28 Имеется в виду Исаак II Ангел (1185-1195; 1203-1204), однако Исаак Комнин овладел Кипром еще в правление Андроника I (1183-1185).

29 *Исаак Ангел* — Исаак II Ангел (ок. 1135-1204), византийский император с 1185 г.; взшел на престол, отстранив Андроника I Комнина. Подавил мятеж знати с помощью Конрада Монферратского (1187 г.), но был лишен трона в результате заговора в 1195 г. Вновь на короткое время был возведен на престол крестоносцами (см. глава V), но через год окончательно потерял корону. Умер в заточении.

- 30 *Бела III* — венгерский король из династии Арпадов (1174-1196), младший сын Гейзы II. Был воспитан при императорском дворе в Константинополе, ввел в Венгрии византийский придворный церемониал. Много содействовал культурному развитию страны. При нем Венгрия ориентировалась на Византию.
- 31 *Браничево* — сербский город, располагавшийся недалеко от места впадения Моравы в Дунай, близ Пожареваца. Разрушен в XIV в.
- 32 *Стефан Неманя* (ок. 1113-1200) — князь Рашки (внутренней Сербии) с 1159 г., позже “великий жупан” Сербии, основатель династии Неманичей и создатель единого сербского государства. В 1180 г. сумел избавиться от византийского суверенитета и расширить территорию Сербии. В 1195 г. отрекся от престола и последние пять лет жизни провел в монастыре.
- 33 *Асени* (Асениды) — династия болгарских царей. Ее родоначальником был Иван Асень I (1187-1195 г.), который вместе со своим братом Петром в ходе победоносного восстания в 1186 г. добился независимости Болгарии от Византии, основав Второе Болгарское царство. После его убийства в 1195 г. трон наследовал Петр (ок. 1187-1197), а ему — младший брат, Калоян (1197-1207).
- 34 *Герцог Бертольд, владетель Далмации* — Бертольд IV фон Андекс, герцог Меранский (с 1180 г.), герцог Далмации и маркграф Истрии (1188-1204), сын Бертольда III, маркграфа Истрийского из немецкого рода Андекс-Меранских.
- 35 *Ансберт* — австрийский клирик-хронист, участвовавший в третьем крестовом походе в 1188-1195 гг.
- 36 *Никита Акоминат* — Никита Хониат, ошибочно называемый также Акоминатом (ок. 1150-1213), византийский историк. Получил образование в Константинополе, где занимал высокие административные должности. После 1204 г. — при никейском дворе, играл видную роль в новой империи. Его главное сочинение, “Хроника,” охватывает события из жизни Византии и соседних народов с 1118 по 1206 гг.
- 37 *Логофет дрома* — важный чиновник в административной системе Византийской империи, ведавший внешней политикой и контролем за провинцией. Иоанн Дука, который занимал в то время этот пост, возглавлял византийскую делегацию на Нюрнбергском рейхстаге в 1189 г., посвященном подготовке к третьему крестовому походу.
- 38 *Алексей Гид* — византийский вельможа, доместик Запада. В 1189 г. по поручению императора Исаака II Ангела следил за войском императора Фридриха I Барбароссы.
- 39 *Эберхард* — возможно, речь идет об Эберхарде Гандерсхеймском (ум. после 1215 г.), немецком клирике, авторе рифмованной “Гандерсхеймской хроники.”
- 40 *Петр, вождь болгар* — см. прим. 33.
- 41 *Генрих* — будущий император Генрих VI (1190-1197).
- 42 *Фридрих Швабский* — Фридрих V, герцог Швабский (1168-1191), второй сын Фридриха I Барбароссы. В 1189 г. сопровождал отца в крестовом походе, успешно сражался с греками в Болгарии и с сельджуками в Азии, взял Иконий. После смерти императора (июнь 1190 г.) возглавил крестоносное войско. Погиб от чумы при осаде Акры.
- 43 *Герцог Австрийский Леопольд* — Леопольд V (1157-1194), герцог Австрийский с 1177 г., сын Генриха Язომирготта из рода Бабенбергов. В 1190 г. отправился в третий крестовый поход и участвовал в осаде Акры, после капитуляции которой на одной из башен водрузил свое знамя. Английский король Ричард I Львиное Сердце велел сорвать это знамя и бросить в грязь. На обратном пути короля в Англию герцог захватил его на своей территории и продал затем императору за большую сумму.
- 44 *Тевтонский орден* (Немецкий орден, Орден крестоносцев) — немецкий католический духовно-рыцарский орден. Возник в Палестине на базе госпиталя, созданного в 1190 г. бременскими и любекскими купцами при осаде крестоносцами Акры. В 1198 г. утвержден в качестве ордена Иннокентием III.
- 45 Будущий английский король *Иоанн Безземельный* (1167-1216) во время крестового похода своего старшего брата Ричарда I Львиное Сердце управлял Англией вместе со своей матерью Алиенорой Аквитанской. Став королем после смерти Ричарда в 1199 г., утратил большую часть своих материковых владений в борьбе с Филиппом II Августом.
- 46 *Малек-Адель* — Малик ал-Адил (ум. 1218 г.), брат египетского султана Саладина, участник многих его походов. После смерти брата (1193 г.) постепенно отстранил от власти всех его сыновей. Султан Египта с 1200 г.
- 47 Речь идет о Целестине III (папа в 1191-1198).

5. Четвертый Крестовый Поход.

Четвертый поход имеет особенное значение в истории и занимает исключительное положение в литературе. Не говоря уже о том, что в четвертом крестовом походе на первый план ясно выступает не религиозная, а политическая идея, он отличается хорошо обдуманным и искусно проведенным планом. Направленный против Византийской империи и завершившийся завоеванием Константинополя и разделением империи, этот поход является выражением долго скрываемой вражды и удовлетворением того настроения, которое воспитали в западных европейцах первые крестовые походы. Больше всех в этом походе выиграла романские народы. Историческая роль Франции на Востоке начинается именно с 1204 г. Нет ничего удивительного, что в западноевропейской литературе событиям Четвертого крестового похода отводится много места и что по специальной обработке в общем и в частности он занимает исключительное положение.

Как блестящая страничка истории, бьющими в глаза красками рисующая картину отношений Запада к Востоку, как эпизод, вносящий новые черты в характеристику борьбы между западной и восточной церковью, Четвертый крестовый поход имеет преимущественное право на внимание русского образованного читателя. Падение Царьграда в 1204 г. и основание латинских княжеств в областях Византийской империи имело непосредственное отношение к России, так как служило осуществлением заветных планов римского папы по отношению к православному Востоку. Сохранилось письмо папы Иннокентия III¹ к русскому духовенству, написанное по завоевании Константинополя, в котором ставилось на вид, что подчинение Риму Византийской империи должно сопровождаться обращением в католичество и всей России.

Чтобы ввести в круг вопросов, стоящих в связи с событиями Четвертого крестового похода, находим необходимым предпослать очерк литературной истории этого похода. До половины нынешнего столетия главным источником, из которого черпались известия по истории Четвертого похода, служил французский летописец Вильгардуэн, маршал Шампани², участник и важный деятель в описанных им событиях. Прекрасные качества его труда, в основание которого положен его собственный дневник, обусловили за его произведением громкую известность и почти не подвергавшийся сомнениям авторитет достоверности, хотя в его истории нет причинной связи между событиями, факты не вытекают один из другого, а часто поражают неожиданностью. Специальная разработка истории Четвертого похода началась с тех пор, как в первый раз высказано было сомнение по отношению к Вильгардуэну, причем подверглась проверке его теория случайностей³.

В 1861 г. французский ученый Мас-Латри (*Mas-Latrie*) в своей истории острова Кипра посвятил несколько страниц событиям Четвертого крестового похода⁴. Здесь в первый раз авторитет Вильгардуэна был подвергнут сомнению, причем в первый раз было высказано и поддержано оригинальное мнение, что направление Четвертого крестового похода на Византию, а не на Египет и в Святую Землю, вызвано было коварной политикой и изменой общехристианскому делу со стороны Венеции. Венецианский дож Генрих Дандоло⁵ вступил в тайный договор с египетским султаном и продал ему интересы всего христианского ополчения. Мас-Латри, колебля авторитет Вильгардуэна, сослался на продолжателей Вильгельма Тирского⁶, на которых прежде мало обращали внимания. Свидетельство это интересно в том отношении, что прямо и просто объясняет изменение направления крестового похода изменой Венецианской республики, которую тайно от крестоносцев подкупил египетский султан. “Когда Малек-Адель, брат Саладина, услышал, что христиа-

не наняли флот, чтобы идти в Египет, он прибыл в Египет и сосредоточил здесь свои силы. Потом, избрав послов, вверил им значительные денежные суммы и послал в Венецию. Дожу и венецианцам предложены были большие подарки. Послам приказано было сказать, что если бы венецианцы согласились отвлечь христиан от похода на Египет, то султан дал бы им торговые привилегии в Александрии и большую награду. Послы отправились в Венецию и сделали то, что им было поручено.”

Чтобы поддержать справедливость этого свидетельства, Мас-Латри указал на торговые интересы республики, на ее морское могущество, на то, наконец, что в XII в. она стремится к преобладанию на море. Далее он доказывал, что Вильгардуэн был обманут венецианцами и не понимал внутренних причин, руководивших событиями. Но главное доказательство против Вильгардуэна было документальное. Мас-Латри нашел в венецианских архивах несколько документов, касающихся договора султана с Венецией, именно — ряд привилегий, данных венецианцам Малек-Аделем в период 1205-1217 гг. По его мнению, эти торговые привилегии были следствием тайного договора венецианцев с султаном и должны быть рассматриваемы как плата за измену христианскому делу. С этой точки зрения, если придать полное значение второму свидетельству, дело Четвертого крестового похода представляется остроумной сделкой, ловкой политической игрой, в которой крестоносцы были пешками. В 1867 г. появился 85-й том “Энциклопедии Эрша и Грубера,” посвященный Греции и Византии и принадлежащий перу Карла Гопфа⁷. Приступая к изложению Четвертого крестового похода, Гопф (с. 184) предупреждает читателя: “Если в истории этого похода иное рассказано иначе, чем у моих предшественников, то это обусловливается как новыми документами, мною найденными, так и новыми источниками, между которыми можно указать на русскую летопись и на Роберта де Клари⁸.” Мнение его об измене венецианцев высказывается на с. 188. Он так говорит о событиях, последовавших в Венеции: “Так как в Венеции не могли поместиться все крестоносцы, то им назначен был для лагерной стоянки остров Лидо, куда привозили из города продовольствие. Страх сменялся новыми надеждами. Передавали из уст в уста дурные вести, будто султан Малек-Адель послал в Дандоло и к венецианским купцам послов с богатыми подарками и предлагал им выгодные привилегии, если они согласятся отклонить крестоносцев от похода на Египет. Высказывалось опасение, что крестоносцы попали в западню, что необходимость заставит их, может быть, вместо достижения священных целей обратиться к мирским делам и — что хуже — вести войну с христианскими народами. Имели ли основание эти слухи, или только томительная неизвестность навевала эти страхи? Мы в состоянии, наконец, пролить свет на этот темный вопрос. Вскоре после того, как Венеция договорилась с французскими баронами предпринять поход против Малек-Аделя, может быть, вследствие приглашения этого последнего, отправились в Каир послами Марино Дандоло и Доменико Микиели, которые весьма ласково были приняты султаном и вступили с ним в соглашение. Между тем как крестоносцы томились на острове Лидо ожиданием, когда им можно будет идти на войну с неверными, венецианские послы 13 мая 1202 г. действительно заключили торговый договор, в силу которого, кроме других привилегий, венецианцам гарантирован был особый квартал в Александрии. Для ратификации договора послан был в Венецию эмир Саадеддин. Выгодные условия, предложенные Малек-Аделем, решили судьбу крестового похода. Искусственное здание благочестивых надежд, лелеемых папой Иннокентием III и опиравшихся на цвет французского рыцарства, рушилось разом. Победу одержали политические интересы. Вместо борьбы за дело креста состоялась совсем иная экспедиция, кончившаяся разрушением Греции и утверждением всемир-

ного торгового могущества Венеции. Решение делу дал старый дож; он последовательно, без колебаний осуществил вполне то предприятие, которое уже давно таил в своей гордой душе. Не напрасно Венеция снарядила флот, какого лагуны не видали до того времени; снаряженный предприимчивыми и воинственными крестоносцами, этот флот представлялся непобедимым.”

Гопф, как видно, решительно берет сторону Мас-Латри и, ослабляя авторитет Вильгардуэна, ссылается на новый документ, по-видимому, неизвестный Мас-Латри, а именно — на договор венецианских послов с султаном, помечая его 13 мая 1202 г. Если так, то понятно, вопрос об измене Венеции решается однозначно. Но к сожалению, Гопф не сделал подробных указаний, где находится открытый им документ и может ли он быть признан вполне достоверным, благодаря чему осталось некоторое сомнение. Впрочем, авторитет Гопфа в истории Византии и Востока так велик, что ему можно было поверить на слово. Измена венецианцев христианскому делу подтверждалась теперь не только хроникой, но и официальным документом, значение которого подорвать было трудно.

Нужно сказать, что во всем этом вопросе особенно живую роль играло национальное чувство французов. Известно, каким авторитетом пользовался у них Вильгардуэн, эта гордость и украшение французской нации. Поэтому неудивительно, что особенно жаркими защитниками его были французы. Самым способным защитником Вильгардуэна оказался французский ученый Наталис де Вальи⁹. В 1873 г., приготавливая к изданию текст Вильгардуэна (это очень богатое издание появилось в 1874 г.; в 4-ю долю листа со старофранцузским оригиналом и новофранцузским переводом и с огромной массой комментариев), он читал в Академии надписей в Париже записку, посвященную Вильгардуэну. Защищая Вильгардуэна и будучи лично оскорблен мнением Мас-Латри, Наталис де Вальи чуть не обвиняет последнего в клевете и легкомыслии. Аргументация его состоит в следующем: “Заслуживает ли веры Вильгардуэн; мог ли он знать истинные мотивы, которые воспрепятствовали крестоносцам, собравшимся в Венеции в 1202 г., исполнить их первоначальный проект? Я думаю, и постараюсь это доказать, что мнение Мас-Латри (о недостоверности Вильгардуэна и об измене венецианцев) парадоксально и не заслуживает никакой веры, потому что оно невероятно. Единственное основание для теории Мас-Латри заключается в слухах разного происхождения, которым легковерно доверялся летописец (Эрнул), лишенный всякого личного авторитета. Рассказ Эрнула¹⁰ поразителен по своей невероятности. Можно ли допустить, чтобы венецианцы, связав себя договором с крестоносцами, увлеклись предложениями султана и изменили делу Христа ради магометанства? Пусть перенесутся мыслью к началу XIII в. и подумают, можно ли было венецианцам иначе обсуждать этот вопрос. Если бы подобная мысль об измене могла прийти им в голову, разве они могли закрыть глаза перед опасностью, какая угрожала бы им в случае открытия сделки, разве они не рисковали бы обратить на себя раздражение и оружие всей христианской Европы? Говорят, что Вильгардуэн, как очевидец и участник в событиях, не знал о секретных переговорах, происходивших между Венецией и Малек-Аделем; но тогда позволительно спросить, как мог знать об этом летописец, живший в Сирии?” Удивляясь, почему Мас-Латри не взвесил этих обстоятельств, защитник Вильгардуэна продолжает: “Если ученый писатель поверил такой басне, то объяснение можно находить разве в том, что и лучшие умы не всегда могут устоять против опасной привлекательности парадокса и что всякое новое мнение издает фальшивый блеск, способный более ослеплять, а не рассеивать мрак.”

Что касается документальных доказательств, приводимых Мас-Латри, к ним также недоверчиво относится издатель и защитник Вильгардуэна. Дело в том, что привилегии, данные султаном венецианцам, хотя действительно и существуют в архивах Венеции, но относятся к последующему времени, во всяком случае акты не имеют даты (*Fontes rerum austriacarum. Diplomata* XIII, p. 184) и ни один из них не носит имени Генриха Дандоло, современника Четвертого похода, дожа Венеции.

Вывод Наталиса де Вальи следующий: между деятелями, принимавшими участие в завоевании Константинополя, не было ни изменников, ни обманутых. Крестоносцы, как и венецианцы, думали, что они остаются верными святому делу, предпринимая осаду города, который в их предположениях должен был сделаться операционным пунктом для всех последующих крестовых походов.

В дальнейшем изучении Четвертого крестового похода обращено было внимание на другие стороны вопроса, отчего расширилась историческая точка зрения и усложнились самые задачи исследования. В истории Четвертого похода нам необходимо различать два факта: 1) отклонение похода от первоначальной цели — от движения на Египет и 2) направление крестоносцев, потерявших из виду первоначальную цель, именно на Константинополь. Пусть будет доказанным, что был тайный договор Венеции с Малек-Аделем. Что же из этого следует? Только то, что для удовлетворения желания султана и для выполнения договора с ним было бы вполне достаточным, если бы венецианцы отклонили крестоносцев от похода на Египет. Тогда была бы спасена Византийская империя, разрушение которой и не входило в планы султана и не обуславливалось договором 13 мая 1202 г. Само собою разумеется, что для того, чтобы объяснить, в силу каких побуждений крестоносцы пошли на Константинополь, нужно было направить исследования в другую сторону, то есть показать, для кого было полезно именно такое направление похода, причем вопрос о договоре Венеции с султаном естественно теряет первостепенное значение в истории Четвертого похода.

На такую почву поставлен был вопрос о Четвертом походе графом де Рианом в его сочинении “Иннокентий III, Филипп Швабский и Бонифаций Монферратский”¹¹. Теория Риана состоит в следующем: “Направление крестоносной рати на Константинополь должно быть рассматриваемо как эпизод борьбы светской власти с духовной, с одной стороны, и как акт мести Византии со стороны германских императоров — с другой. Удар на Константинополь есть интрига, созревшая не в Венеции, а в Германии. Эту интригу зрело обдумал сын Фридриха Барбароссы, король Филипп Швабский¹², а привел в исполнение Бонифаций Монферратский¹³, глава крестовой рати.” “Еще не вполне ясна, — говорит де Риан, — таинственная интрига между константинопольским и швабским двором; но существование такой интриги засвидетельствовано очевидцами. В то время, как папа Иннокентий III, по-видимому, достигал двойной цели: освобождения Святой Земли и победы над королем германским, неожиданно случились два обстоятельства: прибытие в Европу претендента на Византийскую империю, царевича Алексея Комнина, родного брата королевы германской¹⁴, и выбор в предводители крестоносного ополчения итальянского князя, явного сторонника и друга короля Филиппа. Совпадение этих двух обстоятельств мне кажется ключом к разгадке всех последующих событий” (*Revue des Quest. Hist.* April 1875, p. 346). Граф де Риан, как видно, весьма глубоко ставит вопрос: по его мнению, на Четвертый поход с одной стороны влияли отношения между светской и духовной властью, а с другой — то обстоятельство, что Константинополь был постоянным яблоком раздора, бельмом на глазу у крестоносцев, вследствие чего последние давно желали нанести сперва удар

Константинополю. Для исторической достоверности я должен однако заметить, что еще ранее Риана немецкий ученый Винкельман в своем сочинении “*Philipp von Schwaben*” (Leipzig, 1873, s. 525-528)¹⁵ обратил внимание на обстоятельства, развитые Рианом. Именно он указал на переговоры греческого царевича Алексея с Филиппом Швабским, разъясняющие мотивы движения крестоносцев на Константинополь. Но Винкельман однако не вывел из этого факта всех последствий, какие удалось вывести Риану.

После исследования Риана, весьма остроумно затронувшего немецкую интригу, немецкая историческая наука отозвалась на вопрос о Четвертом походе не менее крупными трудами. Я разумею два сочинения: Климке “Источники истории Четвертого крестового похода”¹⁶ и Штрейта “Венеция и направление Четвертого крестового похода против Константинополя”¹⁷. Собственно говоря, в истории полемики по вопросу о Четвертом походе наше внимание займет последнее сочинение. Что же касается первого, то оно чуждо полемики и имеет своей задачей собрание источников для изучения Четвертого похода, что выполнено весьма тщательно. Бесспорным интересом отличается вся та часть сочинения Штрейта, где описываются отношения Венеции к Византии. В самом деле для истории XI и XII столетий все, что касается Востока, не может быть рассматриваемо иначе, как с точки зрения венецианской политики: Венеция в XII в. начинает играть по отношению к Византии ту же роль, какую играет современная Англия по отношению к Турции¹⁸. Могущество византийского флота и византийская внешняя политика опирались по преимуществу на союз с Венецией в конце XII в. Венеция доставляла Византии флот, а Византия должна была поддерживать торговые интересы республики. Отсюда общеисторический и частный интерес отношений Венеции к Византии.

Дойдя в своем изложении до роковых раздоров между республикой и империей, имевших следствием застой торговли в Венеции и прямой ущерб, нанесенный венецианским купцам Мануилом и Андроником Комнинами¹⁹, Штрейт заключает: Венеция не могла терпеть Византии, разрушение Константинополя было для нее вопросом жизни и смерти.

Итак, изменение в направлении Четвертого крестового похода было делом Венеции и именно — дожа Дандоло. Штрейт, как можно видеть, приходит к обвинению Венеции в измене не таким путем, как Мас-Латри и Гопф. Не касаясь выставленных последними оснований, Штрейт ищет разъяснения в политике того времени и, разбирая отношения между Венецией и Византией в конце XII в., доказывает, что Венеция непременно должна была устранить с дороги Византию.

В точке зрения Штрейта много справедливого. Но так как вопрос идет о перемещении исторической перспективы, так как ищется центр тяжести, то останавливаться на конечном выводе Штрейта едва ли можно. Уклонившись от германской теории Риана, Штрейт мало оценивает отношения Византии с германским императором, или, если и касается их, то обходит как будто намеренно выводы де Риона, вследствие чего центр тяжести не совсем ощутим и в его исследовании. Он говорит, например: “Венеции задолжало византийское правительство до 700 тысяч и не захотело производить уплаты, вследствие чего, еще до заключения договора с крестоносцами, Дандоло решился погубить империю и привел свое намерение к осуществлению с полным успехом. Но при такой постановке дела, лишаются почти всякого значения другие факты бесспорно важные, например, переговоры Филиппа Швабского с византийским императором и бегство в Европу царевича Алексея. Несмотря на все это, сочинение Штрейта имеет крупные достоинства. Оно показало, что, изучая Четвертый поход, необходимо считаться и с политикой византийских им-

ператоров, и с состоянием Балканского полуострова, и с историей папства и Германской империи. Из него также видно, что бегство царевича Алексея из Византии и переговоры его с западными государями и папой должны получить первостепенное значение среди факторов, изменивших направление Четвертого крестового похода.

Таким образом, исследованиями графа Риана и Штрейта вопрос о Четвертом крестовом походе поставлен на общеисторическую почву. Эти исследования показали, что для изучения Четвертого похода не достаточно сведений Вильгардуэна, а нужно обратиться к изучению отношений Венеции к Византии, Византии к Германии и всех трех к папству. При этом как будто забывается исходный пункт всей полемики: измена Венеции делу христиан — пункт, который выставил Мас-Латри и поддерживал Гопф. В самом деле, пока не произнесено окончательное решение о роли Венеции в 1202 г., пока не выяснено, была ли она в тайном соглашении с египетским султаном или нет, всякое перенесение центра тяжести будет рискованным.

Таким образом вопрос об измене Венеции приходил к своему исходному пункту. Специально он был разобран французским ученым Ганото (Hanotaux) в его сочинении. “Изменили ли венецианцы христианскому делу в 1202 г.?” (*Revue Historique*, mai 1877, p. 74)²⁰. Вопрос был поставлен прямо, и автор для его решения запасся фактами решительного свойства. Можно было ждать, что ответ будет утвердительный, а между тем Ганото решает этот вопрос отрицательно. Здесь необходимо припомнить теорию Мас-Латри и ее основания. Мас-Латри, обвиняя венецианцев в измене, ссылается, как известно, на свидетельство летописца Эрнула и на договор Венеции с султаном. Сильным оппонентом Мас-Латри был Наталис де Вальи, отрицавший значение свидетельства Эрнула. Имея много общего с возражениями Наталиса де Вальи, Ганото выставляет несколько новых весьма интересных соображений. Дело в том, что в то время, как Четвертый поход был очень выгоден для французов, обогатившихся поместьями в Византии, положение христиан Сирии и Палестины после него несколько не улучшилось. Для них Четвертый поход имел несчастный исход. Недовольство им поэтому естественно, равно как и стремление найти виновника совершившегося факта. Эрнул, по мнению Ганото, и является выразителем партии недовольных, а почему была обвинена именно Венеция, — это легко объяснить тем исключительным положением, какое она занимала между другими государствами того времени. Удивляясь устройству и политике Венеции, политические деятели смотрели на нее, как на очаг раздоров, и сильно ее недолюбливали. Понятно, что после неблагоприятного исхода Четвертого похода всю вину свалили на Венецию. В этом смысле высказывался прямо даже папа, отлучивший Венецию от церкви. Самой главной и имеющей решительное значение для вопроса является у Ганото вторая часть его исследования. Здесь он говорит, что тот знаменитый договор, на который опирается Гопф, не существует, что Гопф ошибся и ввел в заблуждение весь ученый мир. Дело идет о четырех договорах Венеции с Малек-Аделем, напечатанных в “*Fontes rerum austriacarum*” (*Diplomata* XII, p. 184) Тафелем и не имеющих даты²¹. Мас-Латри и Гопф рассматривали эти документы, как доказательство измены Венеции. Ганото, после тщательного изучения их, доказал, что эти четыре договора в сущности составляют один и тот же договор, состоящий из четырех частей и помеченный: *die decima nona Saben* (в 19 день месяца Сабана).

Главная сила доказательства Ганото заключается в разборе договора Венеции с Малек-Аделем. На этот договор опирается Гопф, который, сделав некоторую поправку в написании даты, отнес его к маю 1202 г. Ганото обратил внимание на пометку: “в 19 день месяца Сабана” и, сличив магометанскую хронологию с христианской, вывел заключение,

что договор мог быть заключен не иначе, как в 1208 г. Он пошел еще дальше в критике договора. В договоре упомянуты два венецианских посла к султану: Марино Дандоло (родственник дожа Генриха Дандоло) и Доменико Микиели. Эти лица принадлежали к знатым венецианским фамилиям, и деятельность их более или менее может быть восстановлена на основании документов. Этот труд и взял на себя Ганото. Из сопоставления разных исторических указаний и дат он заключает, что Дандоло и Микиели могли быть посланы к султану именно только в 1208 г. и притом дожем Пиетро Циани²². Когда Ганото уже окончил свою статью, Штрейт сообщил ему замечание о титуле Малек-Аделя — “*rex regum*,” который употребляется в разбираемом договоре. По мнению Штрейта, Малек-Адель сперва находился под властью дамасского халифа и только впоследствии выхлопотал себе этот титул, что случилось не в 1202 г., а позже. Это обстоятельство служит веским доказательством в подтверждение теории Ганото касательно позднейшего происхождения документа.

Всматриваясь в содержание договора, Ганото нашел в нем такие обстоятельства, которые не обратили на себя внимание раньше только потому, что в изучении этого договора было много страстности. Изучая этот договор ближе, Ганото говорит, что привилегии в нем даются скорее за будущие услуги Венеции, а не за прошедшие. Все, что можно заключить из договора, состоит в том, что после Четвертого похода существовали хорошие отношения между Венецией и султаном. Но это далеко не новость. Уже давно Венеция поняла, что ей необходимо поддерживать хорошие отношения с султаном, и такая ее политика идет в течение всех средних веков. Свою статью Ганото заключает так: “Мы не имеем серьезных причин подвергать сомнению в этом вопросе добросовестность венецианцев. Если они и были истинными подстрекателями похода на Константинополь, другие мотивы руководили в этом случае их политикой. Ими могло руководить и желание подчинить Зару, и месть к Византии за неуплату долга и за торговые привилегии Пизе, и надежда воспользоваться к своей выгоде разрушением греческой империи; это достаточные мотивы для объяснения похода на Константинополь” (с. 100).

Справедливость требует сказать, что Ганото доказал свою тему вполне удовлетворительно. Сильных возражений еще не было. Напротив, его доводы о недостоверности Эрнула и о подложности даты приняты почти бесспорно. Далее останавливаться на тайном соглашении Венеции с Египетским султаном и отсюда выводить главный мотив направления Четвертого похода на Константинополь, очевидно, нет возможности. Таким образом, с исследованием Ганото падает и самый исходный пункт всей полемики о Четвертом походе, хотя остается открытым ряд второстепенных вопросов, вызванных ею.

Исследование Ганото более всех затронуло графа де Риана, и он не оставил его без ответа. В 1878 г. в январской книжке *Revue des Questions Historiques* он поместил статью, носящую заглавие: “Изменение направления Четвертого крестового похода”²³. Здесь он дает ответ на все возражения, которые были представлены частью Штрейтом, частью Ганото и другими. Несмотря на весьма естественное желание поддержать свою собственную гипотезу (перенести ответственность на германскую интригу) и видеть центр тяжести в своей теории, Риан очень беспристрастно относится к исследованиям Штрейта. Разбирая положения последнего, он говорит, что несмотря на богатый запас новых фактов, все-таки вопрос о центре тяжести Штрейт хочет видеть в деятельности дожа Генриха Дандоло. Что же касается вывода Ганото, то Риан слагает оружие перед его критикой договора и соглашается, что спорить в этом отношении невозможно. Я приведу здесь только заключительные слова Риана, где он очерчивает состояние вопроса в 1878 г.: “Изменение направления

Четвертого похода нельзя объяснить одной причиной, но совокупным действием многих причин, представляющих различные интересы, затронутые событиями 1202-1203 гг. Венеция, Филипп Швабский, Бонифаций Монферратский, латинское духовенство (если не сам папа), может быть, наконец, Филипп-Август — все они должны занять свое отдельное место в этом великом конфликте честолюбий. Теория случайностей падает сама собой. По моему мнению, между добытыми фактами бесспорными можно считать два: пристрастие Вильгардуэна, невинность Иннокентия III (будучи католиком, Риан в своих исследованиях имеет тенденциозную цель — оправдать папу, показать, что Иннокентий III отнюдь не виноват в изменении направления Четвертого крестового похода и сознательно не влиял ни на Дандоло, ни на Константинополь и др.) и участие Филиппа Швабского в направлении похода на Константинополь.” Этой статьей Риана заключается вся полемика, возбужденная с 1861 г. событиями Четвертого похода. Теперь нелишне задать вопрос: можно ли удовлетвориться добытыми результатами и остановиться, или продолжать исследование и выступить с новой теорией? На последнее, очевидно, нельзя решиться до той поры, пока не будут добыты новые памятники, которые пролили бы новый свет на эту эпоху. Говоря о возможности появления новых материалов, Риан таким образом заключает свою статью: “Известно, что для того, чтобы вести войну, нужно иметь оружие. В том направлении, до которого дошли дебаты, недостает более аргументов. Что касается меня, я подожду возвращаться к этому вопросу, пока не объявятся новые документы, и остерегусь еще раз вступать в круг, который в настоящее время, как мне кажется, не имеет исхода” (с. 114).

Для исторической полноты нужно еще указать на некоторые новые литературные факты, свидетельствующие о том, с каким вниманием относятся ученые к вопросам полемики. В 1879 г. появилось сочинение Гейда “История Лавантийской торговли в средние века”²⁴, в котором отведено место событиям завоевания Царьграда в 1204 г. Гейд — громадный авторитет; он работал в итальянских и венецианских архивах, и его два тома необходимы и полезны для занимающихся историей Востока. При составлении своей книги Гейд имел под рукой всю полемику о Четвертом походе, и нам поэтому весьма интересно знать его мнение о ней. События Четвертого похода представляются у него в таком виде. Когда крестоносцы прибыли в Венецию, туда явился из Византии царевич Алексей и вступил в переговоры с Филиппом Швабским и убедил его идти войной на узурпатора — Алексея Ангела²⁵. Хотя сам король и не мог помочь ему, но для того чтобы не оставить просьбу царевича неисполненной, он пользуется несчастным положением крестоносцев, вступает с ними в переговоры через Бонифация Монферратского и направляет их на Константинополь. Таким образом направление Четвертого похода, по мнению Гейда, зависело от событий византийских и германских. Далее, говоря в истории Египта о договоре Венеции с султаном, он относит его к 1208 г. В 1879 г. вопрос об изменении направления Четвертого крестового похода имеет такой вид: не может быть речи об измене Венеции, о лукавстве папы — все, о чем может идти речь, заключается в византийских событиях и в отношениях Венеции и Филиппа Швабского к Византии.

Не могу не упомянуть, что вопрос о Четвертом походе, при том значении, какое он имеет для истории православного Востока, не остается незатронутым и в нашей литературе. Вопрос о Четвертом походе затронут и в моей книге “Образование Второго Болгарского царства”²⁶, и в рецензии проф. В. Г. Васильевского²⁷, помещенной в журнале Министерства Народного Просвещения за июнь 1879 г. Хотя в русской литературе ему и не давалось всестороннего развития, но выяснены именно те стороны его, которые и составляют интерес для чисто русской науки. Именно, было указано на два факта, заслуживающие

тщательного изучения: 1) на важность отношений, которые завязались между завоевателями Константинополя и новообразовавшимся Болгарским царством, и 2) на частные обстоятельства, как, например, бегство царевича Алексея из Константинополя в Европу, переговоры его с Филиппом Швабским и др.

Из предыдущего можно видеть, что при изложении событий Четвертого крестового похода, в особенности же при объяснении мотивов, которыми руководствовались главные деятели, нельзя ограничиваться тесными хронологическими рамками. В организации и направлении этого похода принимали участие многие факторы, из коих одни хорошо выяснены, другие же или совсем неизвестны, или только намечены. Ясно, что здесь необходимо считаться и с общим строем европейских дел, и с отношениями Византии к Италии и, наконец, с борьбой светской власти с духовной.

К концу XII в. ни у кого уже из политических деятелей не оставалось сомнения, что крестовые походы в Палестину есть праздное дело, не могущее закрепить за христианами Иерусалима. После громадных жертв, принесенных в удовлетворение религиозного чувства, после трех больших походов, в которых принимали участие императоры германские, французский и английский короли, Иерусалим все же оставался в руках неверных. Сирия и Палестина и горные ущелья Малой Азии поглотили уже до миллиона крестоносцев. Мусульмане издевались над христианами, и последним уже приходила мысль, что Бог не благословляет дело европейского христианства. Но большинство военных и политических деятелей того времени были того мнения, что неудача крестовых походов лежит в систематическом противодействии европейцам со стороны византийского императора: он, говорили, подстрекает мусульман и устраивает засады крестоносцам, он заключает союзы с неверными и всеми мерами вредит успеху и развитию христианских княжеств на Востоке.

Душой и возбудителем Четвертого похода был папа Иннокентий III, один из величайших умов, какие только руководили церковной политикой. С первых же дней вступления на престол 9 января 1198 г. Иннокентий начал ряд мер, чтобы расшевелить католический мир идеей крестового похода, который следовало направить не в Палестину, а в Египет, ибо оттуда мусульманство черпало силы для борьбы с христианами. Не довольствуясь обыкновенными и испытанными уже средствами: буллами и письмами к королям и духовным и светским князьям, назначением специальных проповедников по селам и деревням и тому подобное, Иннокентий сам подал пример воодушевления крестоносной идеей: он снарядил на собственный счет корабль, снабдил его экипажем и припасами, пожертвовал десятую часть доходов римского престола на крестовый поход и потребовал отчисления на тот же предмет 1/40 части всех доходов католической церкви. Но положение тогдашних европейских государств не было благоприятно для организации дела на широких основаниях. Самая отзывчивая страна и всего больше заинтересованная в судьбе палестинских христиан — Франция — не могла на этот раз выставить много охотников, так как борьба Филиппа II Августа с английским королем Ричардом была в полном разгаре и отвлекала к себе внимание военных людей. В Германии также голос папы не мог встретить большого сочувствия, так как и здесь шла внутренняя борьба между двумя королями: гвельфским и гибеллинским и их партиями²⁸. Вот почему идея крестового похода находила себе весьма мало приверженцев. В конце 1199 г. первых поборников она нашла все же во Франции. Это были Тибо, граф Шампани²⁹, Людовик Блуа³⁰ и Бодуэн, граф Фландрии и Геннегау³¹. Первые два графа, как родственники королевского дома, своим согласием участвовать в походе в значительной степени обеспечивали успех дальнейшего движения, и, действительно, к ним скоро присоединились их вассалы и подвассалы. Что касается

фландрского графа, его участие объясняется еще фамильными преданиями, ибо фландрские графы со времени Первого крестового похода были самыми живыми выразителями крестonosной идеи. Весной и осенью 1200 г. означенные князья неоднократно собирались для обсуждения предварительных мероприятий и для выработки плана похода. Так как прежде всего необходимо было обеспечить себе средства переправы в мусульманские земли, то князья пришли к решению законтрактовать в Венеции, как первой тогдашней морской державе, достаточное число судов для перевозки крестonosцев в Александрию. С этой целью выбрано было по два уполномоченных от каждого князя для переговоров с венецианской республикой. Среди уполномоченных шампанского графа был маршал Вильгардуэн, которому мы обязаны главнейшими известиями об этом походе. Французские уполномоченные явились в Венецию в феврале 1201 г. и предложили на усмотрение дожа и его тайного совета желание князей о предоставлении им определенного числа военных и транспортных судов для крестового похода. В марте и апреле велись переговоры, в конце апреля состоялся проект соглашения, который был послан на утверждение папе. Венеция обязывалась в годичный срок доставить такое число кораблей, которое в состоянии было бы поднять и перевезти в Египет 4,5 тысячи рыцарей, 9 тысяч оруженосцев и 20 тысяч пехоты по цене 2 марки серебра с пассажира и 4 марки за лошадь (Марка серебра представляла стоимость около 50 франков или до 20 р. и следовательно 85 тысяч марок равняются сумме в один миллион семьсот тысяч.) Платеж суммы в 85 тысяч марок раскладывался на три срока, последний срок истекал в июне 1202 г.

Лицо, до сих пор стоявшее во главе движения, главнокомандующий крестовым походом, граф Тибо³², умер в мае 1201 г. Здесь мы имеем первую роковую случайность, которых увидим слишком много в изложении последующих событий. Смерть его коренным образом изменяет дело. До сих пор все сосредоточивалось во Франции, но уже летом того же года выступает довольно неожиданная кандидатура на предводительство в походе не французского, но итальянского князя, Бонифация, маркграфа Монферратского, которому и принадлежит с тех пор руководящая роль в походе. Как только в августе он согласился принять крест и предводительство, некоторые немецкие духовные и светские князья, до сих пор безучастные к движению, начали готовиться в поход. Согласно заключенному с Венецией договору, из Германии и Франции стали постепенно подходить к Венеции различные отряды с конца мая 1202 г., причем подписавшие договор князья французские прибыли позже других, в июне. Но в Венеции ожидал их целый ряд сюрпризов и тяжелых испытаний. Прежде всего встретились затруднения по вопросу о размещении крестonosцев в Венеции. Дабы избежать беспорядков и столкновений, правительство нашло нужным препровождать все прибывающие отряды на остров Лидо, в получасовом расстоянии от Венеции; это было незаселенное место и представляло много удобств для лагерной стоянки, за исключением одного — обилия съестных припасов и удобства доставать их. Но так как венецианское правительство приняло на себя заботу о продовольствии и сначала исполняло ее добросовестно, то крестonosцы на первых порах чувствовали себя хорошо. Скоро, однако, в лагере оказался недостаток в необходимых предметах, и не случайный недостаток, а хронический, продолжавшийся изо дня в день и угрожавший весьма дурными последствиями; начались натянутые отношения между вождями и правительством Венеции. Внешним поводом к неудовольствиям послужил финансовый вопрос. Предстоял срок взноса условленной суммы. Крестonosцы до сих пор сделали только первую часть взноса (25 тысяч марок), за ними оставалось еще 60 тысяч. Когда им предложено было исполнить эту часть договора, они оказались не в состоянии реализовать требуемую сумму,

а внести только половину. Венецианское правительство со своей стороны приостановило подвоз припасов на Лидо и отказало в доставлении судов для перевоза в Египет. Можно понять, в какое уныние пришли крестоносцы, находясь без продовольствия под жарким солнцем летних месяцев. В лагере начался голод, появились болезни, дисциплина была расстроена, многие бежали, другие предались грабежу и разбоям. Дож Венеции не внимал просьбам и увещаниям, грозил выморить голодом весь лагерь, если не будет поддерживаться порядок и произведена окончательная расплата. При таких обстоятельствах, в половине августа, прибыл в Венецию глава крестоносного ополчения Бонифаций Монферратский. Он прежде всего заставил крестоносцев присягнуть ему на верность и затем принял фактическое направление дальнейших дел. С этих пор французские князья теряют значение в событиях, доминирующая роль всецело принадлежит маркграфу Бонифацию и дожу Генриху Дандоло. Как сейчас увидим, Бонифаций вносит в крестовый поход новый план, чуждый задачам и целям других крестоносных вождей, и заставляет их бессознательно совершить единственную в своем роде авантюру.

Чтобы разъяснить тонкую политическую интригу, в которой крестоносцы должны были играть роль молота, а Византия — наковальни, у нас есть одно средство; стоит только проследить деятельность Бонифация после избрания его в вожди. Целый год он был в больших хлопотах и исполнял важные миссии. Осень и часть зимы он провел в Германии при дворе короля гибеллинской партии Филиппа Швабского, в начале 1202 г. отправился в Рим к папе Иннокентию III. Он был, таким образом, посредником между папой и королем, но не по церковным делам. Не говоря о прочем, в высшей степени любопытно, что вождь крестоносного ополчения компрометирует себя в глазах истинных сынов католической церкви, каковы были принявшие крест, отношениями с королем, отлученным от церкви и не признанным папой. Нужно думать, что был особенный мотив в этих отношениях, который не был противен и папе. Во всяком случае, тот энергичный папа, который сначала был душой крестового похода, с этого времени совершенно выпускает из рук управление делом и сквозь пальцы смотрит на жалкое положение крестоносцев на Лидо, хотя его уполномоченный находился в Венеции и хотя одного его слова было достаточно, чтобы неуплаченная часть взноса была переведена на счет казначейства римского престола. Да и недоимка была не так велика, чтобы князья не нашли средств уплатить ее. Нередко такую сумму вносили в качестве выкупа из плена и не очень богатые князья.

Четвертый крестовый поход потому и приобретает широкий исторический интерес, что является результатом политических отношений того времени: с одной стороны, между империями восточной и западной, с другой — между Венецией и Византией.

Политика Гогенштауфенов, начиная с Конрада III и продолжая Фридрихом I и Генрихом VI, должна быть оцениваема с двух точек зрения. В качестве германских императоров и представителей гибеллинской партии, они беспощадные и неумолимые враги римского папства и с этой точки зрения естественные союзники византийского императора. В качестве наследников норманнского королевства в Южной Италии и Сицилии, Гогенштауфены, будучи врагами папской власти, вместе с тем были соперниками Византии, искони считавшей южную Италию своей провинцией. Весьма часто обсуждались между империями способы дружелюбного раздела Италии, но всякий раз, как соглашение близко было к осуществлению, папы пускали в ход крайние средства и примирались то с западным, то с восточным императором. Византийские императоры из дома Комнинов тесно сдружились с Гогенштауфенами, надеясь при их помощи стеснить папу и прочно утвердиться в Италии. Дух критики и отрицания устоев, на которых покоилось папство, Гогенштауфены за-

имствовали из Византии, где, как известно, церковь не имела притязаний возвыситься над светской властью. Фридрихи I и II прямо ставили папе в пример восточную церковь и находили в византийских теориях враждебное папству сильное оружие для борьбы с ним.

Эти добрые отношения двух империй нарушились с того времени, когда в Византии династию Комнинов сменили Ангелы в 1185 г. Сын Фридриха Генрих VI, в качестве короля сицилийского, не мог уже поддерживать видов Византии на южную Италию и Далмацию, но фамильные предания Гогенштауфенов были однако так сильны, что современный Четвертому походу король Филипп был женат на дочери царя Исаака Ангела. С одной стороны, исполняя исторические задачи сицилийских королей, Гогенштауфены стремятся захватить приморские владения Византии, нападают на Драч и Фессалонику, с другой, боясь союза Византии с папством, они все усилия направляют к тому, чтобы помешать сближению между своими соперниками. Принятое Генрихом VI угрожающее положение относительно Византии произвело между восточной и западной империей довольно сильное охлаждение, так что дошедшее до Востока известие о смерти Генриха встречено было с радостью и надеждами на восстановление добрых отношений. Кандидатура на императорский титул Филиппа, брата Генриха, казалось, указывала на то, что обе империи признают взаимные интересы, ибо восточный император и король Филипп были родственниками.

Но в 1195 г. в Византии произошел переворот: царь Исаак Ангел был свергнут с престола своим братом Алексеем, который под именем Алексея III и занимал трон во время Четвертого крестового похода; беспощадно ослепив Исаака, новый царь держал его в заключении вместе с сыном его царевичем Алексеем. Константинопольские события не могли остаться безразличными для Филиппа, в особенности для его супруги, дочери Исаака Ангела.

Мы можем проследить с некоторыми деталями отношения между Византией и Германией за это время. Слепой Исаак возлагал теперь все упования на свою дочь и имел средства вступить с ней в переписку. Жившие в Константинополе западные купцы и банкиры были посредниками в этих отношениях. Исаак, лишенный власти и содержащийся в заключении, мог все ставить на карту, он просил дочь об одном — чтобы она отомстила дяде за обиду, причиненную отцу, и явно намекал, что царская власть по праву принадлежит ей и мужу. Новое направление эти переговоры получили вследствие бегства из Константинополя царевича Алексея, сына Исаака. Пользуясь доброхотством итальянских купцов, а может быть и средствами, предоставленными из Германии, царевич Алексей имел случай ускользнуть от бдительности византийской полиции и явился в Европу в 1201 г., когда уже там организовалось движение в пользу крестового похода. Поздней осенью 1201 г., представившись папе, царевич Алексей был в Германии, в это же время мы находим там и Бонифация, занятого переговорами с Филиппом Швабским. Но ни король Филипп, ни царевич Алексей целый год не заявляют открыто и публично своих планов. Они имеют ловкого и умного агента в лице Бонифация Монферратского. Посмотрим теперь, почему их выбор остановился на этом лице в таком важном и деликатном деле. Маркграфы Монферратские выросли во время борьбы Гвельфов и Гибеллинов. Их вывел в люди и обогатил поместьями Фридрих I, найдя в отце Бонифация Вильгельме³³ преданного себе слугу в северной Италии. Но еще важнее роль этого дома на Востоке. Два брата Бонифация, Конрад и Ренье³⁴, были на службе Византийской империи, второй из них дослужился там до титула кесаря, оба женаты были на принцессах царского дома³⁵. Итак, выбор Бонифация в поверенные по такому важному и деликатному фамильному делу как

нельзя более удачен. Мог он быть несимпатичен лишь людям церковной партии — гвельфам, так как Бонифаций был завзятый гибеллин, но если папа согласился принять его посредничество, то кому же было протестовать?

Когда в августе 1202 г. Бонифаций прибыл в Венецию, направление похода на Египет уже было оставлено руководящими движением лицами, но настоящий план держался в строгом секрете, о нем едва ли кто знал, кроме Бонифация и дожа Дандоло. Венецианский дож, которому нельзя было не сообщить о плане, отнесся к нему чисто с коммерческой точки зрения, именно со стороны интересов Венеции. Для Дандоло решающими моментами в деле были следующие соображения: 1) крестоносцы не внесли 34 тысячи марок, — нужно было обеспечить себя насчет этой суммы какой-нибудь равносильной гарантией; 2) нужно было взвесить выгоды для торговых интересов республики проекта Бонифация насчет направления крестоносцев против Константинополя. После зрелого обсуждения дела, Дандоло нашел, что можно соединить интересы немецкого короля с видами республики, если Бонифаций предоставит ему на некоторое время свободу действий. 15 августа Дандоло вносит в Совет Десяти предложение: не стеснять более крестоносцев вымогательством недоплаченной ими суммы, благо-де они могут расплатиться с Венецией натурой. Мы, продолжал дож, лучше направим их против Зары, города нам враждебного, предавшегося под власть венгерскому королю³⁶ и нуждающегося в хорошем уроке. Через десять дней, в церкви св. Марка, проект похода на Зару был объявлен венецианскому сенату и большому совету. Дождь сам изъявил намерение принять на себя командование флотом в этой экспедиции. На некоторое время крестоносцы становятся наемниками республики, Бонифаций стушевывается, и вся инициатива переходит в руки Г. Дандоло, который навязал крестоносцам экспедицию против Зары исключительно в интересах республики.

Не нужно было сохранять приличия, по крайней мере по внешности. Если главные князья, участвовавшие в походе, могли дать свое согласие на венецианский проект, то масса крестоносцев, вассалы князей и простой народ до сих пор верили, что поход готовится в Египет. Чтобы держать народ в заблуждении, дож употребил следующее средство. Посадив крестоносцев на суда к октябрю 1202 г., он не прямо пошел на Зару, а целый месяц приказал крейсировать в водах Адриатики и в конце октября объявить по флоту, что за поздним временем года и за наступившими бурями опасно пускаться в дальнейшее морское путешествие. Ввиду этого флот направился к далматинским берегам и 10 ноября подступил к Заре. На адмиральском корабле не было ни Дандоло, ни Бонифация, ни даже папского легата, так что в крайнем случае за последовавшее ответственность можно было возложить на подчиненных лиц. Зара была хорошо защищена венгерским гарнизоном и оказала крестоносцам значительное сопротивление, но 24 ноября была взята приступом и подверглась страшному опустошению, причем с жителями христианского города крестоносцы обращались как с неверными: брали в плен, продавали в рабство, убивали; церкви разрушены и сокровища расхищены. Поступок с Зарой был в высшей степени компрометирующим крестовый поход эпизодом: не говоря уже о другом, крестоносцы совершили насилие над христианским городом, подчиненным королю, который сам принял крест для похода и владения которого по существующим тогда законам находились под покровительством церкви. Заняв Зару, оказавшую однако сильное сопротивление, и исполнив таким образом обязательство перед Венецией, крестоносцы остановились здесь до весны 1203 г. Во время стоянки в Заре выяснились все тайные мотивы, руководившие событиями, и выразились главные основания дальнейших мероприятий, в формальных актах. Прежде всего следует отметить, что духовенство, участвовавшее в деле под Зарой, скоро почувствовало

угрызения совести и искало способов, как бы оправдать недостойный поступок. Мы видели уже, что легат папы не участвовал в этом деле и отправился в Рим. Следовательно, папа Иннокентий III своевременно получил донесение о движении на Зару. Вот в каких выражениях он высказался по поводу совершившегося факта в письме к крестоносцам: “Увещеваем вас и просим не разорять больше Зары. В противном случае вы подлежите отлучению от церкви и не воспользуетесь правом индульгенции.” Но и этот в сущности очень мягкий и уклончивый выговор папа смягчает следующим, скоро за ним присланным, разъяснением: “Слышал я, что вы поражены угрозой отлучения от церкви, но я дал приказ находящимся в лагере епископам освободить вас от анафемы, если искренно покаетесь.” Нечего и говорить, что папа имел авторитет и мог бы наложить интердикт на все предприятие, если бы он уже не связал себя ранее согласием смотреть сквозь пальцы на подготовлявшуюся авантюру.

В январе 1203 г. в Зару официально явились послы от короля германского и от византийского царевича Алексея. Здесь получили формальное утверждение два акта: 1) союз между германским королем и царевичем Алексеем; 2) договор между Венецией и крестоносцами о завоевании Константинополя. Все то, что в течение 1201 и 1202 гг. составляло секрет для рыцарей и простых воинов и что было обдумано Филиппом, Иннокентием III, Бонифацием и Генрихом — все это всплыло теперь наружу. Филипп делал следующее предложение крестоносцам: “Сеньоры! Я посылаю к вам брата моей жены и вручаю его в руки Божии и ваши. Вы идете защищать право и восстанавливать справедливость, вам предстоит возратить константинопольский трон тому, у кого он отнят с нарушением правды. В награду за это дело царевич заключит с вами такую конвенцию, какой никогда и ни с кем империя не заключала и кроме того окажет самое могущественное содействие к завоеванию Святой Земли. Если Бог поможет вам посадить его на престол, он подчинит католической церкви греческую империю. Он вознаградит вас за убытки и поправит ваши оскудевшие средства, выдав вам единовременно 200 тысяч марок серебра, и обеспечит продовольствие для всей армии. Наконец, вместе с вами он пойдет на Восток или предоставит в ваше распоряжение корпус в 10 тысяч человек, который будет содержать за счет империи в течение одного года. Сверх того даст обязательство всю жизнь содержать на Востоке отряд в 500 воинов.” Это предложение было подкреплено актом согласия царевича Алексея на означенные условия.

Совершенно справедливо, что такой конвенции не заключала еще империя: предлагаемые условия были лестны для папы, ибо подчиняли греческую церковь католической, были весьма выгодны для вождей, ибо обеспечивали им хорошую сумму, наконец соответствовали целям крестового похода, ибо обязывали византийского императора к походу в Святую Землю с десяти тысячным корпусом. В предложениях есть один невыясненный момент — это интересы Венеции, она как будто совершенно забыта. В официальном акте, прочитанном в собрании всех крестоносцев, особое вознаграждение Венеции, пожалуй, было неуместно; о нем было сказано в секретном письме, врученном дожу. Венеции обещалась единовременная взятка в 10 тысяч марок и, кроме того, вознаграждение всех убытков, понесенных венецианскими купцами за последние 30 лет. К чести рыцарей и баронов нужно сказать, что многим из них казалось бесчестным подписаться под этой конвенцией. Но тогда Бонифаций подводит к столу, на котором была разложена конвенция, нескольких князей, согласием которых заручился ранее, и они дают свою подпись. Говорят, что всего получилось 12 подписей. Но так как простой народ и второстепенные рыцари волновались

и протестовали, то их успокоили объявлением по лагерю, что Египет составляет ближайшую цель дальнейших предприятий.

Приведенным секретным соглашением между германским королем и Венецией последней гарантировалось возмещение убытков за последние 30 лет. По этому поводу нужно сделать несколько объяснений. В XII в. Венеция играла роль первой морской державы в Средиземном море, торговые интересы тесными узами связывали ее с Византией, где она имела рынки для сбыта своих товаров. Все усилия венецианских государственных деятелей направлялись к тому, чтобы извлечь больше выгод из империи и устранить всякого рода конкуренцию в портах Средиземного и Черного морей. Но должно сказать, что и империя со своей стороны находила интерес поддерживать Венецию, ибо последняя владела таким флотом, какого у империи не было, и имела много случаев как оказывать Византии услуги, так и наносить большой вред. Сознывая свою морскую силу, Венеция выхлопотала себе от византийского правительства такие привилегии, при которых ей легко было завладеть экономическими средствами страны и взять в свои руки производство и торговлю. Пользуясь правом селиться в Константинополе, заводить фабрики и конторы в портах и беспощадно торговать в империи, Венеция могла хозяйничать в Византии по своему усмотрению, свободная от полицейского и таможенного надзора и от всякой конкуренции. Если венецианцы зазнавались и становились очень строптивы, Византия грозила им отменой привилегий и открытием своих рынков исконным соперникам Венеции генуэзцам и пизанцам. Так, за 30 лет до занимающих нас событий, в 1172 г., желая дать урок венецианцам, царь Мануил наложил арест на имущество венецианской колонии, проживавшей в Константинополе, причем до 20 тысяч венецианцев потеряли свои товары и недвижимую собственность. Хотя правительство скоро затем и обязалось вознаградить республику за убытки, но фактически оно не в состоянии было исполнить это обязательство. Через десять лет, в 1182 г., снова повторилось разграбление венецианской колонии, причем константинопольская чернь дошла до чрезвычайного варварства: грабила и расхищала имущество пришельцев, многие из венецианцев были убиты или проданы в рабство. С того времени Венеция имела непримиримую вражду к грекам и выжидала лишь удобного случая свести с ними счеты. В 1187 г., заключая с Византией оборонительный и наступательный союз, Венеция вставила в договор и статью о возмещении убытков, которые возросли теперь до громадных цифр. Уплата по этому старому счету с Византией и гарантирована была упомянутым секретным соглашением между королем и дожем.

В первой половине апреля крестоносцы снова были посажены на суда и направились к острову Корфу, где состоялось формальное представление вождям греческого царевича Алексея. Он легкомысленно уверял вождей, что предпринятое ими дело не встретит никаких препятствий, что в константинопольских портах его ждет флот в 600 кораблей и что население империи ожидает его с распростертыми объятиями. Царевич старался пустить пыль в глаза роскошью и щедрыми подачками. Но так как казны с собой было у него мало, то он давал расписки и подписывал денежные обязательства. Мы знаем, что к нему предъявлено было потом разных обязательств на сумму в 450 тысяч марок (до 9 миллионов руб.), и можно смело сказать, что эти обязательства были сделаны в Корфу на подкуп отдельных рыцарей. К 25 мая были улажены частные затруднения, и крестоносцы пошли на Константинополь.

В конце июня крестоносный флот с царевичем Алексеем был у Константинополя. Главные вожди уже теперь могли убедиться, что задача их возвратить царский трон царевичу Алексею не так легка, что царевич сильно преувеличивал и расположение к нему

греков, и готовность константинопольской армии и флота стать на его сторону по первому же приглашению крестоносцев. Напротив, казалось, что греки враждебно относились к царевичу, островитяне не хотели давать ему присяги, а в Константинополе принимали в шутку его притязания. Крестоносцам предстояло начать с враждебной демонстрации, а этого им хотелось избежать ввиду сравнительной слабости их сил.

Что касается оборонительных мер, принятых царем Алексеем III, то в этом отношении вся надежда возлагалась на крепкие стены и недоступность столицы с моря. Само собой разумеется, никому и в голову не приходило, чтобы какая-нибудь горсть латинян в 30 с небольшим тысяч могла серьезно угрожать защищенному крепкими стенами городу, насчитывавшему до миллиона населения. Самая слабая сторона защиты была в отсутствии флота. Со времени оборонительного и наступательного союза с Венецией в 1187 г., возложив обязанность морской службы на венецианцев, Византия довела свой военный флот до минимума. Хотя деньги на устройство флота собирались, но они шли по карманам чинов адмиралтейства, тогдашний адмирал флота Стрифна³⁷ крайне злоупотреблял своей властью, и в византийских доках оказалось всего 20 кораблей, да и то негодных к делу. Константинопольский гарнизон не был доведен до такой численности, чтобы быть в состоянии защищать все городские укрепления. Ввиду такого положения дел царь Алексей III ограничился выжидательными мерами.

Крестоносцы пристали к азиатскому берегу, запаслись там продовольствием, пограбив окрестности, и решились 8 июля принудить византийцев к принятию на царство царевича Алексея. Главные условия крестоносцев были направлены на Галатскую башню и на цепь, запирающую вход в Золотой Рог. Этот знаменитый залив, врезающийся в город и разделяющий его на две части, представлял собой самое место защиты по случаю непригодности флота. Призвав на службу охотников и собрав свою гвардию и часть войск из ближайших окрестностей, Алексей располагал 70 тысячами войска. Но, как видно, этому войску недоставало организации, потому что оно не могло отстоять натиска крестоносцев, высадившихся с кораблей и действовавших уже не конях. Башня Галата была взята, и в то же время прорвана цепь, заграждавшая вход в Золотой Рог. Этим в сущности обеспечивалось командование городом, потому что крестоносцы могли теперь сделать высадку где угодно. И они действительно расположились лагерем у Влахернского дворца. Население Константинополя было крайне встревожено нерешительностью царя. Духовенство в своих проповедях и уличные ораторы прямо обвиняли правительство в измене и возбуждали народ постоять за веру, которой угрожали латиняне. Под влиянием общего недовольства Алексей III решился сделать вылазку на 17 июля; сначала осаждающие были отбиты со стороны Галаты и Влахернского дворца³⁸, но греки не воспользовались победой и по приказанию царя возвратились под защиту стен, не нанеся существенного вреда неприятелю. Когда вылазка окончилась неудачно, Алексей III решился на постыдное бегство из Константинополя, где он оставил жену и детей³⁹.

Бегство Алексея развязывало крестоносцам руки, ибо они, по-видимому, только того и добивались, чтобы посадить на престол своего царевича Алексея. Но утром 19 июля в городе начались волнения. На место бежавшего Алексея III толпа провозглашает царем слепого Исаака и приводит его из тюрьмы во дворец. Это уже было совершенно вопреки ожиданиям крестоносцев и усложняло для них дело, ибо вследствие возведения на престол Исаака становилась излишней осада города и дальнейшие вымогательства. Греки сейчас же оповестили латинян о происшедшем и приглашали царевича Алексея разделить власть с отцом. Но выступал на очередь вопрос о денежных обязательствах: кто же будет

платить? Крестоносцы задержали у себя царевича и отправили четырех депутатов к Исааку спросить его, намерен ли он вознаградить их за услугу, оказанную в пользу его сына. Исаак спросил о сумме и ответил: “Конечно, вы оказали такую большую услугу, что за нее можно бы отдать и всю империю, но я не знаю, из чего вам уплатить.” С июля по конец августа шли переговоры по разъяснению трудного вопроса о денежных обязательствах. Крестоносцы вынуждены были выпустить Алексея Исааковича в Константинополь, надеясь при его помощи побудить царя ратифицировать договор. Старик Исаак долго колебался, наконец дал свою подпись. Первого августа царевич Алексей объявлен был императором, и с этого времени для него начинаются ужасные затруднения по выполнению договора.

Правительство оказалось в крайнем затруднении ввиду недовольства греков по поводу своеволия и дерзости латинян и ввиду бесцеремонных вымогательств новых и новых взносов. С большим трудом, посредством конфискации имущества приверженцев прежнего правительства, посредством присвоения церковных ценностей и переплавки памятников искусства, Исааку удалось реализовать 100 тысяч марок. Эту сумму следовало разделить поровну между венецианцами и французами, последним осталось из нее очень мало, ибо они должны были выплатить Венеции 34 тысячи марок за провоз. Первый взнос был сделан в сентябре, но он не удовлетворил крестоносцев, которые требовали следующих взносов, а Исаак положительно не знал, откуда их взять. Прямым последствием этого было соглашение между Исааком и Дандоло, по которому крестоносцы обязались на год продлить свое пребывание в Константинополе, дабы, как говорилось официально, утвердить на престоле Исаака, на самом же деле, чтобы получить всю сумму по обязательствам царевича.

Положение однако ухудшалось со дня на день. Хотя теперь крестоносцы не были осаждающей армией, а скорей наемниками на службе империи, но квартал, где они расположились, был местом, мимо которого ни один грек не мог проходить хладнокровно. Между греками и латинянами происходили частые свалки, все иностранцы, проживавшие в Константинополе, заподозрены в вероломстве и подвергались дневным нападениям и грабежу. Сам царевич Алексей сделался предметом ненависти и отвращения; и в самом деле, появляясь в латинском платье и окруженный иностранцами, он слишком оскорблял национальные чувства и возбудил против себя общее неудовольствие.

Когда выяснилось, что Исаак не может исполнить обязательства, крестоносцы поняли, что им придется снова прибегнуть к оружию. Дандоло всеми мерами старался ускорить развязку, указывая в лагере крестоносцев, что Исаак не внушает доверия и что положение его совсем не прочно. К концу 1203 г. правительство даже прекратило доставку съестных припасов латинянам, последние отправили к царю шесть уполномоченных с известием, что если не желают удовлетворять их требования, то они будут добывать свои права по своему усмотрению. “В нашей земле, — говорили послы, — есть обычай не прежде вступать с врагом в войну, как объявив ему об этом. Вы слышали наши слова, а теперь делайте, как заблагорассудится.”

В январе 1204 г. в Константинополе была подготовлена революция. Во главе движения находился царедворец Алексей Дука, по прозванию Мурзуфл⁴⁰, принадлежавший к партии тех государственных людей, которые желали порвать всякие отношения с крестоносцами. Организуя оборону города, он в то же время возбуждал народ и войско против царя Исаака. Старый и слепой Исаак, которого несчастье ничему не научило, больше дожил расположением латинян, чем популярностью.

В конце января монахи и рабочее население Константинополя стали собираться на площадях и поднимать вопрос об избрании нового царя. Исаак допустил при этом ошибку, предложив крестоносцам вступить в город для водворения порядка. Переговоры по этому деликатному делу поручены были Алексею Мурзуфлу, а он выдал тайну народу. Тогда начался полный мятеж, во время анархии Алексей Дука был избран царем, а Исаак не мог перенести горя и умер, сын же его был посажен в тюрьму и там убит.

Рассказанные события ставили для крестоносцев совершенно новые задачи и цели. За смертью царевича Алексея они теряли прямую цель похода на Константинополь, вопрос об уплате денежных обязательств теперь получал новое значение. Согласится ли Алексей Дука выполнить обязательства царей, на место которых он избран? По всем внешним признакам нет, потому что новый царь старался заслужить доверие населения и деятельно занимался укреплением стен, восстановлением разрушенных частей города, на предложение же уплатить деньги по контракту и ратифицировать другие статьи договора отвечал отказом. В марте 1204 г. имел место весьма любопытный договор между Бонифацием и Дандоло, имеющий предметом план раздела империи. Если предыдущие действия крестоносцев еще могут иметь для себя какое-нибудь оправдание, то с марта всякий вид легальности был уже оставлен. Акт, заключенный в это время, обращает на себя внимание именно тем, что он представляет зрело обдуманый план действий, от которого крестоносцы ни на йоту не отступили. Этим актом было решено: 1) взять Константинополь военной силой и установить в нем новое правительство из латинян; 2) город предать разграблению и всю добычу, сложив в одном месте, разделить полюбовно. Три доли из добычи должны идти на погашение долга Венеции и удовлетворение обязательств царевича Алексея, четвертая доля — на удовлетворение частных претензий Бонифация и французских князей; 3) по завоевании города, 12 избирателей, по 6 от Венеции и Франции, приступят к выбору императора; 4) тот, кто будет избран в императоры, получает четвертую часть всей империи, остальные делятся поровну между венецианцами и французами; 5) та сторона, из которой не будет избран император, получает в свою власть церковь св. Софии и право на избрание патриарха из духовенства своей земли; 6) договаривающиеся обязуются год прожить в Константинополе, чтобы утвердить новый порядок; 7) из венецианцев и французов избрана будет комиссия из 12 лиц, на обязанности которых будет лежать распределение ленов и почетных должностей между всеми участниками в походе; 8) все вожди, желающие получить лены, дадут императору вассальную присягу, от которой освобождается один лишь дож Венеции. За подписанием этого договора последовал подробный план распределения частей империи. Можно заметить, что этот план составляли хорошо знающие империю люди: на долю Венеции выпал самый лакомый кусок: приморские области, важные в торговом, промышленном и военном отношении. Так написана была история ближайших судеб империи.

Между тем, с той и другой стороны шли деятельные приготовления к окончательной развязке. В военном совете у латинян решено было сделать штурм со стороны Золотого Рога у Влахернского дворца. Выгода византийского положения заключалась в высоких стенах и рвах. Долго крестоносцы напрягали крайние усилия, чтобы засыпать рвы и подойти к стенам с лестницами, но сверху осыпали их градом стрел и камней. К вечеру 9 апреля была взята башня, и крестоносцы ворвались в город, но не посмели воспользоваться занятым положением и на ночь оставили позицию. В городе произошел третий, начиная со времени осады, пожар, истребивший две трети города. Второй штурм имел место 12 апреля, и

это был день взятия Константинополя. Алексей Дука, отчаявшись в благоприятном исходе, бежал; в городе началась паника, народ разбежался по отдаленным кварталам и организовал отчаянную защиту в тесных улицах, устраивая заграждения латинянам. Утром 13 апреля вступил в город Бонифаций, греки просили у него пощады, но он обещал войску трехдневный грабеж и не отменил своего слова.

Штурм Константинополя *Французская миниатюра*

Эти три дня грабежа при зареве пожара превосходят всякое описание. По истечении многих лет, когда все уже пришло в обычный порядок, греки не могли без ужаса вспоминать о пережитых сценах. Отряды крестоносцев бросились по всем направлениям собирать добычу. Магазины, частные дома, церкви и императорские дворцы были тщательно обысканы и разграблены, безоружные жители подвергались избиению. Счастливыми почитали себя те, кто успел в общей суматохе пробраться к стенам и бежать из города; так спаслись патриарх Каматир⁴¹ и сенатор Акоминат, который впоследствии картинно описал ужасные дни грабежа. В особенности нужно отметить варварское отношение латинян к памятникам искусства, к библиотекам и святыням византийским. Врываясь в храмы, крестоносцы бросались на церковную утварь и украшения, взламывали раки с мощами святых, похищали церковные сосуды, ломали и били драгоценные памятники, жгли рукописи. Многие частные лица составили себе богатства в это время, и потомство их в течение целых столетий гордилось похищенными в Константинополе древностями. Епископы и аббаты монастырей впоследствии подробно описали в назидание потомству, какие святыни и как приобрели они в Константинополе. Хотя они описывали историю хищений, но называли это святым хищением. Некто Мартин, аббат монастыря в Париже, вошел в эти дни в греческий храм, куда греки снесли из окрестных домов свои сокровища и святыни в надежде, что носители креста пощадят церкви Божии. Аббат, предоставив солдатам расправляться с толпой, искавшей защиты в церкви, сам стал обыскивать на хорах и в ризнице, не попадет ли чего поценней. Тут он наткнулся на старого священника и потребовал от него под угрозой смерти показать, где скрыты мощи святых и сокровища. Священник, видя, что имеет дело с духовным лицом, указал ему на окованный железом сундук, в который аббат запустил руки и выбрал то, что ему казалось более важным. Так аббату удалось похитить ковчежец с кровью Спасителя, кусочек дерева крестного, кость Иоанна Крестителя, часть руки св. Иакова. Такими святынями украшались западные церкви и монастыри.

А вот другой ряд наблюдений о деяниях других отрядов. “Заутра же солнцу восходящу внидоша во св. Софию и одраша двери и рассекоша эмболь окованный серебром и столпы серебряные 12, и 4 иконостаса и тябло иссекоша и 12 престолов, и преграды алтарных, а то все было из серебра, и со св. трапезы отодраша дорогие камни и жемчуг. Захватили 40 кубков и паникадила и светильники серебряные, им же несть числа. С бесценными сосудами похитили евангелие и кресты и иконы, последняя снимали с мест и отдирали с них ризы. А под трапезой нашли 40 кадей чистого золота, а на хорах и в ризнице и не сочтешь сколько взяли драгоценностей. Так обобрали св. Софию, св. Богородицу Влахернскую, идеже св. Дух схождаше по вся пятнице, и ту одраша, а о других церквах и сказать нельзя, яко без числа. Черниц и чернецов и попов облупиша, а некоторых избиша”⁴². Свирепостью и неумолимостью отличался более всех Бонифаций и сопутствовавший ему от-

ряд немецких крестоносцев; один из немецких графов по фамилии Катценелленбоген⁴³ по преимуществу запятнал себя поджогами.

Когда насыщена была жадность победителей, приступили к исполнению статьи договора о разделе добычи. Нельзя, конечно, думать, что все крестоносцы честно выполняли обязательство и показали все награбленное. Тем не менее, об оценке и той части, которая была показана, добыча французов простиралась на 400 тысяч марок (8 миллионов). По удовлетворении обязательств царевича Алексея и по выплате перевозной платы Венеции, остаток был разделен между крестоносцами: досталось каждому пехотинцу по 5 марок, кавалеристу — по 10, рыцарю по 20 (в дележе участвовало всего по 15 тысяч человек). Если принять во внимание еще долю Венеции, да долю главных вождей, то общая сумма добычи будет простираться до 20 миллионов рублей. Лучше всего о громадных богатствах, найденных в Константинополе, может свидетельствовать предложение венецианских банкиров взять на откуп всю добычу и выплатить по 100 марок каждому пехотинцу, по 200 кавалеристу и по 400 рыцарю. Но это предложение не было принято, ибо было сочтено невыгодным. Что касается памятников искусства, в которых крестоносцы не понимали толку, то в этом отношении никакие цифры не могут изобразить сумму вреда и порчи. Латиняне придавали некоторое значение только металлу, который переливали в слитки, а мрамор, дерево, кость шли нипочем. Только Дандоло оценил четырех бронзовых с позолотой коней на ипподроме, которые и доныне украшают портик св. Марка в Венеции.

Затем приступили к осуществлению второй статьи плана — об организации власти. Всех более на титул императора имел, конечно, права главнокомандующий походом Бонифаций. Но когда наступила пора выборов, то шесть избирателей от Венеции и шесть от Франции далеко не расположены были подать голос за итальянского князя. Бонифаций хотел было повлиять на избирателей тем, что заявил желание жениться на вдове Исаака, императрице Маргарите⁴⁴, но и это не помогло. Так как шесть венецианских избирателей естественно склонялись подать голос за своего дожа, то результат голосования непременно должен был решиться французскими избирателями, составленными наполовину из духовенства Шампани и прирейнских областей Германии. Но избиратели от Франции могли дать перевес только такому лицу, которое будет поддержано и венецианцами. Дандоло не желал титула императора, притом Венеция хорошо обеспечивала свои права другими статьями конвенции, вследствие этого окончательное решение в выборе переходило к венецианским избирателям. Для Венеции не было политического расчета усиливать маркграфа Монферратского, то есть северо-итальянского князя, который в будущем мог стеснять Венецию. Так выступила кандидатура графа Бодуэна Фландрского, который как более отдаленный владетельный князь представлялся менее опасным Венеции. При голосовании Бодуэн получил 9 голосов (6 от Венеции и 3 от духовенства прирейнского), Бонифаций только 3. Провозглашение Бодуэна последовало 9 мая.

Новое правительство с латинским императором во главе должно было осуществить теперь третью статью договора о выделении ленов и о разделе империи. Когда в сентябре подошли к этому вопросу, то нашли, что осуществить проект раздела в высшей степени нелегко. Действующая армия крестоносцев простиралась лишь до 15 тысяч, а между тем ей предстояло иметь дело с империей, в которой была парализована голова, но все другие члены обнаруживали еще признаки жизни. Провинции империи не признали совершившихся фактов: кроме двух императоров, Алексея III и Алексея V, бежавших во время осады, в ночь перед вступлением латинян в Константинополь, избран был еще новый импера-

тор Федор Ласкарис⁴⁵, который также бежал из города. Итак, нужно было считаться с тремя императорами, которые держались в провинциях.

Осенью 1204 г. латинское правительство предпринимает задачу подчинения империи, то есть походы в провинции с целью их завоевания. Нужно было удовлетворить ожидания всей массы крестоносцев по отношению к ленным владениям. Желающих получить лены было много, а раздавать пока было неоткуда. Между тем воины Христовы давно уже томились надеждой устроиться в областях империи как у себя дома, получить населенные земли во владение и отдохнуть от понесенных трудов. Правительство щедро раздавало титулы и звания, рыцари тщательно изучали карту империи и выбирали себе места по вкусу. Появились герцоги никейские, филиппопольские, лакедемонские, графы менее значительных городов, герцогства и графства проигрывались и выигрывались в кости. Выше сказано, что более удачно были обставлены интересы Венеции, она заранее обеспечила себе владение промышленными и торговыми центрами. Далматинское побережье, часть островов, приморские пункты в Сирии — все это была часть Венеции. Но не меньше было желания обеспечить себя и у других князей. Бонифаций, обманувшись в расчетах на титул императора, скоро понял, что и доставшаяся ему при дележе часть далеко не выгодна. По проекту на его долю выпадали восточные области. Но теперь, когда избран был в императоры Бодуэн, он нашел, что было бы лучше получить что-нибудь более верное на западе. Фамильные воспоминания тянули его к Македонии, именно к Солуни, где брат его, служивший в империи, имел земельные пожалованья. Когда он заявил Бодуэну, что охотно откажется от Востока в обмен на Солунский округ, то Бодуэн выразил по этому поводу неудовольствие. В самом деле, ему могли внушать серьезные опасения намерения Бонифация утвердиться в Солуни, ибо отсюда он мог доминировать в Греции, где имели лены французские рыцари, кроме же того, Бонифаций, как муж экс императрицы Маргариты, дочери венгерского короля, мог угрожать в союзе с венграми и самому Константинополю.

Таким образом, Бодуэн решительно высказался против предложения Бонифация, что породило охлаждение между вождями и угрожало усобицей. Но в то время как Бодуэн, предприняв экспедицию в Македонию, старался фактически распространить здесь свою власть, заставляя население присягать себе, Бонифаций перехитрил его дипломатическими переговорами с Дандоло. 12 августа 1204 г. состоялся акт продажи Бонифацием в пользу Венеции всех его прав и притязаний на области империи и на обязательства, данные царевичем Алексеем, за что Венеция выплатила ему единовременно тысячу марок серебра и обязалась дать ему лен на западе, доходы с которого равнялись бы 30 тысячам рублей. Впоследствии оказалось, что неназванный в формальном контракте лен был именно Солунский округ. Этим актом Бонифаций выигрывал очень много: 1) он получал европейскую область, расположенную у моря; 2) получал ее не как лен императора, которому, следовательно, не давал присяги на верность и с которым мог смело вступить даже в борьбу.

Итак, установление Латинской империи в Константинополе с осени 1204 г. может считаться совершившимся фактом.

Мне необходимо еще сказать несколько слов о возмездии, постигшем крестоносцев за содеянные ими злодеяния. Прежде всего, как понять то обстоятельство, что империя, военные силы которой простирались до сотни тысяч, пала под ударами горсти иноземцев, в пятнадцать с небольшим тысяч? Важнейшие факты Византийской истории всегда оставались загадкой, пока не было оценено значение славянской стихии в империи. В трудные исторические эпохи, обозначавшие крайнюю слабость Византии, необходимо в особенно-

сти тщательное исследование роли славянства. Посмотрим же, в каком отношении стояли греки к славянам и обратно при династии Ангелов. Самым выразительным в этом отношении фактом было освобождение Болгарии из-под власти Византии, начавшееся в 1185 г. и во время Четвертого крестового похода вполне уже совершившееся. Здесь, за Балканами, ожидала латинян неумолимая Немезида. Царь Иоанн Асень рядом удачных войн с империей не только освободил Болгарию от византийских гарнизонов, но и перешагнул за Балканы и завладел городами Фракии и Македонии со славянским населением. Ко времени латинского вторжения только треугольник между Константинополем и Адрианополем признавал власть империи, вся остальная часть Балканского полуострова тяготела к Болгарии. Вот причина того, что империя не могла стянуть к Константинополю европейские войска, морские же отношения с Грецией, островами и Востоком были для нее отрезаны за отсутствием флота. После завоевания латинянами Константинополя была одна живая сила, которая в состоянии была померяться с ними, — это болгары. Даже та уступчивость, с которой Исаак и Алексей вели себя по отношению к латинянам, и готовность, с которой они приняли услугу крестоносцев, находит себе объяснение в грозе, надвигавшейся с севера.

И крестоносцы, и болгары хорошо понимали, что им придется оспаривать друг у друга власть на Балканском полуострове. Был момент, когда Иоанн Асень питал надежду войти в соглашение с крестоносцами и полюбовно разделить империю. Но латинские вожди посмотрели на дело иначе и подвергли сомнению самую политическую свободу Болгарии, хотя Асень получил уже от папы королевский титул. Асень выступил тогда против крестоносцев с более широкими претензиями. Так как латиняне в упоении легкой победой слишком оскорбляли самолюбие греков, осмеивали их веру и обряды и посягали на обращение их в католичество, то многие знатные греки нашли справедливым перейти на службу к болгарскому царю и внушили ему такие политические и военные планы, каких сам он, может быть, не был в состоянии придумать. Прежде всего греки начали движение против латинян и организовали народную войну. Этим определился план Асеня выступить защитником православия и греко-болгарской народности против латинского преобладания и вместе с тем принять на себя задачу восстановления Византийской империи.

Между тем латиняне совершенно не догадывались о положении дел. Заняв некоторые города Балканского полуострова, Бодуэн и Бонифаций оставили в них небольшие гарнизоны и со всеми остальными силами пошли на Восток, чтобы и там водворить вновь пожалованных герцогов и графов в греческие города и области. Этим-то временем и пользуется Асень, чтобы поднять на борьбу и руководить народным движением. Оно приобрело громадную силу и сопровождалось поголовным истреблением латинян, так что последние совсем очистили Балканский полуостров и приносили вождям известие одно хуже другого. Это была роковая эпоха для латинян, точно также и для Болгарии. Напуганные дурными вестями с запада, крестоносцы прекратили свои военные операции против Никеи и Трапезунда и снова перевели свои силы на Запад. Это единственная причина, объясняющая образование на Востоке Никейской империи⁴⁶: не будь сделана в это время диверсия со стороны Асеня, никогда бы не могла образоваться на Востоке новая греческая империя со столицей в Никее, а если бы она не организовалась, то с XIII столетия на Востоке не было бы центра греческой национальности, и для Болгарии не было бы политического соперника.

Весной 1205 г. латинские вожди пошли против Иоанна Асеня. В битве под Адрианополем 15 апреля погиб цвет латинского рыцарства и взят в плен царь Бодуэн. Оставши-

еся в живых послали на Запад печальные известия о ходе дел и умоляли папу собрать новый крестовый поход.

Но этим не кончились невзгоды крестоносцев. Совершенно отрезанные от западных провинций, они заперлись в Константинополе и со страхом ожидали осады. Папа отказался проповедовать новый поход и рекомендовал регенту константинопольскому⁴⁷ искать союза и дружбы с болгарами. Для царя Асеня открывались неожиданные перспективы, весь Балканский полуостров был в его власти, ему оставалось сделать только шаг к завоеванию Константинополя. Почему Асень не сделал этого последнего шага? Здесь я нахожу еще поучительный урок, которых так много дает история греко-славянских отношений. Асень не удержался на высоте политического призвания, напротив, сделался орудием глухой, веками подготовлявшейся народной ненависти славян к грекам, дал полную волю этому чувству и смотрел сквозь пальцы, как его болгары и союзники их половцы стали обращать в развалины греческие города и поселения. Одна мера, не лишняя, впрочем, политического смысла, иначе не может быть названа, как мерой возмездия грекам. Известно, что греческое правительство часто практиковало систему переселений с востока на запад с целью ослабления на Балканах славянского элемента. Теперь Асень в свою очередь нашел полезным, чтобы дать место болгарам во Фракии и Македонии, переселить массу греков к Дунаю. Такие действия болгарского царя заставили греков призадуматься над той мыслью, лучше ли им будет под болгарским господством, чем под латинским. Эти колебания скоро решились против болгарского царя. Он потерял в греках самых полезных в данный момент союзников, и вместе с тем выпустил из рук Константинополь. В 1206 г. благоприятный момент был уже пропущен, против болгар стояли теперь греки в союзе с латинянами. Но царь Асень упорно отстаивал свои притязания, и в битве под Солунью пал другой герой Четвертого крестового похода, Бонифаций Монферратский. Только дож Венеции умер своею смертью в Константинополе в июне 1205 г.

Изложенный эпизод из истории отношений западной Европы к Востоку имеет глубокий исторический смысл. Не будем особенно настаивать на том, что никакая властная рука не поднялась в защиту попираемого ногами права, и ничей голос не высказался против издевательства над религиозным чувством народных масс. Властные люди были ослеплены страстью и действовали или под влиянием политических расчетов, или экономических и финансовых соображений. Уступим политическим деятелям их право следовать мотивам холодного расчета, но считаю, что история утратила бы свой образовательный и гуманный характер, если бы человеческие деяния не подвергались оценке со стороны других мотивов. Чувство справедливости до известной степени удовлетворено тем, что крестоносцы жестоко заплатились за свою неправду против греков. Неужели в начале XII в. деяние латинян не представлялось никому зазорным? Во время осады и взятия Константинополя был там один новгородец, который потом и сообщил свои впечатления летописцу. В Новгородской летописи “подвиг” крестоносцев сведен с пьедестала и представлен как возмутительное злодеяние. Русская точка зрения выдвигает нравственные мотивы и клеймит эту авантюру, называемую крестовым походом, как позорное дело. “Крестоносцы возлюбили золото и серебро, пренебрегли наказом папы и сплели темную интригу, вследствие которой царство греческое погибло жертвой зависти и вражды к нему со стороны Запада.”

Если изучение истории должно сообщать полезные уроки, то представленный в новгородской летописи урок гуманности, терпимости и любви к человеку нельзя не рекомендовать как национальное воззрение, которое тем больше ценно, что стоит совсем оди-

ноко и оказывается в полном противоречии с хвалебными латинскими и французскими описаниями Четвертого похода.

Примечания.

1 *Иннокентий III* (1160-1216) — папа римский с 1198 г., один из организаторов четвертого крестового похода. Папство в его правление достигло наивысшей светской и духовной власти.

2 *Виллардуэн, маршал Шампани* — Жоффруа де Виллардуэн (ок. 1150-1213), сын сира Вилэна ди Виллардуэна, хронист четвертого крестового похода. Маршал Шампани с 1185 г., участник третьего крестового похода и многих крестоносных кампаний. Автор хроники “Завоевание Константинополя.”

3 “*Теорией случайностей*” концепцию Виллардуэна первым назвал французский историк П. Риан (см. прим. 11).

4 *Mas-Latrie J.-M.-J.-L., Comte de. Histoire de l'île de Chypre sous le regne des princes de la maison de Lusignan.* 3 vol. Paris. 1852-1861. *Мас-Латри, Жак-Мари-Жозеф-Луи, граф де* (1815-1897) — французский историк, специалист по отношениям Европы и Востока в средние века.

5 *Энрико Дандоло* (1107-1205) — дож Венеции. В 1173 г., будучи посланником в Константинополе, был ослеплен по приказу императора Мануила I, но не совсем потерял зрение и в 1192 г. в возрасте 84 лет был выбран дожем. С помощью крестоносцев заложил основы морского могущества Венеции, был одним из руководителей четвертого крестового похода и участвовал в захвате Константинополя (1204 г.).

6 *Вильгельм Тирский* — Гийом Тирский (1130-1196), один из лучших историков крестовых походов; родился в Палестине в знатной французской семье, архиепископ Тира с 1174 г. Оставил “Историю крестовых походов,” охватывающую события 1095-1184 гг.

7 *Carl Hopf // Allgemeine Encyclopaedie der Wissenschaften und Kunste in alphabetischer Folge.* Hrgg. v. J. S. Ersch und J. R. Gruber etc. Th. 85. Leipzig. 1867. *Хонф, Карл* (1832-1873) — немецкий ученый-медиевист.

8 *Робер де Клару* — мелкий пикардийский рыцарь, участник третьего крестового похода, автор хроники “Завоевание Константинополя” (есть в русском переводе, см. список литературы).

9 *La Conquete de Constantinople* de Geoffroi de Ville-Hardouin. Publ. par Natalis de Wailly. Paris, 1874. *Вайи (Наталис де Вайи), Жозеф-Ноэль* (1805-1886) — французский эрудит и палеолог, с 1854 г. — хранитель рукописей Национальной библиотеки в Париже. Издал множество средневековых документов.

10 *Эунул* (Эрнул; ум. в 1229 г.) — франко-сирийский хронист, продолжатель “Истории крестовых походов” Гийома Тирского, оруженосец Бальана д'Ибелена.

11 *Riant P.-E.-D., Comte de. Innocent III, Philippe de Souabe et Boniface de Montferrat.* Examen des causes qui modifierent, au detriment de l'empire grec, le plan primitif de la quatrieme croisade. Extrait de *Revue des Questions Historiques.* Paris. 1875. *Риан, Поль-Эдуар-Дидье, граф де* (1836-1888) — французский эрудит, специалист по истории крестовых походов, основатель “Общества латинского Востока” (1875 г.).

12 *Филипп Швабский* (1178-1208) — германский король с 1198 г., из династии Гогенштауфенов. Младший сын Фридриха I Барбароссы.

13 *Бонифаций Монферратский* (ок. 1150-1207) — Бонифаций II, маркграф Монферратский с 1192 г. Сын Вильгельма III, брат короля Конрада Иерусалимского. После захвата Константинополя крестоносцами основал в Южной Греции королевство Фессалоникийское, женившись на вдове Исаака II Ангела Маргарите Венгерской. Погиб в одной из стычек с болгарами.

14 *Алексей Комнин, родной брат королевы германской* — император Византии Алексей IV Ангел (1182/83-1204). В 1203 г. был возведен на престол вместе с отцом, ослепленным Исааком II, при большой помощи Бонифация II Монферратского и других крестоносцев. Однако его ориентация на Запад вызвала восстание, в ходе которого он был убит. Его сестрой была Ирина, жена короля Германии Филиппа Швабского.

15 *Winkelmann E. Philipp von Schwaben und Otto IV von Braunschweig.* Leipzig. 1873. *Винкельман, Эдуард* (1838-1896) — немецкий историк-германист, профессор Гейдельбергского университета.

16 *Klimke C. Die Quellen zur Geschichte des vierten Kreuzzuges.* Th. 1. Breslau. 1875.

17 *Streit L. Beitrage zur Geschichte des vierten (4.) Kreuzzuges gegen Konstantinopel.* Anklam, 1877.

18 Напомним, что книга была написана в конце XIX века. В то время Османская империя находилась в полукOLONиальной зависимости от Англии, чего, конечно, все-таки нельзя сказать об отношениях Византии и Венеции.

19 *Мануил и Андроник Комнины* — императоры Византии Мануил I (1143-1180) и его двоюродный брат Андроник I (1183-1185), активно боролись с венецианским присутствием в Константинополе и на Востоке в целом.

- 20 Hanotaux G. *Les Venitiens ont-ils trahi la chretienť en 1202?* Extrait de *Revue Historique*. Paris, 1877. *Аното*, Альбер-Огюст-Габриэль (1853-1944) — французский историк и политический деятель, дипломат; с 1898 г. отошел от политики.
- 21 *Fontes Rerum Austriacarum //Österreichische Geschichtsquellen*. II. Abteilung: Diplomataria et acta. Urkunden zur alteren Handels- und Staatsgeschichte der Republik Venedig mit besonderer Beziehung auf Byzanz und die Levante. Vom 9. bis zum Ausgang des 15. Jahrhunderts. 1. Teil (814-1205). Von Dr. G. L. Fr. Tafel und Dr. G. M. Thomas. Bd. XII. Wien. 1856.
- 22 *Дож Пьетро Циани* (ум. в 1229 г.) — сын дожа Себастьяна Циани, дож Венеции с 1205 г. Наследовал Энрико Дандоло.
- 23 Riant P.-E.-D., Comte de. Le changement de direction de la 4e croisade, d'apres quelques travaux recents // *Revue des Questions Historiques*. Janvier 1878.
- 24 Heyd W. *Geschichte des Levantehandels im Mittelalter*. Stuttgart: Cotta. 1879. 2 Bd.
- 25 *Алексей Ангел* — Алексей III Ангел-Комнин (ум. в 1210 г.), византийский император с 1195 по 1203 гг. Пришел к власти, свергнув своего брата Исаака II. Низложен крестоносцами.
- 26 “*Образование Второго Болгарского царства*” — докторская диссертация Ф. И. Успенского, защищенная им в 1879 г.
- 27 В. Г. *Васильевский* (1838-1899) — выдающийся русский византист.
- 28 *Гвельфы и гибеллины* — названия двух враждебных политических лагерей, первый из которых поддерживал род Вельфов и, соответственно, защищал интересы папства, а второй стоял за династию Гогенштауфенов и интересы императорской власти в Италии. Лидером гвельфов в данный период был Оттон IV Брауншвейгский, поддерживаемый папой Иннокентием III и боровшийся за корону с гибеллинским королем Филиппом Швабским из рода Гогенштауфенов. Оба носили титул короля Германии, который оспаривали друг у друга в течение десяти лет (1198-1208), пока Филипп не был убит.
- 29 *Тибо, граф Шампани* — Тибо III (1179-1201), сын Генриха I и Марии Французской, сестры Филиппа II Августа, граф Шампани и Бри с 1198 г. Хотел принять участие в крестовом походе, но умер во время подготовки к нему. Мнение, что он был назначен главнокомандующим походом (см. дальше), опровергнуто современными историками.
- 30 *Людвик Блуаский* — Людвик, граф Блуа и Шартра (1171-1205), сын Тибо Доброго, брата Генриха I Шампанского, и Алисы Французской, второй сестры Филиппа II Августа. Один из главных военачальников крестоносцев. Герцог Никейский с 1204 г. Погиб в сражении с куманами при Адрианополе.
- 31 *Балдуин, граф Фландрии и Геннегау* — Балдуин IX (1171-1205), сын графа Геннегау (Эно) Балдуина V и Маргариты Эльзасской, графини Фландрии, граф с 1194 г. Один из вождей крестоносцев. После захвата Константинополя был провозглашен императором Латинской империи (1204 г.). В 1205 г. потерпел поражение от болгар при Адрианополе и был захвачен в плен, где и умер.
- 32 См. прим. 29.
- 33 *Вильгельм* — Вильгельм III Старый, маркграф Монферратский (1135-1188), сын Ренье I и Жизели Бургундской. В 1147 г. сопровождал Конрада III во втором крестовом походе. В 1154 г. поддержал императора Фридриха I Барбароссу против Ломбардской лиги. Известно также, что он вновь вернулся в Святую землю и был взят в плен в битве при Хаттине (1187 г.).
- 34 *Ренье* — Ренье (Рене) Монферратский (1162-1183), младший сын Вильгельма III, был известен редкой красотой. В 1180 г. женился на Марии, дочери византийского императора Мануила I Комнина, который утвердил за ним титул кесаря и отдал в фьеф Фессалонику. Вмешавшись в политическую борьбу в Византии, способствовал приходу к власти в 1183 г. Андроника I Комнина, по приказанию которого был вскоре умерщвлен вместе с женой.
- 35 См. пред. прим., а также прим. 14 к гл. IV.
- 36 *Венгерский король* — Генрих (Имре) Арпад (1196-1204).
- 37 *Адмирал флота Стрифна* — Михаил Стрифн был женат на сестре императрицы Евфросинии, жены Алексея III Ангела.
- 38 *Влахернский дворец* — излюбленная резиденция Комнинов, расположенная рядом с заливом Золотой Рог.
- 39 Император Алексей III Ангел-Комнин от своей жены Евфросинии Дуки имел трех дочерей: Анну, Ирину и Евдокию.
- 40 *Алексей Дука... Мурчуфл* — византийский император Алексей V Дука (Морчуфль, Мурчуфл; ум. в 1204 г.). Встал во главе переворота, отстранившего от власти Алексея IV и Исаака II Ангелов, потворствовавших крестоносцам. Во время штурма Константинополя бежал вместе с императрицей Евфросинией и ее дочерью Евдокией, на которой женился. Попав в плен к Алексею III Ангелу, был ослеплен. Казнен крестоносцами.

41 *Патриарх Каматир* — Иоанн X Каматир, патриарх Константинопольский (1198-1206). Отказался признать верховенство католической церкви и созывать собор, посвященный объединению христианских церквей, вне Византии. Во время штурма Константинополя крестоносцами в 1204 г. бежал из столицы. Умер в изгнании. Был известен умом и красноречием.

42 *Первая Новгородская летопись старшего извода* (XIII в.). Современ. изд.: Библиотека литературы Древней Руси. СПб. 1997. Т. 5. С. 70-72.

43 Бертольд фон *Катценелленбоген* — немецкий граф-гибеллин; его участие в поджогах не доказано окончательно.

44 *Императрица Маргарита* — Маргарита Венгерская (1176-после 1207), дочь Белы III, вторая супруга Исаака II Ангела (с 1186 г.), в православии Мария. В 1204-1207 гг. — жена Бонифация II Монферратского, короля Фессалоник.

45 *Феодор Ласкарис* (ок. 1175-1222) — основатель и первый император Никейской империи с 1208 г., зять византийского императора Алексея III Ангела. В 1204-1205 гг. титуловался деспотом Nikeи.

46 *Никейская империя* (1204-1261) — государство на северо-западе Малой Азии со столицей в Nikee, созданное Феодором Ласкарисом (см. выше) после падения Константинополя. Перестало существовать с воссозданием Константинопольской империи.

47 *Регент константинопольский* — Генрих Фландрский (ок. 1174-1216), брат императора Латинского Балдуина I, которому наследовал после его смерти в 1206 г.

48 См. прим. 42.

6. Пятый Крестовый Поход.

Счет дальнейших крестовых походов точно не установлен. Одни под именем Пятого похода понимают и излагают поход детей, иногда присоединяя сюда же и поход короля венгерского, другие относят этот последний к Шестому походу, излагая его вместе с походом Фридриха. Тогда получается всего семь или восемь походов, если разделить на два отдельных походы Людовика. Соединяя в один рассказ поход Фридриха с крестовым походом венгерского короля Андрея и не разбивая на два отдела походы Людовика, мы сокращаем на два все число походов и получаем вместо семи или восьми шесть¹.

С начала крестовых походов прошло сто лет. В этот период Европа четыре раза напрягала все свои силы для осуществления своего грандиозного предприятия на Востоке, но ее силы таяли, не нанося существенного вреда мусульманам. Оказывается, что как ни были многочисленны крестоносные армии, они были недостаточны для достижения имевшейся в виду цели — ослабления мусульман и подчинения европейской культуре отдаленного Востока. Когда Четвертый крестовый поход открыл для европейской колонизации области Византийской империи, когда в Греции, в Македонии, Эпире и на островах обнаружилось новое поприще для добывания чести и славы, большая часть западных рыцарей нашла полное основание предпочесть более верное сомнительному и трудно достижимому в Сирии и Палестине. Вот причина, по которой Четвертый поход, расширив поле деятельности крестоносцев и отвлекши силы их от Востока на Византию, должен был сопровождаться весьма печальными последствиями для христианского дела на Востоке. Первоначальный расчет руководителей Четвертого похода — сделать из поработанной империи орудие для подчинения мусульманского Востока — оказался неверным, потому что потребовались новые жертвы, которые тоже должна была выставлять Западная Европа для удержания и обеспечения сделанных за счет Византии завоеваний.

Между тем и положение дел в Сирии требовало серьезного внимания. После смерти Саладина в 1193 г. начавшиеся в его семье раздоры отвлекли силы мусульман к внутренней войне, брат Саладина, Альмелик Аладиль², воспользовался начавшимися смутами

и соединил под своей властью Египет, Сирию и Месопотамию, получив от халифа титул “короля королей.” Вместе с этим против слабых и разрозненных христианских княжеств вновь выступила организованная сила, руководимая умным политиком и храбрым вождем. Титулярным королем Иерусалима был Генрих, граф Шампани³, владевший береговой полосой от Яффы до Тира и имевший в своем распоряжении небольшие отряды иерусалимских рыцарей, да тех крестоносцев, каких выставляли итальянские торговые республики. В Антиохии и Триполи правил один дом, так как с прекращением тулузского дома в Триполи в 1187 г. оба княжества соединились под властью Боэмунда III Антиохийского⁴. Но вместе с тем для обоих княжеств в соседней Киликии родился соперник. Здесь возвысился армянский владетельный дом в лице князя Льва II⁵, который своим обращением к римскому обряду создал себе на Востоке исключительное положение и расширил область своего политического влияния на соседние страны. Усвоив западноевропейские учреждения и обычаи, Лев II преобразовал свое княжество на франкский образец и ввел у себя феодалное устройство. Вследствие чего на службе у него появились западные рыцари, тамплиеры и иоанниты, а итальянские купцы охотно стремились в его княжество со своими товарами и заводили у него фактории. Словом, франкское влияние нашло в князе Льве II ревностного поборника и защитника, а для деятельности крестоносцев в его землях открылось широкое и почетное поле. Особенно обмен влияний увеличился с тех пор, когда Лев II женился на дочери антиохийского князя, а антиохийский князь женил своего наследника Раймунда на племяннице Льва. От этого последнего брака произошел Рувим⁶, будущий князь армянской Киликии и соседних областей, имевший законные притязания на господство в Антиохии. Политика Льва II несомненно отличалась большим умом, и не без основания его сравнивают с героем Первого похода Боэмундом Сицилийским : как тот, так и другой давали большое место армянскому элементу в европейском предприятии ослабить мусульманство и дать преобладание на Востоке христианам. На Западе вполне оценили политику Льва II. Папа Целестин III дал согласие на возведение армянского князя в королевское достоинство, а император Генрих VI обещал короновать его, когда прибудет на Восток, что и было исполнено в 1198 г., когда архиепископ Конрад Майнцский⁷ венчал Льва II королевским венцом.

Далее, на Востоке было еще кипрское королевство, перешедшее к западным князьям со времени завоевания острова Кипра Ричардом, управляемое королями из дома Лузиньянов. В 1195 г. кипрское королевство получил Амальрик⁸, брат Гвидо, бывшего короля Иерусалима, который также обещал подчинить остров римскому престолу и получил от папы и императора согласие на венчание его королевским венцом. Таким образом, к концу XII в. христианские владения в Сирии организуются в церковном и политическом отношении и вступают в тесный союз, который под влиянием папы и императора и вопреки интересам восточного православия Византийской империи готовится с новыми силами выступить против магометан. Всем этим планам и надеждам был нанесен непоправимый удар направлением и исходом Четвертого крестового похода.

Сирийские христиане, не получив своевременно большого подкрепления из Европы, продолжали влачить жалкое существование, тратя силы на внутреннюю борьбу. Несколько раз армянский король и антиохийский князь доходили до открытой войны, приглашая на помощь мусульман. Не лучше было и положение иерусалимского королевства и кипрского княжества. Когда после смерти Амальрика право на иерусалимское королевство перешло к его падчерице Марии-Иоланте⁹, а Кипр, — к его сыну Гуго¹⁰, в обеих областях назначено было регентство за малолетством правителей.

Повинуясь общему, никогда не угасавшему движению, на Восток продолжали прибывать небольшие отряды из разных стран, но ощущалась потребность в большом движении, в возбуждении нового крестового похода. За это дело взялся папа Иннокентий III. Тому, что во Франции и Германии крестоносное движение продолжало действовать на умы, доказательством служит беспримерное в истории обнаружение его в 1212 г. Во Франции и Германии экзальтация достигла такой напряженности, что вызвала движение среди детей. Тысячи подростков обоего пола в одежде пилигримов собрались в путешествие за море, чтобы исполнить то дело, которого Бог не удостоил совершить отцам их. Руководимые темными личностями, толпы детей добрались до Марселя и здесь были посажены на корабли. Часть их погибла от крушения на море, а часть продана в Египте мусульманам. Говорят, что Фридрих II¹¹ в 1229 г. возвратил свободу некоторым из этих несчастных. Подобным же движением увлечены были некоторые германские области, где также составилось ополчение из детей. Судьба этого последнего была несколько иная. Собравшаяся в Германии толпа в 20 тысяч мальчиков и девочек с большим трудом и потерями дошла до Бриндизи, но местный епископ оказал решительное сопротивление этой армии из детей и не допустил ее продолжать сумасбродное дело. Почти все участники этого похода погибли на обратном пути от истощения и болезней.

Несмотря на энергичные меры папы Иннокентия III, государи Европы с большим трудом поддавались проповеди о новом крестовом походе. Движение детей вновь расшевелило религиозное чувство. Не только во Франции и Германии, но также в Италии и Англии начали организовываться большие отряды, особенно когда папа приказал вербовать крестоносцев даже среди преступников и когда пущена была в обращение мысль, что господству Магомета скоро придет конец, так как из числа 666 лет, данных этому зверю по откровению Иоанна, истекло уже 600 лет. И политическое положение Германии, по-видимому, благоприятствовало осуществлению мечты папы. Здесь одержала наконец верх партия Гогенштауфенов, и король Фридрих II в 1215 г. дал обет участвовать в крестовом походе. На соборе в Риме был принят ряд мер по организации этого похода, который предполагалось осуществить к 1 июня 1217 г. Правда, со смертью Иннокентия III движение приостановилось, но все же поход осуществился, хотя и не в тех размерах, как это было задумано Иннокентием. Этот поход известен по имени венгерского короля Андрея¹², хотя в нем участвовали представители других национальностей, между прочим герцоги Леопольд Австрийский¹³, Оттон Меранский¹⁴ и граф Голландский Вильгельм¹⁵.

Наиболее любопытное явление в рассмотрении обстоятельств этого похода состоит в том, что собравшиеся под Акрой крестоносцы и контингенты от местных сирийских христиан заметно колебались в выборе места, на которое должны быть направлены их удары, для них, по-видимому, не было соответственной военной цели. Если пришлые из Европы крестоносцы не могли не иметь в мысли Иерусалима и освобождения святых мест, то в среде местных христиан преобладало мнение, что вопрос об Иерусалиме лучше всего может быть разрешен перенесением театра военных действий на Египет, откуда мусульманские властители Сирии черпали свои силы. Эта мысль уже была руководящей при первоначальной организации Четвертого похода, эта же мысль вновь поднялась с прибытием крестоносцев Пятого похода. На этот раз выставлялась Дамиэтта, как главный пункт, на который нужно направить военные операции. Само собой разумеется, это соображение могло бы считаться верным, если бы в нем не были замешаны частные интересы — желание итальянских республик получить возможность свободной торговли в Египте. Но и указанная цель, очевидно, не всеми считалась удовлетворительной. Делается три похода в

Сирию : к Тивериаде, к Фавору и к Бофору. Эти походы истощили силы христиан, заставили их потерпеть большие потери и в конце концов не привели ни к какому результату. Вследствие неудач король Андрей охладел к делу и, несмотря на брошенное на него отлучение от церкви Иерусалимским патриархом¹⁶, оставил Палестину и возвратился в Европу.

Весной 1218 г. крестоносцы приступили к осаде Дамиэтты, города, лежавшего на одном из рукавов Нила и игравшего важное торговое и военное значение. Осада Дамиэтты надолго сосредоточила на себе все внимание христиан и, как прежде осада Акры, ведена была с большой настойчивостью и упорством. Дамиэтта была окружена тройным рядом стен и кроме того пользовалась весьма выгодным в смысле защиты натуральным положением. Первые усилия крестоносцев были направлены против башни, с одной стороны защищавшей город, с другой же запиравшей осаждающим доступ к морю. Они устроили из своих судов подвижные плавучие машины, с которых пытались завладеть башней. Хотя первые приступы были неудачны, но христиане не теряли энергии, делали новые приспособления и усовершенствования в своих осадных орудиях и достигли того, что 24 августа часть башни была ими взята, и мусульманам не оставалось возможности продолжать сопротивление; это действительно был большой успех, который привел в смущение султана Альмелика Аладила и был причиной его смерти 31 августа 1218 г. Но христианам предстояло теперь иметь дело с городскими укреплениями, ибо взятие башни открывало им только отношения с морем и возможность прилива свежих сил из Европы. Надежды на новые подкрепления были причиной того, что осаждающие перестали подвергать себя новым опасностям, некоторые даже снялись с лагеря и возвратились в Европу. Правда, подкрепления приходили, но вместе с тем, преемник Аладила, сын его Алькамиль¹⁷, постарался ввести в Дамиэтту подкрепления и поддержать осажденных. Кроме того, перекинув мост через Нил выше Дамиэтты, он стал тревожить лагерь крестоносцев частыми и неожиданными нападениями. К этому присоединилось еще и то, что зимой в лагере крестоносцев начались болезни, погубившие значительную часть войск, а разлив Нила побудил их позаботиться о перемене расположения лагеря. В феврале 1219 г. крестоносцы действительно переправились на своих судах на другую сторону Нила, южнее Дамиэтты, и обложили со всех сторон город. Между тем Алькамиль, справившись с внутренними смутами, угрожавшими ему низвержением, вновь собрал подкрепления из Дамаска и подвел к Дамиэтте большие силы. Все лето прошло в непрерывных стычках под Дамиэттой, хотя решительного перевеса не имели ни христиане, ни мусульмане. Осажденные были доведены до крайней степени истощения, все попытки Алькамиля доставить им продовольствие оказались напрасными, тогда он вынужден был начать с крестоносцами переговоры.

Как ни дорого стоила крестоносцам продолжительная осада Дамиэтты, но все же можно было считать чрезвычайно счастливым то обстоятельство, что Алькамиль сделал предложение возвратить христианам королевство Иерусалимское, отдать животворящий крест, взятый Саладином, и освободить пленных христиан, если крестоносцы снимут осаду с Дамиэтты. С точки зрения целей Пятого похода это было бы весьма важное приобретение, с политической и военной стороны предложения султана не могли не представляться весьма лестными, так к ним и отнеслись военные люди в лагере крестоносцев. Но на беду в Пятом походе участвовал легат папы кардинал Пелагий¹⁸, считавшийся главнокомандующим и в обсуждении предположений Алькамиля давший перевес не военным и политическим соображениям, а церковным притязаниям. Его поддержали иерусалимский патриарх, рыцарские ордена и итальянцы, ставившие на вид торжество церкви, уничтожение преобладания неверных и предлагавшие продолжать войну до конца. Ближайшие события

как будто оправдали Пелагия и его партию, Дамиэтта была взята христианами 5 ноября 1219 г., причем они завладели громадной добычей.

Известия о падении Дамиэтты произвели сильное впечатление в Европе и доставили торжество церковной партии. Все думали, что теперь пришел конец мусульманскому господству в Египте и в Палестине. И действительно, палестинские мусульмане начали разрушать стены Иерусалима и уничтожать возведенные в Палестине укрепления и, казалось, потеряли надежду удержаться здесь. Но скоро оказалось, что взятие Дамиэтты само по себе не обеспечивало спокойствия ни в Египте, ни в Сирии. Дамиэтта была действительно ключом позиции, но занятие ее не обеспечивало за христианами господство в Египте. Если бы вслед за падением Дамиэтты христиане были в состоянии распространить свои завоевания в Нильской долине, тогда, конечно, Дамиэтта была бы важным приобретением. Но недостаток общей организации и отсутствие руководящей идеи сказались и теперь в христианском войске. Часть крестоносцев после взятия Дамиэтты возвратилась на родину. Оставшаяся часть и вновь прибывшие пилигримы не могли согласиться насчет того, как поступить дальше. Король Иерусалимский Иоанн¹⁹ желал присоединения Дамиэтты к иерусалимскому королевству, кардинал Пелагий не давал на это своего согласия и возбуждал против себя всеобщее недовольство в лагере своим высокомерием и желанием неограниченной власти. Кроме того, скоро обнаружилось, что легат Пелагий и его приверженцы были плохими полководцами и не знали, как воспользоваться плодами счастливой победы. Самым худшим было то, что крестоносцы продолжительное время оставались в бездействии, чем не только утратили выгоды своего положения, но и приготовили себе западню в завоеванном городе.

Пользуясь непростительной небрежностью крестоносцев и раздорами в их лагере, Алькамиль успел собрать новые подкрепления и построить сильно укрепленный стан в местности, господствующей над Дамиэттой (Мансура), откуда начал грозить христианам. Было уже поздно, когда в июле 1221 г. крестоносцы решились наконец перейти в наступление. Ближайшей их целью была Мансура, а потом Каир. Предприятие потому в особенности безнадежное, что оно начато было легкомысленно перед наступлением дождей и разлива Нила. Алькамиль снова повторил предложение мира и обещал христианам иерусалимское королевство, но строптивость Пелагия и на этот раз была причиной, что выгодные предложения были отвергнуты. Христиане расположились станом под Мансурой и стали укреплять свои позиции. Между тем вода в Ниле стала подниматься, что позволило египтянам перевести свои корабли в тыл крестоносцам, прервать их сообщение с Дамиэттой и окружить их. Продержавшись несколько дней в мучительном страхе и видя, что разлитие Нила угрожает их лагерю, они решились наконец прорваться через неприятельскую цепь и возвратиться в Дамиэтту 26 августа. Но здесь им грозили непроходимые болота, тучи неприятельских стрел и голодная смерть. В этом положении Пелагий отправил к Алькамилю послов и просил мира. Хотя мусульмане знали отчаянное положение крестоносцев и без труда могли бы перебить их, Алькамиль не хотел воспользоваться их положением, дабы не возбудить против себя европейцев и не привлечь в Египет их новые толпы для отмщения. Поэтому он сознательно держался с христианами умеренно и мягко. 30 августа 1221 г. был заключен мир на 8 лет, христиане обязывались очистить Дамиэтту, а мусульмане возвращали Животворящий Крест. Так печально кончилось предприятие против Дамиэтты.

Несчастный исход египетского похода чрезвычайно тяжело подействовал на европейских христиан. Он стоил много денег, вначале сулил блестящие результаты и неожи-

данно окончился позорным миром. Самое тяжелое разочарование испытывал папа, который в лице кардинала Пелагия распорядился этим походом и не мог не считать большим ударом для церкви постигшие крестоносцев неудачи. Но на этот раз нашлась очистительная жертва: в письме от 19 ноября 1221 г. папа обвинял в неудаче императора Фридриха II и угрожал ему отлучением от церкви, если он и впредь будет так легкомысленно относиться к данному слову, как делал до сих пор.

Фридрих давал обет в 1215 г. участвовать в крестовом походе столько же по религиозным, как и политическим мотивам. То обстоятельство, что по разным поводам он вынужден был откладывать исполнение своего обета, не возбуждало особенных неудовольствий папы до самого исхода дел под Дамиэттой. Справедливость требует сказать, что не предпринимая лично похода на Восток, Фридрих не далее как в 1221 г. послал в Египет очень значительные подкрепления и давал положительные обещания скоро начать поход. При таких условиях упрек, брошенный папой императору, не говоря уже о том, что был несправедлив по существу, заключал в себе еще весьма печальный факт, что Фридрих не будет иметь за себя духовную власть в предприятии, к которому серьезно готовился и которое едва ли кроме него кто мог осуществить. Тем не менее Фридрих не обратил внимания на вызывающий образ действий папы и продолжал сборы к крестовому походу. Назначенный для этой цели на 1222 г. собор в Вероне не состоялся не по вине императора. Собор в Ферентино в 1223 г. назначил сроком выступления в поход июнь 1225 г. В то же время Фридрих тесно соединил свои интересы с судьбами Святой Земли, дав согласие на брак с Изабеллой²⁰, наследницей иерусалимского королевства (от короля Иоанна и Марии-Иоланты). Так как на этом же соборе было определено, что все завоевания, какие на будущее время будут сделаны на Востоке, имеют войти в состав иерусалимского королевства, то и личные интересы императора требовали от него неотложного похода. Император и папа начали приготовления в широких размерах. Но когда пришел срок, оказалось, с одной стороны, что число изъявивших согласие принять участие в походе весьма недостаточно и что, с другой стороны, новые затруднения в Сицилии побуждали Фридриха отсрочить поход на Восток. Чтобы побудить папу к уступчивости, император послал к нему доверенных людей просить новой отсрочки. Гонорий²¹, сам находясь в затруднительном положении, не хотел раздражать императора и должен был согласиться на представленные ему доводы. В Сен-Джермано состоялось соглашение между папой и императором, по которому Фридрих давал клятву, что в августе 1227 г. он предпримет столько раз откладывавшийся поход и будет в течение двух лет содержать на свой счет 1060 воинов, или обязуется платить по 50 марок за каждого недостающего воина. Кроме того, император обещал приготовить 150 кораблей для перевозки крестоносцев в Святую Землю и выдать королю иерусалимскому, патриарху и магистру немецкого ордена 100 тысяч унций золота (около 2 миллионов руб.) на войну с неверными. Если бы какое из этих условий оказалось невыполненным, то император навлек на себя кару церковного отлучения. Как ни были суровы условия этого соглашения, Фридрих без борьбы дал на них согласие, считая себя удовлетворенным тем, что получил два года для устройства своих дел в Италии. Прежде всего он отпраздновал свадьбу с Изабеллой, наследницей иерусалимской короны, и объявил своему тестю, что намерен фактически воспользоваться своими правами короля иерусалимского. Это не понравилось королю Иоанну и оскорбило римскую курию.

Главнейшее внимание Фридриха было обращено на упрочение императорской власти в Италии. Но здесь ему предстояли серьезные затруднения столько же по отношению к светской власти папы, как и ввиду республиканских тенденций в среде северо-итальян-

ского союза городов. Папе чрезвычайно опасны были стремления Фридриха ввести в южную Италию систему монархического устройства, так как это нарушало его сюзеренные права. На каждом шагу стали возникать недоразумения то по поводу назначения на вакантные епископские кафедры, то по поводу отношений императора к северо-итальянским городам. Пока был жив папа Гонорий III, отношения между государством и церковью еще более или менее поддерживались, но когда в 1227 г. папой сделался Григорий IX²², дело дошло до полного разрыва. Для нового папы на первом плане стоял вопрос о том, чтобы осуществилось крестоносное предприятие, чтобы Фридриху не создавать затруднений, которые могли бы послужить для него отговоркой против личного похода в Святую Землю. Он помог ему устроить дело с ломбардским союзом и дружественными письмами поощрял его исполнить принятые им на себя обязанности “знаменосца христианства.” Император старательно готовился к походу. Летом 1227 г. в Южную Италию начали приходить отряды из Франции, Англии и Ломбардии, особенно много выставляла на этот раз Германия. Так как посадка на суда назначена была в Бриндизи, то в городе и его окрестностях сосредоточились громадные массы народа, среди которых скоро обнаружилось заболевание вследствие недостатка в съестных припасах, лихорадок и летней жары. Крестоносцы стали умирать тысячами, многие от страха возвращались назад. В начале сентября император посадил однако на суда 40 тысяч человек и через несколько дней сам последовал за отрядом. Но болезнь не пощадила и самого Фридриха, и его спутника ландграфа Людвиг Тюрингенского²³. Вследствие этого Фридрих должен был вновь высадиться на берег и по совету врачей отложил поход до выздоровления.

Григорий IX, не обращая внимания на обстоятельства и не выслушав объяснения послов императора, 29 сентября с церковной кафедры произнес отлучение против ослушников церкви. Вместе с этим церковь бросила вызов светской власти; конечно, Григорий IX не за то подверг императора отлучению, что он в назначенный им срок не выступал в поход, а за то, что папство видело во Фридрихе своего врага, что боялось в нем найти опасного соперника для своих светских прав и считало необходимым отделаться от него. В окружном послании, извещая весь христианский мир об отлучении императора, папа изложил свой взгляд на вину Фридриха. Этот документ пропитан такой страстностью, что в нем императору приписаны такие поступки, которых никто не мог поставить ему в вину. В нем говорилось, что Фридрих умышленно довел крестоносцев до голода и заразы под Бриндизи, чтобы не допустить похода, что самая болезнь его — притворство, что он изменник веры Христовой. Фридрих отнесся к вызову папы с достоинством и сознанием своей правоты. Не прибегая к резкости, он опроверг все обвинения папы и заявил, что поход будет исполнен в следующем году. Несмотря на то, что в апреле 1228 г. умерла его супруга Изабелла — обстоятельство, которое могло бы служить извинением и для новой отсрочки, он в июне сел на корабль, сопровождаемый проклятиями папы, утверждавшего, что император — слуга Магомета и что он не крестоносец, а разбойник, которого истинный сын церкви не должен слушаться. При таком положении дела предпринятый Фридрихом поход не мог рассчитывать на успех, и вина за то, что Фридрих оказался связанным по рукам и по ногам, должна быть всецело отнесена на счет папы.

Положение дел на Востоке было таково, что Фридриху нельзя было ожидать помощи от тамошних христиан, которым мстительный Григорий IX переслал акт отлучения Фридриха от церкви вместе с запрещением повиноваться его приказаниям. Тем не менее, по прибытии в Акру в сентябре 1228 г. император немедленно приступил к переговорам о возвращении святых мест христианам. Почва для этих переговоров была подготовлена

уже давно. Еще ранее он имел дружественные отношения с Алькамилом, еще в Сицилии он научился ценить арабов и имел при себе на службе многих мусульман. Таким образом, по прибытии на Восток император имел новые основания рассчитывать на переговоры с султаном Алькамилом и добиться от него решительных уступок. Он отправил к султану посольство с подарками и предлагал ему сдать христианам Иерусалим без войны. Султан ответил со своей стороны посольством и уверениями в дружбе, хотя уклонился от разрешения вопроса об Иерусалиме. Нужно было принять более решительные меры. С большим трудом победив упорство патриарха Иерусалимского и магистров рыцарских орденов, которые ссылались на акт отлучения Фридриха от церкви, он стал издавать приказы “во имя Бога и христианства” и тем побудил присоединиться к нему колеблющихся. Первая цель Фридриха была укрепить Яффу и сделать в ней укрепленный лагерь для действий против Иерусалима. Занимаясь приготовлениями к походу в Иерусалим, Фридрих продолжал обмениваться посольствами с Алькамилом и достиг того, что в феврале 1229 г. был заключен договор, которым мусульмане уступали христианам город Иерусалим с правом владеть им как своей собственностью, за исключением той части, где находится мечеть Омара ; в эту последнюю остается свободный доступ для мусульман. Кроме Иерусалима султан уступал христианам Вифлеем, Назарет и весь путь от Иерусалима к Яффе и Акре. Взамен Фридрих давал обещание защищать султана от всех его врагов, хотя бы то были и христиане, и не допускать, чтобы князя Антиохии, Триполи и других сирийских городов нападали на султана. Этот мир был заключен на десять лет.

Нужно признать, что Фридрих этим договором достигал того, что не могли достигнуть участники Третьего похода, что не удалось ни Фридриху I, ни папе Иннокентию III, чего напрасно добивались христиане более сорока лет. Так и отнеслись к этому договору те, которые стояли вне борьбы императора с папой. Но не так отнеслись к этому приверженцы папской партии, которые увидели в переговорах Фридриха с султаном прямую измену христианству и не останавливались ни перед какими наветами против императора. Прежде всего патриарх иерусалимский Герольд, иоанниты и тамплиеры с крайним раздражением отнеслись к этому акту. Когда император в марте 1229 г. вступил в Иерусалим, возложил на себя корону в церкви Святого Гроба и объявил манифестом о радостном событии возвращения в руки христиан Иерусалима, то патриарх объявил запрещение совершать богослужение в святых местах, пока в городе находится отлученный император, в то же время из Италии было получено известие, что папа освободил итальянцев от присяги императору и ввел войска в Сицилийское королевство. Фридриху нужно было поспешить с возвращением в Европу. Высадившись в Бриндизи, он скоро возвратил к повиновению отложившиеся от него города и затем нанес несколько поражений папским отрядам. Несмотря на новые отлучения и на призыв бороться против врага веры и церкви, папа не получил подкреплений, и голос его не возбуждал ревности в Европе. Ему пришлось подчиниться. 23 июня 1230 г. был заключен мир в Сан-Джермано, по которому Григорий IX освобождал Фридриха от церковного отлучения и признавал его заслуги в деле крестового похода. Со своей стороны император отказался от своих завоеваний в римской области и предоставил духовенству сицилийского королевства свободу выборов на епископские кафедры.

[*Крак де Шевалье*](#)

После удаления Фридриха из Палестины сейчас же обнаружилось, что созданный им на Востоке порядок не мог считаться обеспеченным. Прежде всего, христиане не могли спокойно владеть Иерусалимом, со всех сторон окруженным мусульманами, которые нередко нападали на европейских пилигримов, врвались в Иерусалим и ставили в большое затрудне-

ние христиан. Требовалась помощь извне, чтобы удержать Святые места. Затем среди сирийских христиан начались новые раздоры, которые частью имели своим основанием ряд мероприятий, по необходимости поспешных, какими Фридрих желал утвердить свою власть на Востоке. Так, в качестве иерусалимского короля император должен был оберегать интересы своего наследника Конрада²⁴, рожденного от Изабеллы, а между тем к иерусалимскому наследству предъявила притязания Алиса²⁵, мать Кипрского короля Генриха и внука прежнего иерусалимского короля Амальриха. Более серьезным соперником Фридриха выступил Иоанн Ибелин, владетель Бейрута²⁶, который имел сильных приверженцев среди местного дворянства и духовенства и явился в их глазах освободителем Востока от тирании Фридриха. Назначенные Фридрихом в Кипре и Иерусалимском королевстве наместники подверглись гонениям и притеснениям; против них призван был Иоанн Ибелин, который лишил их власти и начал вводить на Востоке новую систему управления. В 1231 г. Фридрих должен был послать в Иерусалим военный отряд для восстановления своих прав, но этот отряд встретил сопротивление в среде баронов и духовенства как в Иерусалиме, так и на Кипре. Правда, благодаря миру с папой, император имел на своей стороне авторитет церковной власти, и достиг того, что церковь Гроба Господня была открыта для богослужения, иерусалимское духовенство подчинилось его распоряжениям, а Конрад был признан наследником иерусалимского престола, но в общем состояние дел на Востоке было далеко не утешительное и не соответствовало тем громадным жертвам, которые понесены были европейским миром. Чтобы удержать Иерусалим в руках христиан, требовались еще новые жертвы.

Примечания.

1 Сейчас принято говорить о восьми крестовых походах: первом (1096-1099), втором (1147-1149), третьем (1189-1192), четвертом (1202-1204), пятом (1217-1221), шестом (1228-1229), седьмом (1248-1254) и восьмом (1270).

2 *Альмелик Аладиль* — см. прим. 41 к гл. IV.

3 *Генрих, граф Шампани* — Генрих II Молодой (ок. 1150-1197), сын Генриха I, старший брат Тибо III. В 1192 г. женился на вдове короля Иерусалима Конрада Монферратского Изабелле Иерусалимской, что позволило ему стать титулярным королем Иерусалима.

4 *Боэмунд III Антиохийский* — Боэмунд III (1145-1201), князь Антиохии с 1163 г., фактически являлся также правителем графства Триполитанского, поскольку его старший сын Раймунд наследовал Триполи (граф Раймунд IV в 1187-1200 г.) по воле последнего графа Триполитанского Раймунда III Тулузского, которому Раймунд Антиохийский приходился крестным сыном.

5 *Князь Лев II* (1185-1219) — повелитель Армении из рода Рубенидов (Рупенидов) с 1185 г., первый король Малой (Киликийской) Армении. Участник крестового похода Фридриха I Барбароссы. Находился в ссоре с Боэмундом IV Антиохийским из-за пограничных владений и добился заключения договора в свою пользу. В последние годы царствования вступил в конфликт с тамплиерами, которые способствовали его отлучению от церкви.

6 *Рувим* — Рубен, называемый также Рупеном (ум. 1222 г.), сын Раймунда IV Антиохийского, графа Триполи, и Алисы Армянской, племянницы короля Льва II. Наследовал отцу как граф Триполи под именем Раймунда V Рубена в 1200 г., однако в следующем году был смещен своим дядей и опекуном Боэмундом IV Антиохийским. В ходе долгой борьбы с ним (до 1219 г.) потерпел поражение и уехал в Армению.

7 *Конрад Майнцский* — Конрад Виттельсбах, брат герцога Баварского Оттона I, архиепископ Майнцский в 1162-1165 и в 1183-1200 гг. (в 1177-1183 гг. — архиепископ Зальцбургский).

8 *Амальрик* (Амори) II де Лузиньян (ок. 1155-1205) — король Кипра с 1195 г., брат короля Иерусалимского Гвидо Лузиньяна, которому наследовал в Кипрском королевстве. После смерти Генриха II Шампанского (1198 г.), женившись на его вдове Изабелле Иерусалимской, получил номинальный к тому времени титул короля Иерусалимского.

9 *Мария-Иоланта* Монферратская (ум. 1219 г.), королева Иерусалимская в 1205-1210 г. совместно со своим мужем графом Иоанном Бриеннским (см прим. 19). Дочь королевы Изабеллы Иерусалимской, дочери Амальрика I, и ее второго мужа маркграфа Конрада Монферратского, падчерица Амальрика II Лузиньяна.

10 *Гуго* — Гуго I (ок. 1195-1218), король Кипра с 1205 г. из династии Лузиньянов, сын Амальрика II и его первой жены Эскивы д'Ибелен.

11 *Фридрих II* (1194-1250) — германский король из династии Гогенштауфенов (с 1212 г.), император Священной Римской империи (с 1220 г.), король обеих Сицилий (с 1197 г.), сын Генриха VI и Констанции Сицилийской. В 1228 г. возглавил шестой крестовый поход (1228-1229), закончившийся передачей христианам Иерусалима и провозглашением императора королем Иерусалимским.

12 *Венгерский король Андрей* — Андрей II Арпад (1175-1235), наследовал своему племяннику Владиславу в 1205 г. Совершил неудачный крестовый поход в 1214-1216 гг.

13 *Леопольд Австрийский* — Леопольд VI Знаменитый (1176-1230), сын Леопольда V, герцог Австрии и Штирии, наследовал своему брату Фридриху I в 1198 г. Последовательно поддерживал династию Гогенштауфенов в борьбе с Вельфами и папством. Участвовал в походе против испанских мавров в 1212 г. и осаде Дамиетты в 1219 г.

14 *Оттон Меранский* — Оттон VII фон Андекс, герцог Меранский (1204-1234), наследовал своему отцу Бертольду IV. Граф Бургундский благодаря браку с Беатрисой Гогенштауфенской (с 1208 г.), маркграф Истрии (1215-1230). Брат королевы Франции Агнессы Меранской, второй жены Филиппа II Августа.

15 *Граф Голландский Вильгельм* — Вильгельм I (1190-1222), сын Флориса III, умершего во время третьего крестового похода. Участвовал в сражениях с маврами в Испании, осаждал Дамиетту в 1219 г.

16 *Иерусалимский патриарх* — Рауль де Меранкур, епископ Сидонский (1214-1225).

17 *Ал-Камиль* — Мелек Камиль (ал-Мелек ал-Камиль) (1180-1238), египетский султан с 1218 г., сын Малик ал-Адила (Малек-Аделя у Ф. И. Успенского) из рода Айюбидов, племянник Саладина. Успешно боролся с крестоносцами, отвоевав Дамиетту (1221 г.). В 1229 г. в результате мирного договора уступил императору Фридриху II Иерусалим. Его постоянные войны с другими мусульманскими государствами ослабили Египет, и после смерти султана власть здесь захватили мамелюки.

18 *Легат папы кардинал Пелагий* — Пелагий Кальвани (ум. 1240 г.), кардинал с 1206 г., епископ Альбано. Протеже Иннокентия III, который послал его легатом в экспедицию для осады Дамиетты (1219 г.).

19 *Король Иерусалимский Иоанн* (1148-1237) — Иоанн Бриеннский, сын французского графа Эрара II Бриеннского, титулярный король Иерусалимский благодаря браку с Марией-Иолантой Монферратской (см. прим. 9), император Латинский (1231-1237) и регент при малолетнем Балдуине II, обрученном с его дочерью Марией. Принимал участие во взятии Константинополя (1204 г.), безрезультатно пытался завладеть Иерусалимом в 1217-1222 гг.

20 *Изабелла* — Изабелла II Бриеннская (ум. 1228 г.), старшая дочь короля Иерусалимского Иоанна Бриеннского и Марии-Иоланты Монферратской. Наследница иерусалимской короны, в 1225 г. стала женой императора Фридриха II Гогенштауфена.

21 *Гонорий* — Гонорий III (ум. в 1227 г.), папа римский с 1216 г., в миру Ченчо Савелли. Короновал Фридриха II императорской короной в 1220 г., но тщетно пытался склонить его к крестовому походу.

22 *Григорий IX* (ок. 1148-1241) — папа римский с 1227 г., в миру Уголино ди Сеньи, племянник Иннокентия III и продолжатель его политики. В 1227 г. отлучил императора Фридриха II за его возвращение из крестового похода ввиду болезни.

23 *Ландграф Людвиг Тюрингский* — Людвиг IV Тюрингский, ландграф (1216-1227), канонизированный впоследствии, как и его жена Елизавета. Один из любимых персонажей легенд и преданий средневековой Германии.

24 *Конрад* — Конрад IV (1228-1254), сын Фридриха II и Изабеллы Бриеннской, германский король с 1250 г. В 1243 г., когда ему исполнилось 15 лет, враждебные Фридриху II бароны передали власть в Иерусалимском королевстве сначала Алисе Шампанской, королеве Кипра, а затем ее сыну Генриху I Лузиньяну.

25 *Алиса* — Алиса Шампанская (кон. XII-1246), дочь титулярного короля Иерусалимского Генриха II Шампанского и Изабеллы, дочери Амори I (Амальрика) Иерусалимского, жена короля Кипра Гуго I Лузиньяна. С 1218 г. была регентшей своего малолетнего сына Генриха I (ум. 1253 г.). В 1244-1246 гг. — регентша Иерусалимского королевства.

26 *Жан д'Ибелен*, владетель Бейрута — Жан I д'Ибелен (Ибленский), сир Бейрута (1200-1236), сын Бальана II д'Ибелена и Марии Комниной, вдовы Амори I Иерусалимского. В 1228-1232 гг. воевал с императором Фридрихом II за регентство над королем Кипра, малолетним Генрихом I, и одержал победу.

7. Шестой Крестовый Поход.

Заключенный между Фридрихом II и египетским султаном мир на десять с лишком лет обеспечивал спокойствие на Востоке. Хотя папа признал со своей стороны акт договора, но не переставал питать надежду на возбуждение нового крестового похода и употреблял все зависящие от него меры к тому, чтобы собирать пожертвования и шевелить мысль о святых местах среди европейских христиан. Вот почему, как только истек срок мира, в 1239 г. во Франции и Англии началось движение, во главе которого стояли король Тибо Наваррский¹, герцог Гуго Бургундский², графы Монфорский³, Бретанский⁴ и многие другие. Император оказал содействие французским крестоносцам, а папа, опасаясь, что этот поход послужит только к усилению императорской партии в Иерусалиме, высказался теперь против направления похода на Восток и указал другую цель: поддержание Латинской империи в Константинополе. Таким образом, цель двоилась в зависимости от интересов светской и церковной партий, и предприятие в самом начале обрекалось на неуспех. Одни из крестоносцев остались верны первоначальному плану и отправились в Сирию, другие отделились и подчинились указаниям папы.

Под Акрой французские отряды соединились с иерусалимскими войсками, но между теми и другими не было согласия, а главное, не хватало плана действий. Один отряд выступил без содействия тамплиеров и иоаннитов против мусульман, но при Газе потерпел полное поражение, причем был убит граф Барский⁵ и взят в плен граф Монфорский. За этим несчастьем последовало другое. Ободренные легким успехом при Газе, мусульмане решились на смелый шаг. Именно, один из мелких владетелей Сирии, Анназир Дауд, напал на Иерусалим, разрушил в нем укрепления и произвел страшное опустошение в городе. Это могло бы повести к полному уничтожению христианских владений в Палестине, если бы сами мусульманские властители не находились между собой в постоянной войне, которая давала христианам возможность держаться в занятых ими прибрежных местах. Мало помогло им и новое подкрепление из Англии под предводительством графа Ричарда⁶, племянника короля Ричарда Львиное Сердце. Но общее положение представлялось

настолько плачевным, что нечего было и думать о больших военных предприятиях. Вследствие чего Ричард отклонил предложение местных христиан вступить в союз с дамасским эмиром против египетского султана и ограничился тем, что занялся укреплением Акры и Яффы и возобновил мирный договор с султаном в феврале 1241 г. Хотя французы и англичане не предприняли на Востоке ничего важного и не изменили там бывшего до них положения дел, но все же возобновленный мирный договор с султаном обеспечивал их от самого серьезного врага. Нужно приписывать исключительно самим сирийским христианам ответственность за ближайшие события, так повредившие им. На Востоке, как и на Западе, борьба светской власти с духовной вызвала резкую вражду и сопровождалась образованием партий. Тамплиеры были озлоблены на иоаннитов и немецких рыцарей и с оружием в руках нападали на их владения. Сторону первых поддерживали венецианцы — самые сильные представители церковной партии. Сторонники римской курии задались целью уничтожить императорскую партию на Востоке и воспользовались для того первым случаем. В 1243 г. Конрад, наследник иерусалимской короны, достигший к тому времени совершеннолетия, потребовал от своих восточных подданных присяги на верность. Но они связались с кипрской королевой Алисой и предложили ей принять под свою власть иерусалимское королевство. Императорская партия, во владении которой был город Тир, не могла оказать сильного сопротивления соединенным войскам рыцарских орденов и венецианцев и вынуждена была сдаться в Тире. Кроме того, противники императорской партии, чтобы противодействовать Фридриху и его союзнику, египетскому султану Эйюбу⁷, заключили союз с султаном Дамаска и эмиром Керака (Анназир Дауд⁸), который недавно отнял у христиан Иерусалим. Правда, этот союз обещал христианам важные выгоды — они вновь получали в свое владение Иерусалим и даже без того ограничения, какое было в договоре Фридриха с Алькамилом, но подобные выгоды оказались призрачными, так как союз с сирийскими мусульманами не мог обеспечить христиан от могущественного египетского султана, имевшего в Сирии и Месопотамии приверженцев. Ближайшим следствием этого необдуманного шага было то, что султан Эйюб нанял себе на службу отряд ховарезмийцев — племени, кочевавшего сначала у Аральского моря и в XIII в. достигшего большой военной славы своими дикими наездами и необузданной храбростью. Ховарезмийцы выставили отряд в 10 тысяч всадников, который неожиданно явился в Палестине, повергая в ужас население и не давая никому пощады. Когда враг приблизился к Иерусалиму, патриарх Роберт⁹ ничего другого не мог придумать, как оставить город и спастись в Яффу. Когда остававшиеся в Иерусалиме христиане в страхе бежали из города, между ними вдруг разнесся слух, что на воротах оставленного города развевается христианское знамя. Это была коварная хитрость ховарезмийцев, действительно обманувшая многих. Беглецы возвратились в покинутый ими Иерусалим и здесь были окружены неприятелем, который погубил в этот день до семи тысяч человек, частью в городе, частью в окрестностях его по дороге в Яффу. Завладев Иерусалимом, дикие хищники перерезали в нем всех христиан, разграбили церкви и не пощадили могилы иерусалимских королей. Это случилось в сентябре 1244 г., и с этих пор Иерусалим окончательно и навсегда был потерян для христиан. Когда палестинские христиане опомнились от страшного удара и начали думать о средствах к спасению, ужасная орда ховарезмийцев опустошила Вифлеем и направилась к Газе, где соединилась с войсками египетского султана. Мусульманские союзники христиан, правда, прислали помощь, но рассчитывать на то, что мусульманские отряды будут ревностно сражаться с единоверцами, было бы слишком легкомысленно. Поэтому самым разумным решением в данных обстоятельствах было бы предоставить хищникам незащи-

ценные места и держаться под защитой Аскалонской крепости, пока неприятель перестанет находить добычу в опустошенной стране и не вынужден будет удалиться. Но на совете вождей одержало верх мнение иерусалимского патриарха Роберта, который требовал нападения на войско султана и его союзников. Битва под Газой 18 октября 1244 г., когда христиан покинули их союзники и когда они имели против себя несравненно превосходнейшие силы, обратилось в полное поражение и сопровождалось или избиением, или пленением всего христианского войска. После такой блестящей победы не могло быть сомнения, что сирийский союз, направленный против Египта, распадется. В 1245 г. султан Эйюб взял Дамаск и таким образом вновь восстановил единство мусульманского государства, которое основал Саладин и поддерживали Алькамиль и Аладиль. В 1247 г. он отнял у христиан Аскалон, так что владения их в Палестине ограничивались теперь Акрой и немногими другими приморскими городами. К довершению бедствий в это же самое время Антиохийское княжество сделалось добычей монголов. Ввиду указанных обстоятельств, которые поставили христианские владения на Востоке в крайне стесненное положение и угрожали лишить европейцев и последних укреплений, за которыми они еще держались, не оставалось никакого сомнения, что нельзя обойтись без нового и притом в обширных размерах предпринятого крестового похода. Известия о происшествиях в Святой Земле, своевременно доходившие в Европу, производили крайне удручающее впечатление, а между тем идея нового крестового похода долго не находила искренних приверженцев. В самом деле, Европа, по-видимому, уже утомилась от понесенных ею жертв, а римский папа имел более интереса к европейским событиям, где борьба светской власти с духовной привлекала к себе все его внимание, чем к положению христианского дела в Палестине. Умный и энергичный Иннокентий IV¹⁰, поощряя проповедь о крестовом походе и собирая для этой цели пожертвования, не раз указывал принявшим крест, что борьба с Гогенштауфенами не менее угодна Богу, что и поход в Святую Землю и спокойно обращал деньги, пожертвованные для крестового похода, на потребности борьбы с императорскими войсками. Нет ничего удивительного, что при таких обстоятельствах трудно было составить большому походу в Палестину.

В 1248 г. состоялся крестовый поход Людовика IX¹¹. Это было предприятие, скорее объясняемое личным характером короля, чем общественным настроением. Приближенные, напротив, всеми мерами пытались охладить аскетический пыл короля и объяснить ему бесполезность новых попыток достигнуть такой цели, которая явно неосуществима, в особенности ввиду того, что прочие христианские страны, занятые внутренней борьбой, холодно относятся к новому походу в Святую Землю. Крестоносное войско Людовик направил к острову Кипр, провел здесь осень 1248 г. и зиму следующего года и без сомнения под влиянием советов кипрского короля и представителей папской партии в Палестине принял роковое решение, бывшее источником неисчислимых бедствий. Именно, невзирая на урок, постигший крестоносцев в 1219 г. в Египте, Людовик решился вновь повторить попытку кардинала Пелагия “схватить быка за рога,” то есть напасть на султана в его египетских владениях. Весной 1249 г. Людовик выступил с огромным флотом в море и пристал к устьям Нила, растеряв в дороге вследствие морских бурь значительную часть кораблей. Высадка последовала там же, где в 1218 г. пристали крестоносцы Пятого похода, то есть близ Дамиэтты. Султан Эйюб лежал больной в Мансуре и потому на первых порах Людовика радовали неожиданные успехи. Так Дамиэтта была занята почти без сопротивления, и в ней было найдено много запасов и оружия. Но в дальнейшем христиан ожидала масса непредвиденных затруднений. С одной стороны, памяты были события

1219-1220 гг., когда разлитие Нила было причиной громадных бедствий, с другой продолжительная стоянка под Дамиэттой вредно отзывалась на дисциплине войска и давала время египетскому султану собирать свежие силы и тревожить христиан неожиданными нападениями на их лагерь. Когда стали обсуждать план действий в Египте, то выявилось крайнее несогласие в мнениях. Одни подавали голос за то, чтобы обеспечить прежде всего береговую полосу и завладеть Александрией, другие говорили, что когда хочешь убить змею, нужно прежде всего раздавить ей голову, то есть придерживались мнения о походе на Каир. В походе Людовика была повторена та же ошибка, какая была сделана кардиналом Пелагием. В ноябре французы снялись с лагеря и пошли вверх по течению Нила. Двигались они чрезвычайно медленно и вследствие этого пропустили благоприятный момент, какой им давала смерть султана Эйюба. Подойдя в декабре к крепости Мансуре, крестоносцы имели против себя не только значительные военные силы, но и сильное укрепление, которое можно было взять только при помощи осадных работ. Пока не явился к месту военных действий наследник Эйюба Тураншах¹², крестоносцы могли бы еще рассчитывать на некоторый успех, большим для них счастьем было то, что по указаниям одного бедуина они нашли брод через канал, отделявший их от Мансуры, и приблизились таким образом к стенам крепости. Осадные работы подвигались, однако, медленно, египтяне разрушали и жгли с помощью греческого огня то, что удавалось построить крестоносцам, кроме того делали вылазки и наносили осаждающим чувствительные поражения. В этих битвах погибли брат короля¹³ и множество французских рыцарей и тамплиеров. В конце февраля 1250 г. к Мансуре прибыл Тураншах с новыми войсками из Сирии, и положение христиан стало принимать серьезный характер. Первым его делом было передвижение флота в тыл крестоносному лагерю, вследствие чего христианское войско оказалось отрезанным от Дамиэтты, откуда оно получало продовольствие и военные запасы. Египетские партизанские отряды перехватывали французские караваны, отряды мамелюков стали делать дерзкие нападения на лагерь. Это сопровождалось большими неприятностями для христиан, у которых начался голод, а непривычная жара была причиной большой смертности. Ввиду этих обстоятельств Людовик решился проложить себе путь к отступлению в Дамиэтту в апреле 1250 г. Но это отступление происходило при условиях чрезвычайно неблагоприятных и сопровождалось почти полным истреблением крестоносного войска. При отступлении были захвачены в плен король Людовик и его братья Альфонс Пуату¹⁴ и Карл Анжуйский¹⁵ и с ними множество знатных рыцарей. Большая масса людей взята в плен и продана в рабство. Торжествуя победу, султан писал своему наместнику в Дамаске: “если хочешь знать число убитых, то подумай о морском песке, и ты не ошибешься.” Когда начались переговоры о выкупе пленных, король Людовик предоставил королеве¹⁶, находившейся в Дамиэтте, решение вопроса о своем выкупе и согласился без всяких споров выплатить громадную сумму до десяти миллионов франков за освобождение из плена рыцарей. По мирному договору с Тураншахом французы обязались очистить Дамиэтту и десять лет не возобновлять войны.

Несмотря на страшную катастрофу, какая постигла предприятие Людовика IX, несмотря на всю опасность, в которой оказались христианские владения после победы египетского султана, дошедшие в Европу известия не произвели уже такого впечатления, как это было в XII в. Европейцы изверились в дело крестовых походов и не хотели более делать бесплодных попыток. В то время, как большинство отпущенных на свободу из египетского плена рыцарей возвратилось на родину, сам Людовик отправился из Дамиэтты в Акру и здесь начал обдумывать меры к продолжению войны. Но можно ли было предпри-

нять что-либо решительное, когда все его воззвания не имели во Франции успеха и когда там решительно отказывались от похода на Восток? Еще четыре года Людовик оставался в Сирии, ожидая подкреплений из Европы, занимаясь усилением крепостей Акры, Яффы и Сидона и давая небольшие сражения. В конце 1252 г. умерла его мать Бланка¹⁷, правившая в его отсутствие Францией, и общий голос народа требовал, чтобы Людовик возвратился на родину. Король уступил наконец необходимости и летом 1254 г. отплыл из Сирии.

Судьба христианских владений зависела теперь исключительно от доброй воли мусульманских владетелей Сирии и Египта. Нельзя, впрочем, думать, что христиане вообще были лишены средств для энергичной борьбы. В руках у них находилось несколько городов, ведших большую торговлю и служивших посредниками в обмене европейских и азиатских товаров, в этих городах было много населения, владевшего богатствами и роскошью. Хотя боевая сила христиан была невелика, но все же военные учреждения и французский отряд, оставленный Людовиком, с прибавкой тех крестоносцев, которые ежегодно в небольшом числе прибывали из Европы, могли внушать мусульманам некоторое уважение. Вся беда заключалась в том, что христиане отвыкли думать об общих интересах, а руководствовались личной выгодой, в зависимости от случайных и минутных капризов меняли свою политику: сегодня дружили с мусульманами, а завтра переходили в лагерь их врагов. Тамплиеры и иоанниты ревниво следили друг за другом и часто вступали в открытую вражду между собой. Торговый люд, задававший тон жизни сирийским городам, отличался большой нравственной испорченностью и неприятно поражал вновь прибывшего. Самым большим бедствием для сирийских христиан было соперничество итальянских республик Венеции, Генуи и Пизы и их представителей на Востоке. Баилы этих республик, имевшие свои канцелярии во всех почти городах Сирии, представляли собой могучую аристократию, которая своим богатством и влиянием затмевала феодальных владетелей и находилась с ними в постоянной вражде. Можно утверждать, что торговые люди и торговые интересы были главной причиной, подточившей существование христианских владений. Одна война генуэзцев с венецианцами, веденная в 1256-1258 гг., стоила Акре 20 тысячи человек, кроме того громадное количество кораблей погибло в гавани Акры и на море. Эта война свирепствовала почти безостановочно в пятидесятые и шестидесятые годы XIII в. и увлекала как сирийских христиан, так и никейских императоров. По-видимому, все забыли, что эта борьба только приближает окончательный удар, который мусульмане готовились нанести христианским владениям. Когда монгольский хан Гугу¹⁸ вторгся в Персию и затем покорил Месопотамию и опустошил Сирию (1259 г.), часть христиан примкнула к монголам и тем возбудила крайнее раздражение среди мусульман, которые не могли им простить союз с их ожесточенным врагом.

Мусульманские владения Египта и Сирии вновь объединились под властью султана Бибарса¹⁹, который по своему значению и могуществу напоминает Саладина. Поставив главной целью своей политики дать преобладание мусульманству и окончательно уничтожить европейские владения на Востоке, Бибарс не пренебрегал для этого никакими средствами и хорошо воспользовался враждой и противоположными течениями, отмеченными им среди самих христиан. Так, он не упустил из виду важные события, готовившиеся в Никейской империи, и вступил в дружественные отношения с Михаилом Палеологом²⁰, отнявшим у латинян Константинополь. Так, он дорожил мирными отношениями с Манфредом Сицилийским²¹ и считал полезным поддерживать императорскую партию на Востоке. Явное нерасположение европейских христиан приносить новые жертвы для походов на Восток и равнодушие сирийских и палестинских христиан к общим интересам давало

султану Бибарсу полную возможность оценить сравнительные преимущества мусульман и воспользоваться благоприятным моментом, чтобы положить конец христианским владениям. В 1262 г. он предпринял первый поход в Сирию и потом в течение шести лет четыре раза повторял эти походы. Следствием его удачных войн было то, что он отнял у христиан Антиохию, взял Кесарию, Арсуф и Яффу, опустошил окрестности Тира и Акры. Нельзя сказать, чтобы эти успехи очень дорого достались Бибарсу, ни разу он не имел против себя соединенных сил христиан, а поражал отдельные отряды иерусалимских и антиохийских баронов, госпиталитов, иоаннитов и кипрских рыцарей. Трудно найти более выразительную характеристику нравственного и политического положения восточных христиан, как следующие слова Бибарса, сказанные на ходатайство Карла Анжуйского за своих единоверцев: “Не от меня зависит помешать гибели франков, они сами себе готовят погибель, самый последний из них разрушает то, что создает самый великий.”

Блестящие успехи Бибарса и отчаянные просьбы о помощи из Сирии еще раз вызвали значительное движение в пользу крестового похода. Во главе этого движения во второй раз стал король французский Людовик IX. Можно изумляться настойчивости Людовика, с которой он преследовал свою заветную цель, несмотря на тяжкий урок, вынесенный из Первого похода. Быть может, он и мог бы на несколько лет продлить господство христиан в Сирии, если бы подкрепил их свежими силами, но мечтать о нанесении чувствительного удара мусульманам теперь уже было поздно. Когда в 1270 г. французские рыцари с королем, его братьями и сыновьями во главе сели на генуэзские суда, прямая цель похода, по-видимому, еще не была определена. Она в первый раз стала известной в Кальяри (в Сардинии), где происходил военный совет и где было решено идти на Тунис. Внешним образом мотивировался этот поход тем, что будто бы тунисский эмир обнаруживает склонность к христианству и что привлечением его в лоно католической церкви можно было приобрести важного союзника для последующей войны с египетским султаном. Но на самом деле Людовик в этом отношении был орудием ловкой интриги, которая приготовлена была, вероятно, в Сицилии и которая имела целью подчинение Туниса политической власти Сицилийского королевства, незадолго перед тем перешедшего к французскому королевскому дому²². Во всяком случае тунисский поход был предприятием, весьма мало отвечающим целям и нуждам христиан на Востоке. Он таковым оказался и по своим последствиям. Высадившись 17 июля 1270 г. на тунисском берегу, Людовик не только не встретил готовности со стороны тунисских мусульман принять христианство, но, напротив, имел в них неприятеля, готового защищаться. Не начиная, однако, серьезных предприятий против Туниса и ожидая прибытия Карла Анжуйского, французы дали эмиру²³ собраться с силами и наладить отношения с султаном Бибарсом. Единственным приобретением крестоносцев было завоевание карфагенской крепости, которая, впрочем, не имела для них значения. Между тем эмир тунисский начал тревожить христианский лагерь нападениями, и непривычная африканская жара произвела болезни и большую смертность. В начале августа умер сын короля Тристан²⁴, затем смерть настигла папского легата епископа Рудольфа, наконец впал в тяжкую болезнь, от которой сошел в могилу 25 августа, и сам король. Все крестоносное предприятие этим расстраивалось. После нескольких сражений с тунисскими войсками, не находя ни охоты, ни важных побуждений тратить силы на осаду крепко защищенного города, наследник Людовика Филипп²⁵ и Карл Анжуйский начали переговоры о мире. Обе стороны согласились на следующие условия: 1) тунисский эмир дает свободу христианам жить в его областях и совершать богослужение в устроенных ими храмах; 2) соглашается вносить вдвойне, против прежней, дань сицилий-

скому королю, выплачивает военные издержки. Со своей стороны христианские короли обязывались немедленно очистить занятые ими области Туниса. Большинство рыцарей считало свой обет исполненным и возвращалось на родину. Лишь небольшая часть французов и принц Эдуард Английский²⁶ сочли обязанностью идти в Сирию.

Гроб с телом Людовика IX поднимают на борт корабля в Тунисе
Миниатюра из французской хроники

Хотя гроза сирийских христиан, султан Бибарс, умер в 1277 г., это мало влияло на общий ход дел. На Востоке, в Сирии и Египте, свирепствовала война из-за обладания султанатом, среди христиан продолжались мелкие распри, споры из-за власти и соперничество между тамплиерами и иоаннитами. Наконец, султан Килавун²⁷ блестящей победой при Гимсе над своими соперниками, опиравшимися на помощь монголов, снова придал единство и значение мусульманству. В это же время им был заключен ряд договоров с рыцарскими орденами, с графом Триполи²⁸ и властителями Акры, по которым христианам обеспечивалось спокойствие на десять лет десять месяцев и десять дней, и они со своей стороны обязывались не возводить новых укреплений и давать знать султану о приближении в Сирию новых крестоносцев из Европы. Эти договоры, однако, нарушились и, главным образом, по вине христиан. В 1289 г. борьба из-за власти в Триполи была причиной того, что египетские войска осадили и взяли этот город, положив конец существованию Триполийского графства. В следующем году военные люди из Акры произвели грубые насилия в соседней магометанской области. Султанат потребовал удовлетворения и объявил Акре войну. Акра была цветущим и населенным городом, жители которого отличались богатством и изысканной роскошью. На защиту Акры христиане могли выставить до 20 тысяч войска, но на беду в гарнизоне не было дисциплины и каждый предводитель считал себя вправе следовать своему плану защиты. Между тем, в марте 1291 г. султан подошел к городу с огромными метательными машинами и с сильным войском. Дело началось мелкими стычками под стенами и, хотя христиане не щадили своих сил и энергии, можно было предвидеть, что им не удержаться перед врагом. В мае к Акре прибыл король кипрский Генрих²⁹ с небольшим вспомогательным отрядом, но он оставался здесь не больше десяти дней и, видя, что осада угрожает неминуемым падением города, вернулся на Кипр, за ним последовало до трех тысяч беглецов из Акры. Несколько раз египтяне делали приступ, причем разрушили часть стены и врывались в город. Осажденные собрали последние усилия, мужественно отразили мусульман и поспешно заделали обвалившуюся стену, но было ясно, что против нового приступа Акра не устоит. 18 мая было последнее и решительное дело. Магометане с особенной силой ударили по стенам Акры, сломали одни ворота и густыми толпами ринулись в город. Многие тысячи пали жертвой меча, множество женщин и детей было взято в плен и продано в рабство. Египтяне не оставили в Акре камня на камне и сравняли город с землей. Хотя за христианами оставались еще некоторые города и замки в Сирии (Бейрут, Сидон, Тир и другие), но держаться здесь они уже не считали возможным, и вскоре после 18 мая сирийский берег был вполне свободен от христианских поселений. Мусульманский мир, казалось, бесповоротно завладел Сирией, Палестиной и Египтом, лишив христиан всех позиций на Востоке.

Примечания.

1 *Король Тибо Наваррский* (1201-1253) — Тибо (Теобальд) I, король Наварры с 1234 г., граф Шампани (Тибо IV), сын Тибо III Шампанского и Бланки Наваррской. В 1239 г. высадился в Акре, однако его экспедиция закончилась неудачей.

2 *Герцог Гуго Бургундский* — Гуго IV (1218-1272), сын Эда III, из рода Капетингов. Участник шестого и седьмого крестовых походов, с 1266 г. — номинальный король Фессалоник. Был женат на сестре короля Наварры Тибо I Беатрисе Шампанской.

3 *Граф де Монфор* — Амори VI (1192-1241), сын победителя альбигойцев Симона де Монфора и Алисы де Монморанси, граф с 1218 г., коннетабль с 1239 г.

4 *Граф Бретонский* — Иоанн I (1217-1286), герцог Бретонский с 1237 г., сын графа Пьера де Дре из рода Капетингов и Алисы де Туар, наследницы Бретани.

5 *Граф де Бар* — Генрих II, граф де Бар (1214-1240), сын Тибо I.

6 *Граф Ричард* — Ричард Плантагенет (1209-1272), младший сын английского короля Иоанна Безземельного, граф Корнуэльский, король Германии с 1256 г. (в период междуцарствия).

7 *Айюб* — египетский султан Салих Наджм ад-Дин Айюб (1240-1249).

8 *Султан Дамаска и эмир Керака (Анназир Дауд)* (1229-1250) — племянник египетского султана ал-Камиля.

9 *Патриарх Роберт* — Роберт, епископ Нантский, патриарх Иерусалимский (1240-1255).

10 *Иннокентий IV* — папа римский (1243-1254), в миру Синибальдо Фьески. Весь свой понтификат посвятил борьбе с Гогенштауфенами. Изгнанный во Францию императором Фридрихом II, объявил его отлученным и лишенным короны. Отказался от посредничества Людовика IX Святого в примирении с императором.

11 *Людовик IX* — Людовик IX Святой (1214-1270), король Франции с 1226 г., сын Людовика VIII и Бланки Кастильской. Возглавил последние, седьмой и восьмой, крестовые походы.

12 *Туран-шах* — египетский султан Муаззам Туран-шах (1249-1250), сын Айюба, последний из рода Айюбидов. Свергнут мамелюками.

13 *Брат короля* — младший брат Людовика IX граф Роберт I д'Артуа (1216-1250).

14 *Альфонс Пуатевинский* — граф Альфонс де Пуатье (ум. 1271), граф Тулузский с 1251 г.

15 *Карл Анжуйский* (1226-1285) — младший из братьев Людовика IX Святого, граф Анжу, Мена и Прованса, король Неаполя и Сицилии с 1268 г., король Иерусалима с 1277 г.

16 *Королева* — Маргарита Прованская (1221-1295), дочь графа Прованса Раймунда-Беренгара IV, жена Людовика IX Святого с 1234 г. В 1248 г. сопровождала короля в крестовом походе. После смерти мужа постриглась в монахини (1270 г.).

17 *Бланка* — Бланка Кастильская (1188-1252), дочь Альфонса IX Кастильского и Элеоноры Английской, жена Людовика VIII, мать Людовика IX Святого. Решительная и волевая, в период малолетства сына (1226-1234) и во время его крестового похода (1248-1254) была регентшей Франции. Перед смертью приняла монашество.

18 *Монгольский хан Хулагу* (ок. 1217-1265) — внук Чингисхана, основатель династии в Персии. В 1258 г. захватил Багдад, присоединив владения аббасидов к монгольской империи. С большим трудом покорив Сирию, не смог ее удержать, потерпев поражение от египетских войск. Покровительствовал христианам и питал интерес к наукам.

19 *Бейбарс* — Бейбарс I аз-Захир Сейф ад-Дин ас-Салихи (1223-1277), египетский султан с 1260 г., из династии Бахри (Египетских мамелюков). Окончательно вытеснил крестоносцев из Антиохии (1268 г.), успешно воевал с монголами и армянами, однако его попытка захватить Кипр окончилась неудачей.

20 *Михаил Палеолог* — Михаил VIII Палеолог (ок. 1224-1282), византийский император с 1261 г., сначала военачальник никейского императора Феодора II Ласкариса (1222-1259), затем занял его трон. В 1261 г. вступил в Константинополь, восстановив Византийскую империю, и заставил бежать последнего императора Латинского Балдуина II.

21 *Манфред Сицилийский* — Манфред Гогенштауфен (1231-1266), внебрачный сын Фридриха II, узаконенный императором. После смерти своего брата Конрада IV (1254 г.) — регент Сицилии. Во главе мусульманского войска победил папу Иннокентия IV. В 1258 г. возложил на себя корону Сицилии. Покровительствовал поэтам и ученым. Погиб в битве при Беневенте, потерпев поражение от Карла Анжуйского (см. прим. 15), союзника папы и будущего сицилийского короля. Его вдова Елена Ангел, дочь князя Эпира Михаила II Ангела, и их дети были захвачены анжуйцами и всю жизнь провели в тюрьме.

22 В 1268 г. младшему брату Людовика IX Святого графу Карлу Анжуйскому удалось завладеть Неаполем и Сицилией, где ранее правили Гогенштауфены, и основать Анжуйскую династию (1268-1442).

23 *Эмир*: эмиром Туниса был в это время Абу-абд-аллах ал-Мостансер (1249-1277).

24 *Тристан* (ум. 1270 г.) — сын Людовика IX Святого и Маргариты Прованской, граф де Валуа.

25 *Филипп* — старший сын Людовика IX Филипп (1245-1285), будущий король Филипп III Смелый (с 1270 г.).

26 *Эдуард Английский* — Эдуард (1239-1307), сын Генриха III Плантагенета, будущий король Эдуард I (с 1271 г.).

27 *Калаун* — Мансур Сайф ад-Дин Калаун, египетский султан из династии Бахри (1280-1290). Прославился победоносными походами против крестоносцев и монголов.

28 *Граф Триполи*: речь идет о Боэмунде VII (ум. в 1287 г.) из антиохийской династии, бездетном сыне Боэмунда VI и последнем христианском государе в Сирии (граф с 1274 г.).

29 *Король Кипрский Генрих* — Генрих II Лузиньян (1271-1324), сын Гуго III, последний иерусалимский король (1286-1291), еще располагавший некоторыми землями в Палестине (Акрой, в частности). После 1291 г. титул королей Иерусалимских становится фикцией.

Заключение.

Недостатки в организации крестоносных ополчений, обуславливавшие неуспех рассмотренных военных операций, не остались тайной для современников и участников в крестовых походах и частью указаны были в конце XIII и в начале XIV в. Прежде всего крестоносцам предстояло разрешить политическую задачу, и разрешить ее силой оружия. Большинству участников в крестовых походах было чуждо это сознание, главные массы крестоносцев были возбуждаемы религиозными мотивами, недостаточными для методического проведения обширной задачи, преследуемой крестовыми походами. Эта цель вообще направлялась не только к тому, чтобы освободить Иерусалим и святые места из-под власти мусульман, но, что еще важнее, к тому, чтобы обеспечить за христианами фактическое господство на Востоке. В мемуарах, составленных в XIV в., для достижения этой цели указано весьма реальное средство — заселение Сирии и Палестины густыми массами христиан, передача туземцам европейских языков и образования, словом, постепенное поглощение сирийцев и арабов и ассимиляция их. Ясно, что крестовые походы, при всем громадном напряжении европейцев, не выбрасывали на сирийский берег таких масс, которые были бы в состоянии поглотить туземцев. Напротив, в этом отношении делалось весьма мало, потому что та половина крестоносцев, которая достигла Святой земли, исполнив обет, считала себя свободной от дальнейших забот и возвращалась на родину. Таким образом, неудача крестовых походов зависела главным образом от того, что недостаточно громадно было движение европейцев и сравнительно ничтожно число тех, которые оставались в Святой земле для постоянного поселения.

Цели крестовых походов нельзя было достигнуть без содействия Византийской империи и без участия греков. Оставляя даже в стороне политическое влияние византийского императора, которое могло быть заменено другим равносильным авторитетом, руководители крестовых походов просмотрели громадную силу в греческом духовенстве и восстановили его против себя на всем театре своего политического влияния. Не озаботившись установлением правильных отношений с Византией и не разграничив на Востоке сферу византийского и европейского влияния, крестоносцы предпринимали рискованное дело. Завоеванием Византийской империи думая облегчить свою задачу, они на самом деле уклонились от нее и создали себе в будущем непреодолимые затруднения. Итак, отсутствием гуманности и политической дальновидности по отношению к Византии крестоносцы лишили себя серьезного союзника. Слишком хорошо сознавали участники и современ-

ники крестовых походов, что почти ни разу прибывавшие на Восток военные люди не применяли свои силы на одно общее предприятие. Напротив, при недостатке военной организации и дисциплины, при различии целей, преследуемых вождями разных национальностей и, наконец, ввиду борьбы и интриг, разъедавших общины сирийских христиан, равно как соперничества между итальянскими торговыми республиками, никогда почти не удавалось достигнуть соглашения взаимно противоречащих интересов и направить к одной военной цели все наличные крестоносные силы. Борьба папской и императорской власти и вражда светской и духовной партии в Сирии и Палестине не раз уничтожали выгоды, добытые договором с египетским султаном.

Наконец, нельзя не усматривать основную причину неудачи крестовых походов в политическом и торговом соперничестве самих европейских народов. Этим соперничеством объясняется прежде всего направление четвертого похода на Константинополь, затем отклонение походов Людовика Святого на Египет и Тунис, этому же соперничеству нужно приписать истощение сил сирийских христиан, поглощаемых борьбой Венеции и Генуи в XIV в.

Не достигнув цели крестовых походов, западноевропейцы несут тяжкую ответственность перед судом истории. Вследствие ошибок, допущенных в XII и XIII вв., оказались надолго утраченными для европейского культурного влияния Малая Азия, Сирия и Палестина. Ошибками христиан воспользовались их враги. Монголы и затем османские турки основали прочное господство на тех местах, которые были предметом неудачного домогательства со стороны христиан. Вопрос о возвращении святых мест отошел на задний план, а на первое место выступил Восточный вопрос, стоивший Европе уже громадных жертв и доныне привлекающий к себе внимание отчаянными криками о помощи.

Ввиду несказанно тяжелых потерь, понесенных во время крестовых походов, и неисчислимого количества погибших христиан, а равно ввиду полного несоответствия результатов с предположенными целями трудно говорить о том, уравновешиваются ли громадные жертвы и потери той пользой, которую извлекло средневековое общество из знакомства с Востоком. Указывают на сравнительно высокую арабскую культуру в XI в. и на заимствования, усвоенные от арабов и перенесенные в Европу; приписывают большую важность остаткам античной культуры в греческих землях, чуждым для европейцев формам жизни на Востоке и находят многочисленные заимствования европейцами в предметах домашнего обихода, в терминах торговли, промышленности; наконец, обращают внимание на изменения в общественной жизни европейцев после крестовых походов (развитие городской свободы, протест против абсолютизма римской церкви), и пытаются все это рассматривать как прямой результат крестовых походов. По нашему мнению, выгоды неизмеримо ниже потерь и убытков. Влияние крестовых походов на прогресс средневекового общества подвергается значительному колебанию, если принять во внимание естественный процесс эволюции, который и без крестовых походов мог привести средневековые народы к успехам на пути политического развития и эмансипации. Независимо от этого, период крестовых походов оставил Западной Европе тяжелое бремя в Восточном вопросе, который требует от нее новых жертв и служит препятствием к ее дальнейшим успехам на пути развития.

Хронология.

1071 Сельджуки наносят поражение византийцам при Манцикерте
1092 Смерть великого султана сельджуков Малик-шаха
1097 Первый крестовый поход; крестоносцы наносят поражение сельджукам при Дорилее
1098 Крестоносцы овладевают Антиохией; Фатимиды захватывают Иерусалим
1099 Крестоносцы овладевают Иерусалимом
1099 — 1105 Гражданская война среди сельджуков
1102 Фатимиды наносят поражение крестоносцам при Рамлахе
1109 Крестоносцы овладевают Триполи
1115 — 1116 Крестоносцы оккупируют Трансиорданию
1118 Смерть византийского императора Алексея I Комнина
1119 Войска Атабега наносят поражение крестоносцам на “Кровавом поле”
1122 Аббасидский халиф впервые за много лет собирает свою армию.
В последнем набеге на Византию печенеги терпят поражение при Эски-Загре, половцы за-
нимают их земли
1124 — 1126 Война Византии с Венецией
1127 Занги становится губернатором Мосула
1128 Венгры вторгаются в земли Византии до Филиппополя, но отражены
1136 — 1139 Иоанн II Комнин (1118-1143) в упорной борьбе отвоевывает у турок значи-
тельную часть потерянных в предыдущие два десятилетия земель в Анатолии, отвоевыва-
ет Киликийскую Армению, совершает походы в Северную Сирию, установив сюзеренитет
над крестоносным княжеством Антиохией после осады города (1137-1138)
1138 Вероятный год рождения Саладина
1144 Занги овладевает удерживавшейся крестоносцами Эдессой
1146 Убийство Занги.
Крупный поход византийцев против турок, окончившийся успехом, но не принесший ре-
зультатов
1147 Второй крестовый поход проходит через Константинополь.
Крестовый поход германцев терпит поражение от сельджуков
1147 — 1148 Роже II Сицилийский нападает на Эвбею и Коринф, захватывает Корфу, пока
не изгнан
1148 Второй крестовый поход терпит поражение под Дамаском
1149 — 1152 Мануил I Комнин (1143-1180) подавляет восстание сербов и наносит пораже-
ние пришедшей им на помощь венгерской армии (1150), вплоть до вторжения в Венгрию.
Возобновившаяся в 1155-1156 война снова оканчивается поражением венгров.
1152 Карательный поход византийцев против Киликийской Армении
1153 Крестоносцы овладевают Аскалоном, последним опорным пунктом Фатимидов в Па-
лестине
1154 Нур-ал-Дин захватывает Дамаск
1155 — 1158 Пытаясь вернуть потерянные Византией владения в Италии, византийцы на-
носят поражение сицилийским норманнам в битве при Андрии (1155). Несмотря на этот и
другие успехи поход терпит неудачу. Последние византийские войска покидают Италию в
1158.
1157 Смерть Синджара, последнего выдающегося султана сельджуков
1158 -1161 Серия походов византийцев против сельджуков. Сельджуки признают сюзерен-
нитет Византии

1161 — 1164 Соединенные силы византийцев из Киликии и латинян из Иерусалима и Антиохии действуют в Сирии до победы над ними Нур ад-Дина из Алеппо в сражении при Артахе.

1163 — 1168 Иерусалимские крестоносцы трижды неудачно вторгаются в Египет

1165 — 1167 Война между Византией и Венгрией. В результате победы византийцев при Семлине (1167) они возвращают Далмацию и Боснию.

1169 Саладин захватывает Египет.

Провал соединенной византийско-латинской экспедиции против Дамииетты.

1171 — 1177 Война Венеции с Византией, последовавшая за арестом Мануилом I всех венецианцев на его землях. Венецианцы овладевают Рагузой в 1171 и занимают Хиос 1171-1172, пока не выбиты византийским флотом. Совместное венециано-сицилийское нападение на вассальную Византии Анкону в 1173 также отбито. Боевые действия безрезультатно оканчиваются в 1177, мир не заключен вплоть до 1183.

1172 Восстание сербов жестоко подавлено византийцами.

1174 Смерть Нур-ал-Дина; Саладин захватывает Дамаск

1176 Сельджуки наносят жестокое поражение византийцам Мануила I при Мариокефалоне. Значительная часть Анатолии потеряна византийцами, несмотря на ряд успехов в 1176-1180.

1181-1183 Ряд восстание окончившихся гибелью Мануила I.

1182 — 1183 Рено де Шатийон разоряет побережье Красного моря

1183 Саладин захватывает Алеппо

1184 Кипр отделяется от Византии под властью губернатора и самозванного императора Исаака Комнина.

1185 Сицилийские норманны разоряют Дураццо и Фессалонику, второй по величине город Византии, но затем разбиты. Сицилийцы также помогают Исааку Кипрскому отбить византийский поход с целью подчинить остров.

1186 Болгария и Сербия отделяются от Византии.

1187 Саладин наносит поражение войску крестоносных государств при Хаттине; он овладевает Иерусалимом, но терпит неудачу при попытке взять Тир

1189 — 1191 Осада и взятие Акры третьим крестовым походом

1191 Английский король Ричард I завоевывает Кипр и дарит его Тамплиерам.

Крестоносцы наносят поражение Саладину при Арсуфе

1192 Ричард Львиное Сердце покидает Палестину

1193 Смерть Саладина

1194 Хорезмшах наносит поражение последнему сельджукскому султану Ирана

1202 Алексей IV, сын свергнутого императора Исаака II Ангела (1185-1195), побуждает венецианцев и латинян организовать четвертый крестовый поход чтобы помочь ему вернуть трон у узурпатора Алексея III (1195-1203).

1203 Венецианцы и крестоносцы занимают Константинополь, Исаак II восстановлен с Алексеем IV в качестве соправителя.

1204 Исаак и Алексей свергнуты Алексеем V Дукой, который бежит в апреле когда венецианцы и крестоносцы вновь захватывают Константинополь и создают свою собственную “Латинскую империю.” Основные земли оставшиеся в руках византийцев — Никейская империя, Трапезундская империя и Эпирская деспотия. Несмотря на победы в сражениях при Пойманеноне и Адрамиттионе попытка латинян немедленно разгромить Никейскую империю терпит неудачу.

1205 Поражение латинян от болгар при Адрианополе вынуждает их перебросить силы из Малой Азии, ослабив натиск на никейцев.

1211 Сражение при Антиохии на Писидии. Союзные войска латинян, сельджуков и трапезундских византийцев побеждены никейским императором Федором I Ласкарисом (1204-1222). Бывший император Алексей III захвачен в плен сражавшимся в рядах сельджуков.

1212 Федор Ласкарис наносит поражение Давиду Комнину, независимому правителю византийской Пафлагонии с 1204 и захватывает большую часть его земель.

1214 Никейцы захватывают восточную часть Трапезундской империи, Давид Пафлагонский разгромлен и убит сельджуками.

1215 Эпирские византийцы покоряют большую часть Македонии.

1218 Эпирский деспот Федор Дука (1215-1230) совершает ряд успешных походов против латинян и болгар, продолжавшихся последующие шесть лет.

1218 — 1221 Пятый крестовый поход вторгается в Египет; смерть айюбидского султана ал-Адила; поражение Пятого-го крестового похода

1220 — 1222 Монголы завоевывают восточные исламские страны

1224 Федор Дука отвоевывает Фессалонику, где провозглашает себя императором. Никейский император Иоанн III Дука Вататцес (1222-1254) наносит поражение латинянам во второй битве при Пойманеноне.

1225 Иоанн III заключает мир с Латинской империей на условиях вывода ее войск с азиатского побережья и завоевывает большую часть Фракии.

1228 — 1229 Император Фридрих II обеспечивает безопасность Палестины, заключив мир с айюбидским султаном ал-Камилем

1230 Битва при Клокотнице. Федор Дука разбит болгарами, захватившими Македонию и Фракию. Его “империя” распадается на три малые независимые части — Фессалонику, Эпир и Фессалию.

1233 Иоанн III одерживает победу над деспотом Родоса Львом Габалом.

1235 Совместное никейско-болгарское нападение на Константинополь отбито венецианцами.

1238 Распад Айюбидской империи.

Иоанн III отправляет византийский отряд сражаться на стороне германского императора Фридриха II в Италии.

1243 Сельджуки терпят поражение от монголов при Казадахе. Султан Хосров II заключает союз с Никеей. Трапезундский император Мануил (1238-1263) становится монгольским вассалом.

1245 Ал-Салих вновь объединяет Айюбидскую империю

1246 Никейцы захватывают Фессалонику у эфирцев и отвоевывают Адрианополь и большую часть южной Македонии у болгар.

1249 — 1250 Французский король Людовик IX Святой вторгается в Египет; смерть ал-Салиха; мамлюкский переворот в Египте; капитуляция Людовика IX

1251 — 1252 Пограничный конфликт между никейскими и эфирскими византийцами, успешный для последних, урегулируется.

1254 — 1256 Болгары пытаются после смерти Иоанна III отвоевать потерянные территории, но отброшены.

1257 — 1259 Поход эфирцев с целью захватить Фссалонику у никейцев оканчивается решающим сражением при Пелагонии, в котором эфирцы и их латинские союзники терпят полное поражение.

1258 Монголы разоряют Багдад
1260 Монголы оккупируют Сирию и разбиты мамлюками при Айн-Ялу
1261 Михаил VIII Палеолог (1261-1282) захватывает никейский трон у малолетнего Иоанна IV Ласкариса (1258-1261). Его полководец Алексей Стратегопулос овладевает Константинополем, положив тем самым конец Латинской империи.
1262 Князь Ахейи, плененный в битве при Пелагонии, за свое освобождение передает Михаилу VIII крепости Мистра, Монемвасия, и Майна в Морее, но начинается война с латинянами, венецианцами и эфирцами.
1263 Византийцы разбиты ахейцами в битве при Принице. В этом году произошел последний конфликт между Византией и Венгрией, в котором византийская армия вторглась в западную Болгарию и разорила венгерскую вассальную область Видин. Михаил VIII захватил болгарские черноморские порты — Месембрия, Сизополь и ряд других.
1264 Византийцы терпят поражение от ахейских франков в сражении при Макриплаги.
1268 Мамлюки овладевают Яффой и Антиохией
1273 Эфирцы Иоанна I Дуки Фессалийского (1271-1289), поддержанные латинянами, наносят поражение византийским силам, осаждавшим Неопатрас. Они отступают на побережье, где подкрепляют свой флот, который побеждает венецианско-латинскую эскадру в сражении при Деметриасе.
1277 Эфирцы побеждают византийцев в сражении при Фарсале.
1280 — 1282 Война между Византией и “Албанским королевством” Карла Анжуйского. Анжуйцы терпят поражение при Берате 1281, годом позже Карл прекращает конфликт из-за восстания на Сицилии.
1281 — 1285 Война между Венецией и Византией
1282 Сербы начинают завоевание византийской Македонии, захватив Скопье.
1289 Мамлюки уничтожают Триполи
1291 Мамлюки овладевают Акрой и всеми владениями крестоносцев в Сирии и Палестине

http://enoth.narod.ru/Crusades/Crusade_Usp00.htm